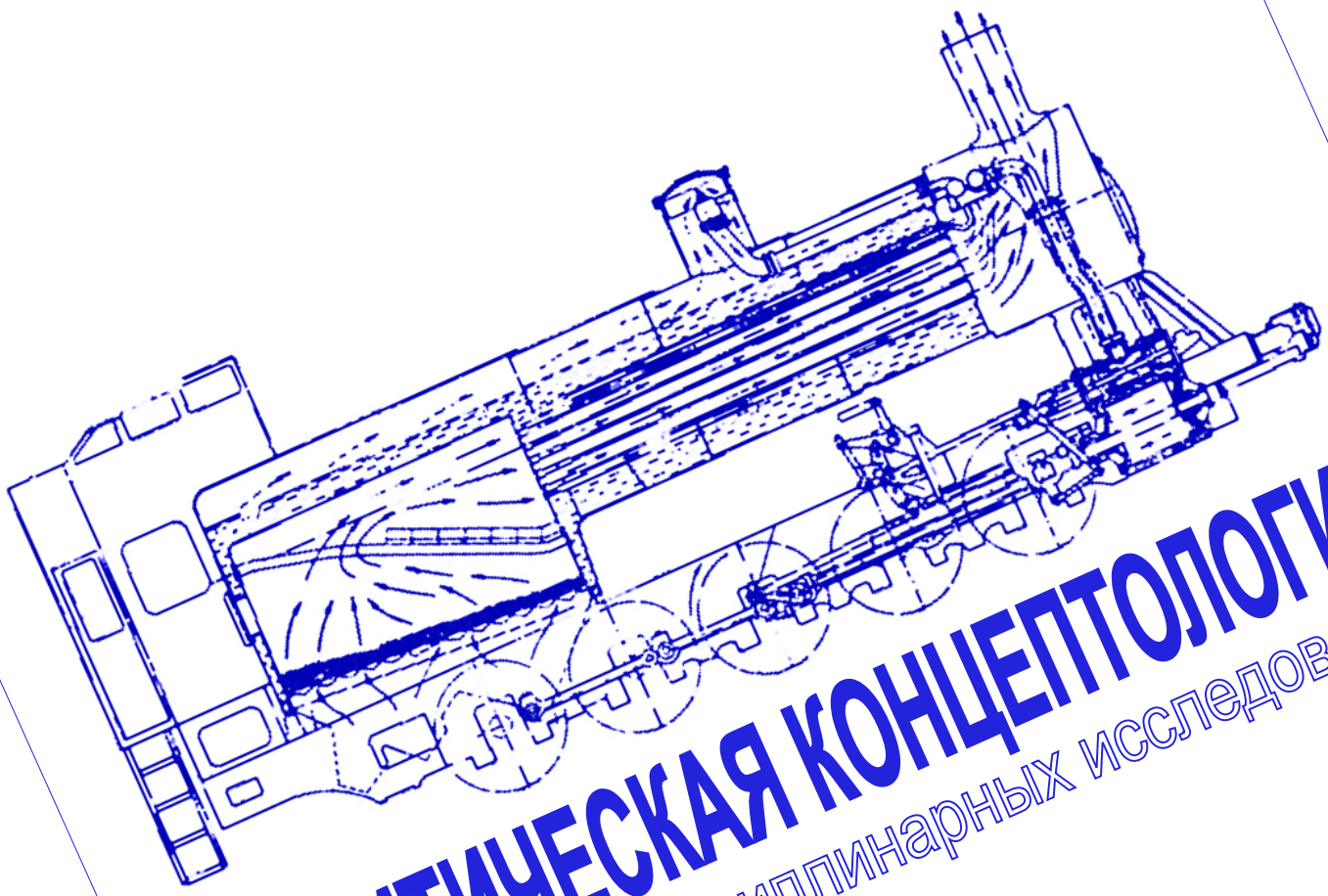
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2023 г. № 1



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Института философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2023. № 1

(январь-март)

Научный журнал
Издаётся с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-82437 от 8 декабря 2021 г.

ISSN 2949-0707

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Ответственный секретарь: *А.В. Тупаев*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, профессор *С.С. Неретина* (г. Москва)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (г. Волгоград)

Доктор философских наук, профессор *М.Ф. Быкова* (г. Роли, Северная Каролина, США)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (г. Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (г. Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (г. Москва, г. Ньюфаундленд, Канада)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (г. Санкт-Петербург)

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор *Ю.В. Синеокая* (г. Москва)

Доктор политических наук, профессор *А.Ю. Сунгуров* (г. Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (г. Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (г. Москва)

Электронная версия журнала: **https://politconcept.sfedu.ru/**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344065, г. Ростов-на-Дону
ул. Днепровский, 116, к. 116
тел. (863) 290-10-93
факс: (863) 264-52-55
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Государственный интерес как система инакомыслия:
военно-дипломатическая модель Мишеля Фуко..... 6

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Сухарев М.В.
Идеоматериальные полисистемы и политика..... 15

РУССКАЯ МЫСЛЬ И ПОЛИТИКА

От редакции..... 34

Лекторский В.А.
О философских «шестидесятниках»..... 34

Порус В.Н.
Обречённое возрождение..... 42

Неретина С.С.
Время переломов..... 45

Розин В.М.
Полемические диспозитивы философов-шестидесятников
(теория деятельности и феноменология)..... 57

Неклесса А.И.
Шестидесятники как потенциальный субъект социальной префигурации..... 65

Рац М.В., Слепцов Б.Г.
Деятельностный подход: из 1960-х в 2020-е и далее..... 70

Воронин А.А.
Эпоха просветительских иллюзий..... 77

Мининков Н.А.
Восприятие школьником известий об арестованном дяде
(по собственным воспоминаниям)..... 85

Синеокая Ю.В., Кузнецова Н.И., Тульчинский Г.Л.
Выступления в дискуссии..... 90

АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЙ

Рубцов А.И.
Идеология в России времени постмодерна и спецоперации..... 95

Кара-Мурза А.А.
Критика «русского северянства» в эмигрантских работах Василия Шульгина..... 100

Черников М.В.
Марксизм как психоконцептуальное оружие..... 107

КАФЕДРА

Макаренко В.П.
Социальная структура: явные и скрытые элементы..... 123

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Андрески Ст.
Главы 3–5 из книги «Войны, революции и диктатуры:
исследование исторических и современных проблем с компаративной точки зрения»... 134

Наши авторы..... 142

Summaries and keywords..... 144

Contents..... 150

К сведению авторов..... 152

Слово редактора

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС КАК СИСТЕМА ИНАКОМЫСЛИЯ: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИШЕЛЯ ФУКО

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Современное российское государство является паразитическим[1]. Но его господствующие меньшинства по-прежнему говорят о некой «особой роли» России в европейской и мировой истории, хотя уже установлено множество непредвиденных и отрицательных последствий идеологии «особого пути»[2]. В России уже более сотни лет существуют пять версий отечественной истории – государственническая, либерально-западническая, националистическая, цивилизационная, постколониальная. Каждую из них невозможно опровергнуть на основании изучения исторических источников. Значит, истинность всех примерно одинакова, и каждая имеет право на существование. Однако в практику школьного образования внедрена обновлённая версия учебника «государственной школы», в котором история России рассматривается как безальтернативный процесс превращения Московского княжества в Российскую империю и Советский Союз. Тем самым власть сознательно сужает интеллектуальные и политические горизонты подрастающих поколений и всего населения. Кроме того, под влиянием цветных революций власть начала культивировать отрицательную оценку революций, хотя сами её представители признают, что «экспорт цветных революций – наша кремлёвская пропагандистская выдумка»[3]. На протяжении последних тридцати лет Россия пропагандирует контрреволюционную идеологию, которая проявляется во внешней политике и внутриполитической риторике, и (по мнению официальных лиц) соответствуют государственным интересам страны[4]. На деле стране и миру предлагается архаичная версия политического господства[5]. Поэтому требуется освоение и разработка новых концепций, в которых предлагается иная версия государственных интересов. В статье предлагается реконструкция одного из фрагментов политической теории М. Фуко.*

Ключевые слова: *государственный интерес, Мишель Фуко, инакомыслие и политика, эссенциалистская и аналитическая концепция политики.*

[1] См.: Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019; Эткинд 2020.
[2] См.: Идеология особого пути… 2010.
[3] См.: Крастев 2018: 249.
[4] См.: Курилла 2022.
[5] См.: Булдаков 2010.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.614

Постановка задачи и базовые термины

Мишель Фуко начал свою лекцию 22 марта 1978 г. с формулировки тезиса: в XVII веке «Иной способ мыслить, иной способ осмысливать власть, иной способ осмысливать королевскую власть, иной способ осмысливать царствование и управление, иной способ осмысливать связи царства небесного и царства земного. Именно это инакомыслие и определяется как политика, именно оно политикой называется; политика, которая для искусства управления была тем же, чем была в ту же эпоху математика для науки о природе» [Фуко 2011: 374]. Вся его лекция направлена на доказательство сходства между инакомыслием и политикой. Это сходство Фуко устанавливает в процессе осмысления природы государственных интересов (далее ГИ). Такой поворот темы сообщает оригинальность его политической теории и обеспечивает пространственно-временную связь размышлений Фуко с политической историей Советской России, поскольку именно в ней инакомыслие и диссидентство нашло благодатную почву [Шубин 2008]. Цель статьи состоит в воспроизведении главных тематических блоков, в которых резюмирован ход мысли, аргументы и выводы Фуко о сути взаимосвязи между инакомыслием и политикой как почвы, на которой возникает ГИ.

Можно утверждать совершенно определённо, что понятие ГИ вписано в контекст всей политической теории Фуко, которая уже используется для анализа ситуации в России [Мишель Фуко и Россия… 2001]. Одним из важных эмпирических оснований данной теории было освоение Фуко ситуации в СССР и всей Восточной Европе после смерти Сталина, включая теорию и практику советского инакомыслия и связанного с ним движения диссидентства. Такой поворот темы увеличивает значение системы взглядов Фуко для анализа ГИ с точки зрения его постсоветских воплощений.

Фуко изучал формы сопротивления пастырству по аналогии с сопротивлением политическому суверенитету и экономической эксплуатации [Фуко 2011: 260]. Для обозначения специфики сопротивления владычеству, эксплуатации и поводырству он предложил термин *диссидентство* (в состав которого входит инакомыслие), связывающий историю с современностью. Это предложение подкреплено двумя историческими причинами: указанный термин использовался в истории для обозначения религиозного сопротивления пастырству; он применялся также во второй половине XX в. для обозначения движения в СССР и странах Восточной Европы. Фуко считал эти движения формой сопротивления потому, что они имели место в обществе, в котором государственная власть и партия (КПСС), определяющая экономику страны и формы суверенитета, считала своим долгом вести людей. Такое поводырство направляло их повседневную жизнь посредством системы послушания, в состав которого входили террор, бюрократия и идеология. Ключевым аспектом диссидентства является отказ идти за поводырем и считать партию пастырем.

Термин *антиповодырство* Фуко использовал для анализа всего поля политики и власти как множества антиповодырских действий. Тем самым инакомыслие образует необходимый онтологический элемент археологии власти, включая сферу ГИ. Значит, без анализа инакомыслия невозможно осознать проблему ГИ. Всякое отождествление ГИ с существующими структурами власти ложно по определению. Фуко детально описывает предпосылки распространённой политической лжи.

Мир политических иллюзий

Он считает, что ГИ возникал в процессе попыток государства рационализировать управление и стать принципом понимания реальности. Государство функционировало как объект (то, что должно быть достигнуто в итоге вмешательств разума) и цель (рационализа-

ция управления ради целостности, завершённости, усиления и восстановления государства, если возникает угроза его разрушения при революции). Государство создаёт возможность управлять рационально, следуя необходимости. Оно есть регулирующая идея политики как формы мышления, рефлексии, расчёта, вмешательства. При этом политика понимается как математика, рациональная форма управления. Управление считает государство принципом, объектом и императивом прочтения реальности. Управление разумно в той степени, в которой государство есть и должно быть. Однако ни одно государство до сих пор не смогло устранить противоречия между разумом и реальностью, должным и сущим.

На основе идеи сходства между инакомыслием и политикой Фуко описывает различия в понимании ГИ. Он подвергает критике эссенциалистскую концепцию ГИ, в рамках которой со времени Платона культивируется убеждение в существовании некого совершенного знания средств, «посредством которых государства образуются, сохраняются, укрепляются и усиливаются». В этом случае ГИ функционирует ради предотвращения мятежей и стремления избежать цикла зарождения, роста, совершенствования, упадка и краха государства. Всю эту линию рассуждений и понимания ГИ Фуко отвергает.

Его аргументы таковы. В словаре эпохи указанный цикл назывался революцией, т. е. разновидностью квазиестественного (полу-природного, полу-исторического) феномена, который вводит государства в циклическое движение. Вначале государства движутся к свету и полноте, затем исчезают с лица земли. Поэтому теоретики понимали под ГИ сохранение государств вопреки революциям. Фуко показывает связь такого подхода с философией Платона. Тот предлагал против упадка города хорошие законы и добродетельных правителей, а теоретики XVI в. предлагали против угрозы революций искусство управления. Но цель такого ГИ аналогична законам Платона – избежать революции, сохранить государство в постоянном состоянии совершенства.

Иначе говоря, Фуко отвергает всю традицию и вытекающий из неё шаблон мысли, согласно которому государство должно уцелеть в ходе революции. По его мнению, в основе этого шаблона лежит приписывание государству предикатов Бога (включая идею постоянного совершенствования государства). Даже если мы (вслед за Лениным), считаем, что государство может быть использовано ради его отмирания, – добавлю я.

Фуко противопоставляет эссенциалистскому пониманию государства силовое понимание практиков, согласно которому сохранение государств не соответствует ГИ. Практики называли «усилением» государств факт их сосуществования в пространстве конкуренции. Фуко считает эту идею фундаментальной, новой и плодородной для создания политической технологии. Он предлагает понимать ГИ как политическую технологию, базирующуюся на конкуренции.

При таком понимании ГИ включает теоретический и исторический аспекты. Теоретический аспект состоит в формулировке идеи конкуренции, а не сохранения и совершенствования государств. В результате реализации этой идеи возникает иной политический мир, в котором неизбежно и навсегда пребывает множество государств. У каждого из них есть свой закон и цель, но не существует никаких конечных целей и законов, которые можно навязывать государству извне. ГИ исключает идеи индивидуального и группового спасения, эсхатологию и предполагает существование множества государств в открытом времени и многомерном пространстве. ГИ направлен против любых надындивидуальных (религиозных и светских) образований.

Исторический аспект означает такую политическую реальность, в которой реализована идея открытой во времени и пространстве истории. В XVI в. исчезают империя и церковь – старые формы универсальности, потерявшие назначение и смысл. На эту реальность накладывается принцип различного пространства и времени множества независимых государственных единиц.

Это множество исключает подчинение. Каждое государство утверждается в пространстве экономических изменений, торговой конкуренции, торгового господства, денежного обращения, колониального завоевания, контроля над морями. Всё это сообщает утверждению любого государства не форму самодостаточности, а политической и экономической конкуренции, которая придаёт смысл проблеме усиления государства как принципу ГИ.

Генезис политической конкуренции

Фуко предлагает изучать становление политической конкуренции, в результате которой ГИ приобретает статус основной категории европейского политического мышления. ГИ рождается в Италии на основе отношений между крохотными государствами. Испания и Германия дают примеры такого генезиса ГИ, который может сохранять государство лишь посредством увеличения его сил в пространстве конкуренции[6]. Однако Испания по причине захвата огромной территории оказалось сказочно богатой, но на протяжении XVII в. обеднела. Значит, обладание большой территорией не является главным признаком ГИ. Фуко считает историю крушения Испании типичным примером, на основе которого развивался анализ ГИ как новой области политики.

Франция, Германия и Англия были врагами и соперниками Испании. Но перед ними возникла угроза революции, к которой привели времена открытости и конкуренции. Соперничество, столкновения и конкуренция известны давно. Однако династическое соперничество не может мыслиться и рассчитываться как конкуренция. Фуко имеет в виду новый момент, когда конкуренция государств в открытых сферах политики и экономики вошла в состав рефлексивной призмы на неограниченное время. С XVI–XVII в. отношения государств воспринимаются уже в виде конкуренции, а не соперничества.

Здесь напомню, что рефлексивно-практическая призма Фуко при описании ГИ предполагает выявление принципиальных отличий религиозного, политического и исторического времени Средневековья, Ренессанса и Нового времени. Причины приписывания государству и его интересам вечности и прочих предикатов Бога преобразуются в главный объект исследования. В состав анализа входит изучение отношения между ГИ, насилием и зверством. Если спасение государства рассматривается как сверхзадача, то политика выходит за пределы законности и легитимности. Значит, вся сфера ГИ в данной точке пространства и времени может рассматриваться с точки зрения спасения, послушания и истинности. Эпохи распада империй становятся предметом театрализации. Особенно важен учёт того, что богатство государства и населения не совпадают. История России в XX–XXI веках даёт богатейший материал для фиксации такого несовпадения. Стремление бюрократии сохранить пастырскую власть и имперское устройство России увеличивает эвристический потенциал концепции Фуко, поскольку она направлена на опровержение этого стремления [Макаренко 2022].

При соперничестве государей и династий важным элементом было личное богатство государя (сокровища и налоги). Переход от соперничества государей к конкуренции государств включал три преобразования: от богатства государя как фактора могущества к богатству государства как силы королевства; от оценки могущества государя по обширности его

[6] Испания в XVI в. стала колониальной морской империей, охватывавшей почти всю планету. В ней возникла совокупность процессов, которые кристаллизовали размышления о ГИ в пространстве конкуренции. Ход размышлений включал две основные версии: 1. Любое государство, если у него есть средства и пространство, может претендовать на доминирующую позицию по отношению к другим государствам. Но речь уже не идёт о стремлении к империи, а о фактическом господстве над другими странами. 2. Само осуществление господства постоянно находится под угрозой со стороны соперников и возможности обеднеть, исчерпать своё могущество. Доминирующее положение могло стать жертвой не революции, а совокупности реальных механизмов, посредством которых прежние способы обеспечения могущество и господства вызывали крах государства.

владений к поиску богатств, присущих государству (людские и природные ресурсы, торговые возможности, баланс торгового обмена и проч.); осмысление столкновений в терминах конкуренции, а союзов как временного сочетания интересов. Этот переход изменил форму политической жизни и истории Запада.

В этом контексте происходил генезис силовой модели ГИ. Фуко подчёркивает, что война за испанское наследство в начале XVIII в. ещё вся насыщена проблемами, приёмами, подходами, способами действия и мысли, характерными для династического соперничества. Но в данном случае мы имеем перед собой последнюю форму столкновения, в которой династическое соперничество государей ещё заполняет и руководит чем-то похожим на конкуренцию государств, которая затем проявится в обнажённом состоянии в последующих войнах.

С момента начала перехода от соперничества государей к конкуренции государств становится явным понятие силы. Прежде его не было в теоретических текстах о ГИ. По мнению Фуко, для роста сил государства не нужно расширять территорию и заключать брачные и династические союзы. Вполне достаточно политических союзов. Именно они становятся первоматерией, объектом и принципом понимания ГИ в формулировках практиков конца XVI – начала XVII вв. Теперь в политике главным объектом использования и расчёта становится сила. Политика и политическая наука сталкиваются с проблемой динамики.

По мнению Фуко, эта проблема до сих пор не решена. Эволюция исторической реальности (открытие Америки, образование колониальных империй, падение империи и Церкви) приводит к появлению категории силы на уровне политического мышления. Она меняет политическое мышление, которое становится стратегией и динамикой сил. Однако науки о природе в это время тоже встречаются с понятием силы. Политическая динамика и динамика как физическая наука были почти современниками. Лейбниц соединил силу с историко-политической и физической точками зрения. Относительно причин и природы данной одновременности Фуко заявляет, что он ничего об этом не знает. Но считает необходимым ставить проблему в той мере, в какой тексты Лейбница доказывают, что однородность двух процессов не была чуждой мышлению современников.

Согласно Фуко, подлинной проблемой нового понимания ГИ является не сохранение государства, а сохранение, поддержание и развитие определённого соотношения сил. ГИ – это такая динамика сил, которая устанавливается военно-дипломатическим устройством и устройством полиции. Указанные системы выполняли функции сохранения соотношения сил и роста. Без них произошёл бы распад системы. Сохранение и соединение соотношения сил и развития свойственных каждому элементу сил Фуко называет механизмом безопасности.

Что такое баланс Европы?

В результате деятельности этого механизма ГИ становится способом объединения государств Европы. Если государства конкурируют, – размышляет Фуко, – то нужна система ограничения их мобильности, амбиций, роста и усиления. При этом надо оставить каждому государству возможность добиваться максимального усиления, не провоцируя противников и не доводя усиление ни до ослабления, ни до исчезновения государства. Эта система безопасности была установлена в рамках Тридцатилетней войны, которая завершила сто лет религиозной и политической борьбы. В итоге возникло такое число государств, которые могли стремиться к самоутверждению и окончательной форме своей политики.

Европа – резонирует Фуко, – это новая идея союза государств на следующих основаниях:

Отрицание универсализма христианства, которое стремилось охватить мир в целом. Европа – это географическое, ограниченное и локальное понятие, которое тогда полностью исключало Россию и частично Англию (она не участвовала в Вестфальском договоре).

Отрицание иерархии государств, в основе которой лежит высшая форма империи. Каждый правитель – император в своём королевстве. Ни у одного правителя нет превосходства, которое делало бы из Европы единую систему.

Европа множественна и включает различие государств. Это географическое разделение и многообразие без единства государств, среди которых имеется главное различие между малыми и большими государствами.

Европа как регион множества государств связана с миром в целом посредством экономического господства, колонизации, торгового использования. В этом регионе нет единства, а существует неравенство малых и больших государств. Она принимает окончательную форму в середине XVII в. в совокупности подписанных договоров. Такая историческая реальность существует до сих пор.

Указанные свойства резюмированы в понятии *баланс Европы*, которое резюмирует Фуко. Оно означает:

Сохранение такого различия между сильными и слабыми странами, которое исключает навязывание законов, одновременно ограничивая разрыв между ними.

В составе малого числа сильных государств равенство поддерживается до такой степени, что каждое из них сможет помешать любому другому восторжествовать над остальными. Уравнительная аристократия государств принимает форму равенства сил Англии, Австрии, Франции, Испании. В такой квадриге никто из них не сможет превзойти остальных, ибо три остальных сразу сумеют этому воспрепятствовать.

Союз наций образуется так, чтобы объединение многих малых держав смогло уравновесить силу высшей державы, которая рискнула бы угрожать одной из них. Эффект такой коалиции должен уравновесить любой возникший перевес – в данный момент и месте.

Абсолютное ограничение силы сильных, уравнивание сильных, возможность объединения слабых против сильных – три формы, которые замышлялись ради образования баланса Европы.

Промежуточный пункт рассуждений Фуко немаловажен для выдвижения оригинальных когнитивно-политических постулатов. Взамен прежней эсхатологии (когда империя понималась как точка завершения истории), – сообщает он слушателям и читателям, – возникает относительная, временная и хрупкая эсхатология в виде всеобщего, универсального и окончательного мира. Он не может быть установлен ни империей, ни Церковью. Всеобщий мир есть следствие многообразия при исключении любых последствий господства. Не единство, а множество порождает мир. В отличие от Средневековья, когда мира ожидали от Церкви как единой и унифицирующей власти, теперь мир ожидается от множества государств. Такова цель обеспечения безопасности, в которой каждое государство может увеличить свои силы без того, чтобы рост его сил был причиной разрушения для других или для него самого.

Средства реализации государственных интересов

На пути к заключению Фуко предлагает обдумать тематику трёх главных инструментов реализации ГИ в целях достижения ненадёжного всеобщего хрупкого временного мира. Речь идёт о войне, дипломатии и постоянном военном устройстве.

В Средние века война была поступком в юридическом (судебном) смысле слова[7]. Теперь перед государственными деятелями возникла другая задача: выработать в себе способность и обязанность развязать войну ради поддержки общего европейского равновесия. Больше нет войны за права, а есть война ГИ. Нет потребности в юридическом обосновании начала войны. Есть право развязать войну, дать ей дипломатическое обоснование (если равновесие нарушено в виде излишка власти одного из государств). Любой излишек власти любого государства нетерпим и требует восстановить равновесие. Так война отделяется от юридического повода.

Война теряет связь с правом, но восстанавливает связь с политикой. Политика направлена на сохранение равновесия государств ради обеспечения баланса Европы.

С этого момента появляется принцип «Война – это политика, продолженная иными средствами». Клаузевиц более ста лет спустя констатировал перемену, которая фактически произошла уже в начале XVII в., вместе с установлением новой дипломатии, нового политического интереса в момент Вестфальского договора. Политический интерес теперь ставится выше канона.

Дипломатия означает, что множество государств новой Европы намерены урегулировать свои проблемы и конфликты. Урегулировать – не значит последовать юридическим направлениям, которые предписаны законом и традициями (типа прав о наследовании, прав победителя, условиями выплаты, брака, передачи). Направления сил, которым следуют дипломаты в этом многостороннем договоре, определяются необходимостью равновесия в смысле баланса Европы.

Физика государств (а не право правителей), становится основным принципом новой дипломатии. В связи с этим возникает создание и организация постоянных дипломатических миссий – переговоров и системы информации о состоянии сил каждой страны. Институт постоянных послов устанавливается в конце XV – начале XVI вв. Возникает серьёзная, осознанная и постоянная организация дипломатии. В её основе лежит идея постоянных отношений между государствами, которые не сводятся ни к имперскому единству, ни к церковной универсальности.

В состав данной идеи входят следующие убеждения: государства образуют европейское сообщество; они подобны индивидам, которые находятся в определённом числе отношений, устанавливающих и кодифицирующих право; права человека образуют основной пункт юридической мысли, поскольку они определяют юридические отношения между новыми индивидами-государствами, сосуществующими в новом пространстве Европы. В результате возникает постоянное внимание правителей к тому, что происходит у них и у остальных. Постоянные дипломатические представители и переговоры превращают Европу в разновидность республики, члены которой независимы, но связаны общим интересом, объединяются ради поддержки порядка и свободы.

Постоянное военное устройство включает: профессионализацию военнослужащего, учреждение военной карьеры; постоянную армейскую структуру, способную служить основой чрезвычайного рекрутирования во времена войны; оснащение крепостей и транспорта; знание, тактические размышления о типах маневров, схемах атаки и обороны, все самостоятельные размышления о военном предмете и возможных войнах. Военный аспект не исчерпывается практикой войны. Постоянное военное устройство есть не столько присутствие войны в состоянии мира, сколько присутствие дипломатии в политике и в экономике. Существование такого военного строя – одна из наиболее важных сторон в политике как расчёта равновесия благодаря возможности войны, или военной угрозе. Это один из наиболее важ-

[7] Фуко здесь опирается на исследования Дюби, который изучил связь права и войны, сражения, победы и Божьего суда в Средние века.

ных элементов в той конкуренции государств, каждое из которых стремится перевернуть соотношение сил в свою пользу, но при этом все желают это соотношение в целом сохранить.

Стало быть, для образования европейского равновесия возник военно-политический комплекс, необходимый в качестве механизма безопасности; этот комплекс будет действовать постоянно, и война будет лишь одной из его функций. Происходит переустройство отношения между гражданским миром и военным устройством.

Выводы

Таким образом, концепция ГИ М. Фуко включает следующие тематические блоки: формулировка исходной посылки о сходстве инакомыслия и политики; описание различий между эссенциалистским и аналитическим пониманием ГИ; дефиниция революции как составной части государственного бытия; определение ГИ как политической технологии и описание его теоретического и исторического аспектов; анализ политической конкуренции как исходного пункта становления ГИ; изучение генезиса силовой модели ГИ; дефиниция ГИ как способа объединения государств и способа противодействия политике силы.

В рамках данных тематических блоков высказано множество утверждений, каждое из которых может служить толчком для переосмысления статус-кво, связанного с ним когнитивного инструментария и развития исследований в направлениях, синтезированных в концепции ГИ Фуко.

Революция – необходимый момент политического развития, связывающий природу и историю. Ни одно государство не должно уцелеть в ходе революции. В основе шаблона о трансисторичности государства как формы социального устройства лежит приписывание ему предикатов Бога, включая идею постоянного совершенствования. Территория не является главным признаком государства и не входит в состав ГИ. ГИ направлен против любых надындивидуальных (религиозных и светских) образований.

Открытая история отвергает самодостаточность любого государства, но предполагает форму политической и экономической конкуренции. История крушения империй образует исходный пункт анализа ГИ как новой области политики. В этом смысле история и современный момент место-развития России образует материал для уточнения концепции Фуко.

Силовая модель ГИ есть следствие синтеза когнитивной и политической динамики. Война, дипломатия и постоянное военное устройство образуют способ союза государств Европы и одновременно способ противодействия политике силы.

Подлинная проблема нового понимания ГИ состоит не в стабильности государств, а в сохранении, поддержании и развитии определённого соотношения сил. ГИ – это такая динамика сил, которая устанавливается военно-дипломатическим устройством и устройством полиции. Они являются инструментами достижения мира и образуют механизм безопасности. ГИ есть способ объединения государств по модели баланса Европы и одновременно способ противодействия политике силы.

Применение концепции ГИ Фуко для анализа состояния политической практики и науки в России требует особого исследования. Но нет никакого сомнения в том, что концепт инакомыслия позволяет иначе взглянуть на проблему осознания, систематизации и модификации ГИ страны в соответствии с новыми политико-философскими концепциями, фрагмент одной из которых был здесь описан.

Булдаков В.П. 2010. *Красная смута: природа и последствия революционного насилия*. – Изд. 2-е, доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Идеология «особого пути»… 2010. *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия*. Под ред. Э.А. Паина. – М.: Три квадрата.

Крастев И. 2018. *Экспериментальная родина. Разговор с Глебом Павловским*. – М.: Европа.

Курилла И. 2022. *Битва за прошлое. Как политика меняет историю*. – М.: Альпина-Паблишер.

Макаренко В.П. 2022. Государственный интерес: рефлексивно-практическая призма Мишеля Фуко. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 4. – С. 6–13. – Доступно: https://politconcept.sfedu.ru/2022.4/01.pdf. – Проверено: 20.02.2023.

Мишель Фуко и Россия… 2001. *Мишель Фуко и Россия: Сб. статей* / Под ред. О. Хархордина. – СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко: Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука.

Шубин А.В. 2008. *Диссиденты, неформалы и свобода в СССР*. – М.: Вече.

Эткинд А. 2020. *Природа зла. Сырье и государство*. – М.: Новое литературное обозрение.

Общие проблемы политической концептологии

ИДЕОМАТЕРИАЛЬНЫЕ ПОЛИСИСТЕМЫ И ПОЛИТИКА[1]

М.В. Сухарев
Институт экономики КарНЦ РАН

Аннотация: *В статье предложена теоретическая концепция социальных идеоматериальных полисистем (ИМПС), рассмотрены её приложения в области политических наук. ИМПС являются комплексом идеоматериальных систем (ИМС). Высшим типом ИМПС являются цивилизации, наиболее сложные из известных систем во Вселенной. ИМПС это холические социокультурные системы, составляющие развитое общество. Особенностью таких систем является то, что часть элементов этих систем материальные, а часть идеальные, многие из них не имеют чётких границ, сила взаимодействий в этих системах и между ними изменяется от слабых и непостоянных до сильных постоянных. ИМС, состоящие из людей, артефактов и, в ряде случаев, животных и растений, образуют целостность за счёт объединяющей их системы идей. Именно она придаёт смысл социальным ИМС, объединяя сообщества, определяет их поведение и направление развития. ИМС весьма многообразны: это могут быть научные сообщества, в которых наука объединяет учёных, научные инструменты, теорию, тексты, социальные институты, здания; это могут быть религии, в которых вера объединяет священников, прихожан, храмы, священные тексты и атрибуты, могут быть более простые сообщества, вроде спортивных фанатов, могут быть большие и малые некоммерческие организации, объединённые некими социальными целями. Комплекс идей, на которых основаны эти системы, имеет холистический характер. Люди и другие материальные элементы также образуют холистические системы. Эти системы по необходимости самовоспроизводящиеся, то есть, должны воспроизводить несущих идею людей, делая их, соответственно, учёными, верующими, шахматистами, фанатами, меломанами и так далее. Каждый из этих людей одновременно может быть элементом других идеоматериальных систем, отдавая им часть времени своей жизни. ИМС часто имеют нечёткие границы, они также находятся в сети регулярных и спорадических, синергетических и антагонистических взаимодействий друг с другом. Они конкурируют за время людей, своих носителей. Огромное количество взаимодействующих ИМС создают полисистемы: современные цивилизации. Для анализа комплексов и конгломератов, образуемых идеоматериальными системами, находящимися в сети нечётких взаимодействий, использована концепция полисистем И. Эвен-Зохара. К крупнейшим идеоматериальным полисистемам следует отнести этносы, нации, государства, мировые религии и глобальные*

[1] Впервые опубликовано в: Сухарев М.В. Идеоматериальные полисистемы и политика. – *Национальная безопасность / nota bene*. – 2022. – № 6. – С. 1–22. DOI:10.7256/2454-0668.2022.6.38969. EDN: EXPAJJ. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38969.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.1533

идеологии. В качестве меры мощности идеоматериальных полисистем предлагается использовать общее время, затрачиваемое сообществами этих систем на поддержание их функционирования. Рассматриваются возможные направления применения концепции идеоматериальных полисистем в политических исследованиях.

Ключевые слова: *сообщество, идеоматериальная система, полисистема, идеальное, нация, эволюция, институты, культура, государство, социология знания, парадигма.*

Черновик парадигмы

Для лучшего понимания содержание статьи должно быть вмещено в некоторые концептуальные рамки (парадигму по Т. Куну), причём эта парадигма пока не приобрела достаточно чёткую форму. Однако она уже может быть кратко изложена в виде некоего проекта, в основном укладывающегося в комплекс научных и философских представлений XX – XXI веков. Эта парадигма сложилась у автора под воздействием таких учёных и мыслителей как Аристотель, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Т. де Шарден, В.И. Вернадский, А.Дж.Г. Симпсон, А.А. Богданов, В.И. Кремянский, У.Р. Эшби, В.А. Энгельгарт, М. Фуко, И.И. Шмальгаузен, Т. Парсонс, Г. Кастлер, Т. Кун, П.К. Анохин (трудно уже всех вспомнить, простите, кого забыл).

Если мы посмотрим на эволюцию Вселенной, которая стала нам более или менее понятна за счёт невероятного развития в XX веке естественных наук (главным образом, физики) и созданных на её основе технических средств (телескопов, радиотелескопов, спектроскопии, инфракрасных, рентгеновских, нейтринных, гравитационных сенсоров и т. д.), то можно видеть одну удивительную тенденцию, сохраняющуюся на всем протяжении её истории.

Это рост сложности населяющих её систем[2], ведущий к возникновению разума [Ильин 2020], но возможно, известный нам разум не является последней ступенью этой эволюции. Мы не знаем, *зачем* она так устроена, но последние сто лет развития науки являются триумфальным доказательством именно этой восходящей линии.

В начале существования Вселенной сложных систем не было вообще; её наполняли элементарные частицы. Температура была слишком высока, и первые атомы (водород и гелий) появились только когда Вселенная остыла. Далее, благодаря неоднородности первичного космического газа и наличия сил притяжения, начали возникать первые звезды – уже довольно сложные системы. Но планеты ещё не могли возникнуть, не было сложных атомов углерода, кремния, железа…

Эти элементы вырабатывались в звёздах, вероятно, даже в нескольких поколениях звёзд, первые из которых были водородно-гелиевые, быстро прогорали и взрывались, а новые унаследовали возникшие там более сложные атомы. Часть этих звёзд превращалась в нейтронные, в которых возникали самые тяжёлые атомы, после взрыва звезды попадающие в межзвёздное пространство.

[2] В качестве меры сложности здесь используется основанная на работах Колмогорова приблизительная формула: сложность пропорциональна длине кратчайшего описания устройства данного объекта из составляющих элементов. Так, например, чтобы описать сплошную прямую кирпичную стену, нам не нужно определять положение каждого кирпича. Достаточно указать, сколько там кирпичей в длину, толщину и высоту. Если в стене есть окна и двери, повороты и так дале, стена становится сложнее и описание становится длиннее. Общество, в котором миллиард крестьян, сажающих рис, практически не сложнее общества, в котором сто таких крестьян. Общество, в котором есть крестьяне, рабочие, инженеры, учёные, губернаторы и так далее, уже гораздо сложнее [См.: Колмогоров 1965: 3–11; Юдин, Юдин 1985].

Следующие поколения звёзд (типа Солнца), концентрируя межзвёздный газ, уже включающий такие элементы, как кремний, железо, углерод и кислород, формировались вместе с планетами, которые являются намного более сложными системами, чем звезды. На планетах очень много надатомных комплексов: молекулы, минералы, горы, океаны, литосферные плиты и так далее.

Планеты являются основой для возникновения жизни, которая при небольших размерах организмов создаёт высоко концентрированную сложность: бактерия намного сложнее камня.

На облучаемых энергией своей звезды планетах начинается молекулярная эволюция, возникают океаны, атмосфера, планетарные структуры и множество других взаимодействующих процессов, ведущих к возникновению жизни, сначала одноклеточной, а затем многоклеточной. Возникает биосфера, населённая разнообразными взаимодействующими организмами.

В конечном счёте возникает система, построенная из организмов как организм построен из клеток – общество. Это самая сложная из известных нам систем во Вселенной. А в обществе (тем более, множестве сосуществующих обществ) всегда возникает политика.

Выводы, которые можно сделать из этой картины:

1. Вселенная устроена так, чтобы создавать все более сложные системы, высшая из которых, общество, обладает разумом (но, вероятно, не является конечной точкой эволюции) и в которой возможна (даже неизбежна) политика.

2. Сложность в общем процессе эволюции наследуется и накапливается (даже в атомной эволюции), «прыжки» через ступени невозможны; Natura non facit saltus.

3. Когда один вид накопления сложности заходит в тупик, ему «подставляет плечо» процесс совершенно иного рода: усложнение атомов поддерживается возникновением звёзд, которых не было в ранней Вселенной; в дальнейшем возникновение планет, образование коры планет с высокой степенью разнообразия (океаны, горы, острова, причём с постоянным притоком солнечной энергии, даёт толчок химическим и далее биологическим процессам) и т. п.

4. На пути роста сложности мы видим возникновение все новых структурных уровней, где элементами систем каждого уровня являются системы предшествующего: элементарные частицы – атомы – молекулы – клетки – многоклеточные организмы – общество.

5. На каждом уровне возникают новые взаимодействия, новые качества, новые формы движения (так, валентность, которой нет у элементарных частиц, появляется на атомном уровне, обмен веществ и самовоспроизведение на клеточном уровне, органы у многоклеточных и, наконец, социальные взаимодействия, организации, коммуникация, разум и политика на уровне общества.

6. Начиная с высших животных и достигая полного развития в сообществах, эволюционирующие системы обретают идеальную подсистему: знание об окружающем мире, объектах этого мира и свойствах этих объектов, что позволяет им намного эффективнее выживать и воспроизводить себя в этом мире, захватывая все большее количество материи и энергии.

7. Высшим продуктом эволюции Вселенной на сегодня является не человек, а общество, точнее – общество глобальных масштабов, цивилизация; отдельный человек не может создать язык (да и зачем язык отдельному человеку?), не может создать науку, искусство, культуру и так далее. Человек умеет пользоваться языком, культурой, может вносить в них свой скромный вклад, но несёт их общество, оно передаёт индивиду во временное пользование часть своей культуры, благодаря чему он и становится человеком; *индивид есть человек только потому что несёт в себе часть общества*.

8. Биологическая эволюция (которая, по сути, является поиском все более совершенных конструкций организма) идёт путём слепого поиска: случайных отклонений и отбора удачных вариантов. Животное не может отрастить себе (или хотя бы потомкам) более густую шерсть или острые зубы. В отличие от этого эволюция общества идёт в значительной степени за счёт создания в своём воображении и последующей реализации через действие новых орудий, новых форм организации общества (начиная с новых форм охоты или устройства племени), новых форм организации государства. Выигрывают те государства, которые лучше проектируют своё будущее. И вот здесь эволюция систем во Вселенной входит в сферу политики.

9. Общество по мере своего развития формирует все более сложные идеоматериальные полисистемы: племена, народы, нации, государства и цивилизации (которые могут быть на сегодня или сообществом государств или очень большим государством). Эти полисистемы являются продолжением линий эволюции Вселенной, высшими на сегодня. Они конкурируют различными способами, включая борьбу сценариев будущего [Громыко 2004]. Никто внутри этих полисистем не может знать, какая из них даст начало следующей ступени космической эволюции (возможно за пределами Земли), но каждая из них обязана приложить все силы, чтобы стать такой ступенью. Это долг цивилизации перед Вселенной. Цивилизации, пренебрегающие исполнением этого долга, устраняются историей.

10. Возможно, в будущем все население Земли будет включено в одну идеоматериальную систему. Но в настоящий момент сложность социально-культурно-технологически-экономических целостных систем недостаточна чтобы вместить все население Земли, а попытка интегрировать человечество на основе одного лишь финансово-рыночного слоя, игнорируя культурное разнообразие, противоречит эволюции цивилизации в их творческом соревновании. Проблемы эволюции цивилизаций должна рассматривать *космополитика*: наука об управлении развитием цивилизаций в контексте эволюции систем во Вселенной.

11. В настоящее время лучшим средством проектирования будущего становятся *мегамашины мышления*: управляемые политиками больше коллективы специалистов, несущих научное знание о природе и обществе, объединённые социальными сетями, системами поддержки принятия решений, цифровыми моделями экономических, социальных и экологических процессов, цифровыми двойниками своего государства и других государств мира. Цивилизация, которая создаст такую мегамашину первой, обгонит все остальные за несколько десятилетий.

Идеоматериальные системы

Что такое «идеоматериальная система» (далее – ИМС)? Это система, часть элементов которой материальные, а часть идеальные [Сухарев 2008: 100–102, 105–109; Sukharev, Kozyreva 2019, Сухарев 2019]. Обычно это холическая (целостная, организмическая) [Smuts 1927] система, которая приобретает свои свойства в результате организованного взаимодействия своих элементов. Примером такой системы является всем знакомый персональный компьютер. Абсолютно физически исправный компьютер не может работать, пока в него не загружены программы, главной из который является операционная система. При том, что как материальная система он в полном порядке, кроме экрана BIOS вы от него ничего не добьётесь. Мы можем заметить ещё что, при загрузке разных программ (например, игры или САПР), поведение компьютера радикально меняется. Так при смене рабочих органов (подсистемы) у трактора он может стать или экскаватором или бурильной установкой. Но в данном случае качество системы изменяется в результате замены не физической, а идеальной части целостной системы.

Есть и очень простые ИМС, например, логарифмическая линейка, которая тем не менее производит математические вычисления. Шкала несёт в себе идею числового ряда, а перемещение движка реализует математические операции.

Здесь требуется пояснение[3]. Загрузка программ – это не добавление каких-то материальных элементов в компьютер. Так же, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота, только его форму (logos) [Аристотель 1976: 421], компьютер воспринимает только нематериальную информацию, ни один атом или электрон с лазерного диска (или из сети Интернет) не попадает в память компьютера.

Но как может нематериальная идея (или код) управлять материальной машиной? Как наши мысли управляют нашим телом? Это знаменитая психофизическая проблема, над которой философы бились сотни лет, вплоть до XX века (после чего не осталось людей, способных её замечать). Одним из последних над ней трудился К. Поппер [Поппер 2008] который, помимо мира вещей и мира идей, ввёл понятие третьего мира – мира продуктов человеческого сознания (письменных текстов, картин, скульптур и т. д.). Нельзя сказать, чтобы он преуспел в объяснении психофизической проблемы, но зато сформулировал важное положение: есть объекты (например, произведения искусства), которые принадлежат одновременно и к миру вещей, и миру идей [Там же: 20–21].

За рабочую гипотезу можно принять следующее: все вещи в мире имеют и идеальное, и материальное содержание, почему они и познаваемы. Идеальное – это устройство, организованность, структура и форма вещей (например, римская мраморная копия греческой бронзовой скульптуры Аполлона своей формой передаёт *идею* оригинала); отражение и познание происходят при передаче организованности от объекта к субъекту с помощью носителя: световых или звуковых волн, электрических импульсов и т. д. и выражается в изменении внутренней организованности субъекта (изменение состояний нейронов), или компьютера (изменение состояний ячеек памяти), что и является причиной изменения его поведения. Движение этой организованности может происходить в разных материальных формах (звук речи преобразуется в текст и затем в организацию процессов в воспринимающем мозге, после чего трансформируется в действия носителя этого мозга), может перекодироваться в процессе этого движения (рисунок преобразуется в последовательность байтов), но это всего только технологии. Суть в том, что существует движение организованности в материи и ИМС могут воспринимать эту организованность, изменяя в результате своё поведение.

Легко заметить, что люди и даже целые народы похожи в этом смысле на компьютер: без «загруженных» в них знаний (культуры) они так же мало способны к социальному действию как компьютер без операционной системы, а при «перезагрузке» идеальной подсистемы изменяют своё поведение (иногда очень сильно), как это произошло с Россией в 1917 и 1991 году или с Украиной за предшествующие тридцать лет; похоже, что в очередную перезагрузку мы вошли в настоящее время.

Важно отметить, что отражённая в мозге или компьютере идея (организованность) не статична как фотография, но способна к движению (мы можем представлять и предвидеть бег животного, движение механизмов, поведение человека), к моделированию и предвидению ситуаций и даже изобретению новых объектов и ситуаций.

Движении организованности создаёт *идеальное общее:* так устройство атомов железа общее для них и на Земле, и на Марсе, оно определено общностью законов физики, передаётся через них. Нечто общее с объектом возникает в мозге, когда учёный исследует строение крокодила, например, хотя бы потому, что потом он может это строение воспроизвести в ри-

[3] Знание классической философии в последние десятилетия сильно деградировало. Рассказывая о идеоматериальных системах во вполне просвещённых аудиториях, я часто сталкивался с недоумением по поводу нематериальности компьютерных программ и других идеальных структур.

сунке. Но, изучая данного крокодила, он узнает что-то и о других крокодилах, потому что существует родовое общее, переданное данному крокодилу в генокоде от популяции и вида в целом. Именно за счёт этого общего мы узнаем что-то об атомах далёких звёзд, исследуя аналогичные атомы на Земле, узнаем что-то о разных животных на планете, не препарируя их всех.

Культура общества – это огромное хранилище знаний, накопленных миллионами его членов за тысячи лет; эти знания являются средством существования именно этого общества именно в своей среде: в той географии, в той части биосферы и между тех соседних обществ, в которой протекала его история.

Ни один человек не в состоянии нести всю культуру сложного общества; общество помещает малые части своей культуры в индивидов, которых специализирует в рамках общего разделения труда на тысячи профессий[4].

Индивид становится человеком когда в нем поселяется некая часть общества в виде доли культуры народа. Культура в человеке определяет его ценности и устремления, его поведение. Культура определяет и социальное устройство общества на производственном, поселенческом, региональном и государственном уровне, что требует взаимодействия политической науки и культурологии [Федотова, Федотова, Чугров 2018].

Но и сама культура состоит из множества относительно независимых друг от друга подсистем: наук, таких как физика или биология, искусств (литературы, живописи, музыки…), религий, текстов (некоторые из которых являются базовыми для данной культуры), военных стратегий и принципов организации армии, видов спорта со своими правилами, и все это со своими вековыми историями, и так далее. Каждая из этих подсистем идеоматериальная; её носителями являются живые люди, но кроме того есть специальные артефакты (храмы, книги, телескопы, символы, ракеты, музеи, спортивные снаряды и т. д.), без которых эта подсистема функционировать не может. Эти системы взаимодействуют друг с другом, иногда синергетически, а иногда конфликтуя. Например, физика помогает биологии, создав оптический и электронный микроскопы, ДНК-секвенаторы; религия может и помогать, и мешать государственному управлению, астрономия и палеонтология часто мешают религии, химия помогает сельскому хозяйству и медицине. Не может быть промышленности, авиации, телевидения, современного государства и т. д. без физики, химии, механики…

Основой каждой из этих идеоматериальных систем является ее идеальная подсистема, которая сама по себе тоже состоит из органически связанных элементов (теорий, священных текстов, правил спортивных игр, а также их толкований и способов применения, а также дидактических систем, благодаря которым новые люди становятся носителями идеальной подсистемы). Лучше всего об этом писал Т. Кун [Кун 1969] применительно к наукам; но его метод можно применить и к пониманию других идеоматериальных систем.

Посмотрим на более конкретные примеры идеоматериальных социальных систем: например, шахматисты (кроме умеющих представлять партию мысленно) не могут играть без шахмат, физики не могут работать без приборов (а также без книг, справочников и лабораторных журналов), музыканты не могут играть без инструментов.

Это именно ИМС, которые помимо комплекса идей должны включать в себя и людей, и различные артефакты, а сельское хозяйство ещё и животных, и растения. Причём артефакты тоже соединяются в системы; например, иконостас должен стоять в храме, а не на улице. Оркестр включает большой набор разных инструментов, которые в холической системе доносят до нас идею музыки.

[4] По данным Центра научных исследований в сфере профориентации и психологии труда в России в настоящее время более 17 тыс. профессий (см. https://crcg.ru/ontology-of-vacancies-and-resumes/#more-391); однако в каждой профессии есть ещё сотни специализаций.

Теперь о системообразующей роли идеальной подсистемы ИМС.

Представим оркестр на сцене. Вдруг все музыканты забыли ноты, забыли, как играть на инструментах, забыли всю музыку вообще (Баха и Моцарта, Армстронга и Битлз, и даже народные песни). Хотя они помнят все остальное: как их зовут, где они живут и так далее, но они посмотрят друг на друга, недоумевая: а что это мы все здесь делаем? И что за непонятные штуковины мы держим в руках? То есть, они перестали быть музыкантами. Целостность оркестра существует только за счёт комплекса идей.

Или представим институт экспериментальной физики… Пусть эти физики сохранили все остальные знания, кроме самой физики. Но если они забыли одну из идеальных подсистем, составляющих культуру, то они воспримут свои бывшие генераторы и ускорители как некие станки или инструменты непонятного назначения… Что можно с их помощью изготавливать?

Частные идеальные подсистемы культуры неизбежно вписаны в большую культуру, в язык и обычаи народа. Вот что говорил в своей нобелевской лекции И. Бродский: «…поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования… независимо от соображений, по которым он берётся за перо … немедленное последствие этого предприятия – ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от оного, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено … зависимость эта – абсолютная, деспотическая … ибо, будучи всегда старше, чем писатель, язык обладает ещё колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом – то есть всем лежащим впереди временем…»

Но разные авторы создают разные тексты, потому что по-разному слышат голос языка. Более того, язык рассказывает людям разные сказки в зависимости от того места, где они родились. И поэтому разные тексты по-разному резонируют в народе. Одни живут веками, охватывая сотни миллионов, другие забываются через несколько лет, прочитанные сотней-другой родственников, друзей и знакомых.

Почему так происходит? Да потому что одни тексты помогают людям понять нечто о себе и своей жизни, а другие… просто изображают из себя тексты, стараясь походить на уже известные, но не несут своего смысла.

Предшественником понятия «идеоматериальная система» можно назвать М. Вебера, который обратил внимание на то влияние, которое религиозные и культурные убеждения оказывают на экономическую эффективность. Вебер характеризовал идеальную часть социума (дух капитализма) так: «исторический индивидуум», то есть комплекс связей, существующих в исторической деятельности, которые мы в понятии объединяем в одно целое под углом зрения их культурного значения» [Вебер 2020: 17].

Легко заметить, что один и тот же человек может быть членом нескольких идеоматериальных систем: например, русским, биологом, шахматистом, православным и так далее. Но при этом он может быть в интеллектуальных связях с биологами – немцами, русскими – историками и так далее. Мы видим множество наложенных друг на друга идеоматериальных систем, которые «прошиты» людьми, входящими в несколько систем одновременно[5] [Riesch 2014]. И каждой из них эти люди отдают некоторую часть своего жизненного времени и энергии. Измерение этого времени даёт нам инструмент для перехода от концептуальных рассуждений к тому что называется «позитивной наукой».

[5] Интересно, что я почти теми же словами повторил Хауке Риша в нашей статье 2019 года, хотя на тот момент ещё не читал его исследования.

Самовоспроизводство идеоматериальных систем

ИМС должны обеспечивать своё самовоспроизводство. Прежде всего, они должны обеспечить распространение своей системы идей на новых индивидов – носителей. Для этого существуют различные социальные технологии.

Раньше чем становиться элементом любой другой ИМС, ребёнок становится членом своей первой системы – семьи, где он усваивает широчайшую идеальную систему своей цивилизации – язык, но также и элементарные правила жизни в обществе, и первые представления об окружающем мире, причём не просто в виде образов, но увязанные со словами родного языка [Выготский 2005: 348–357; 374–380]. Полезно сравнить тот мир, который мог воспринять ещё до школы деревенский ребёнок средних веков (который тоже видел не так мало даже в своей деревне) и современный, имеющий возможность видеть все страны мира в ТВ и Интернет.

Причём ребёнок не только видит картинки, но слышит разговор взрослых и связывает их с тем, что видит, связывает знаки с образами, а затем и с понятиями [Выготский 2005: 805–810] и даже «теориями» (что происходит и почему), выработанными целым народом за всю его историю. Таким образом общество, его сумма идей, поселяется в индивиде, который становится одним из его носителей.

Национальная культура воспроизводится в современных странах с помощью системы школьного образования. В школах учеников готовят к тому, чтобы стать элементами идеоматериальных подсистем общества: различных наук и ремёсел, искусств, технологических систем (таких, как железная дорого или металлургия). Далее часть людей получает высшее образование, становясь элементами научных ИМС.

Идеальная часть ИМС всегда является знаковой системой [Лотман 2000: 397, 486, 491, 496], и это ещё одна измеримая часть, позволяющая количественное исследование. Большая часть культуры современных обществ уже оцифрована, что позволяет автоматизировать такие исследования. Огромный объем культурной информации позволяет говорить о «цивилизационной инерции», то есть, невозможности быстро изменить направление движения цивилизации без применения огромной силы.

Полисистемы

Современное общество представляет собой сложнейший конгломерат идеоматериальных систем. Это весьма своеобразные системы. Я. Смэтс писал: Благодаря этому взаимному проникновению объединённых полей в обществе или группе происходит умножение силы, что создаёт видимость и большую часть реальности нового организма. Поэтому мы говорим о социальных, групповых или национальных организмах. Но на самом деле нового организма нет; общество или группа органичны, но не являются организмом; целостны, но не являются целым. … Группы, семьи, церкви, общества, нации органичны, но не организмы [Smuts 1927: 348].

Действительно, возьмём науку биологию. Она целостна, хотя имеет внутренние подсистемы: генетику, эволюционную биологию, цитологию и так далее. Она включает учёных, институты, книги, журналы, инструменты, лаборатории (часто с подопытными организмами). Но при этом все эти элементы не соединены физически как в организме. Каждый отдельный биолог может уверовать и уехать в тибетский монастырь, какие-то институты и журналы закрываются, но открываются новые и т. д. Однако, пока существуют биологи, сохраняется и развивается объединяющая их наука о жизни со своей философией и историей.

ИМС часто не имеют чётких границ. Например, студент-биолог, наверно, является членом сообщества биологов (хотя бы после 3 курса). Но останется ли он биологом, проработав десять лет коммерсантом? Верующие принадлежат к носителям религии, но является ли таким носителем человек, объявляющий себя православным, но не посещающий церковь и неспособный назвать хотя бы половину апостолов? Чёткий центр ИМС, состоящий из профессионалов (учёных, священников, политиков, спортсменов) окружен все более редким к краю облаком людей, отдающим ИМС все меньшую часть своего времени.

ИМС взаимодействуют, в ряде случаев постоянно и систематично, но иногда редко и случайно. Постоянно взаимодействуют химия и биология (биохимия), изредка – космология и религия. Физика многое дала армии, но и армия постоянно поддерживает физику, лоббируя в правительстве расходы на физические исследования.

Вот молодой человек времён СССР под влиянием родителей любил классическую музыку. Предположим, он слушал её в среднем час в день. Затем он познакомился с рок-музыкой, увлёкся и стал слушать эту музыку также по часу в день. Предположим, что таких случаев было десять миллионов. Значит, ИМС классической музыки в СССР потеряла около 360 миллионов часов в год, а ИМС рок-музыки их приобрела.

Далее рассмотрим взаимодействие ИМС разного типа. Поскольку рок-музыку в СССР особо не жаловали, её любители начали слушать Би-Би-Си и т. д. А эти станции умело обращают внимание на имеющиеся в СССР проблемы. В результате любители рока постепенно начинают слушать Буковского, Солженицына, Медведева и т. д. ИМС диссидентского движения приобретает десятки миллионов часов времени сочувствующих, читающих самиздат и обсуждающих проблемы со знакомыми[6].

Всякое современное государство представляет собой комплекс, состоящий из большого количества взаимодействующих друг с другом идеоматериальных систем, причём некоторые из них связаны очень сильными и постоянными взаимодействиями, другие же взаимодействуют редко и слабо, некоторые из них имею чёткие границы, другие похожи на нечёткие множества, причём отношения между ними постоянно меняются, зарождаются новые ИМС, они также импортируются извне, изменяется их вес в обществе. Интересный пример можно видеть в таблице «Социально-политический контекст и индикаторы политики идентичности в Казахстане, Армении и Беларуси» [Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин 2017]. Базовыми «слоями» идейной подсистемы государства являются его культура и комплекс институтов, но институты являются продуктом культуры и общества, а культура и общество, в свою очередь, – результирующей действия институтов [Федотова, Федотова, Чугров 2018]. Весь этот конгломерат идейных подсистем вместе государства вместе с несущими их и управляемыми ими материальными системами можно назвать идеоматериальной полисистемой (далее ИМПС)

Теория полисистем И. Эвен-Зохара

Теорию полисистем разработал израильский лингвист Итамар Эвен-Зохар в 1969–1970 гг. [Even-Zohar 1990]. Он обратил внимание на то, что тексты, существующие в литературе на каком-то языке, не являются независимыми единицами, но почти всегда явно или косвенно ссылаются на другие тексты этой литературы и наследуют выработанные в истории литературы мысли, приёмы, выражения. Поэтому литература данного языка не является библиотекой книг, стоящих на полках, но является динамической многослойной сетью взаимосвязанных и взаимодействующих текстов-подсистем, их истолкований, места этих текстов

[6] Это не критика внутренней политики СССР или людей, сочувствовавших диссидентам. Это просто кейс (простите за англицизм).

в системе ценностей культуры, что он и назвал «полисистемой». Очевидно, что некоторые тексты почти не связаны, другие взаимодействуют довольно сильно, и что все эти связи изменяются во времени, что и выражается словами «литературная жизнь». Из-за этого переводчики часто должны решать проблемы, возникающие при переводе потому, что принимающая литература другого народа имеет другую сеть ассоциаций. Как объяснить, что это за «мой дядя самых честных правил» тем, кто не проходил Пушкина в школе? Эвен-Зохар отмечает, однако, что при разработке теории он пользовался идеями российских формалистов начала XX века, к которым относит Тынянова, Эйхенбаума, Якобсона, Шкловского и Богатырева. Есть у Эвен-Зохара и интересная работа о взаимном влиянии русского и еврейского языков.

Хотя теория и была разработана для литературных, лингвистических и семиотических целей, её можно распространить на многие другие когнитивные процессы, в том числе, на социальные и политические. Многие из обнаруженных Эвен-Зохаром закономерностей можно применить к другим идеоматериальным полисистемам. Он и сам писал «…теория полисистем – при любой формулировке – в конечном итоге стремится объяснить более крупные комплексы, чем литература» [Ibid.: 2].

Перейдём к работам Эвен-Зохара. Определение полисистемы:

Полисистема – множественная система, система различных систем, которые пересекаются друг с другом и частично перекрываются, используя одновременно разные варианты, но функционируя как одно структурированная целое, члены которого взаимозависимы [Even-Zohar 1990: 11]. Полисистемы могут быть многоуровневые: например, полисистема «литература» является компонентом более крупной (поли) системы, которой является «культура» [Ibid.: 22]. Полисистема с точки зрения системных отношений ведёт себя как единое целое, но каждая её подсистема может в то же время участвовать в каком-то другом целом, и регулироваться в нем другими правилами [Ibid.: 31].

Здесь следует добавить, что в социальных и политических системах это часто нечёткие системы, границы которых туманны и элементы на границах можно характеризовать как принадлежащие к ним на 90 %, 50 % или 10 %.

Ссылаясь на Шкловского, Эвен-Зохар выделяет канонизированные идеальные подсистемы в культуре, которые одобряются доминирующими кругами [Ibid.: 11]. В обществе существуют формальные и неформальные «рынки» («культурная элита», союзы писателей и композиторов, интеллигенция, СМИ, галереи предметов искусства, академии наук и т. д.) на которых авторитетные круги определяют ценность (в широком смысле) тех или иных идеальных или идеоматериальных (картина, скульптура) объектов. В то же время всегда существует неканонизированные идеальные подсистемы (музыка, тексты, политические теории) [Even-Zohar 2010: 15]. Можно добавить, что альтернативные течения в последнее время все больше заселяют Интернет и становятся влиятельной силой (которую можно довольно точно оценить по количеству обращений и времени просмотров). Неканонизированные ИМС начинают поглощать часть чётко ограниченного и легко оцениваемого «процессорного времени» голов населения страны. Как в законе сохранения энергии: сколько социального времени у одной ИМС прибыло, столько у других убыло.

Суть дела здесь в том, что цифровизация резко снижает трансакционные издержки по сравнению с печатной коммуникацией; немногие могут издавать свои тексты на бумаге за свой счёт, и немногие тексты получат поддержку от доминирующих кругов, а «сеть» позволяет захватывать время ИМС любому яркому автору, даже далёкому от канонов.

Далее Эвен-Зохар вводит понятие репертуара. «Репертуар» обозначает «совокупность правил и материалов, которые определяют возможность как изготовления и обращения, так и производства и потребления любого данного продукта … репертуар в культуре или культуры – это место, где хранятся необходимые элементы для этой структуры … разные варианты

составляют конкурирующие и конфликтующие репертуары …часто одному репертуару удаётся утвердиться в качестве доминирующего, тем самым исключая другие … альтернативные репертуары могут в полной мере использоваться в различных социальных кластерах, где доминирующий репертуар может быть отвергнут как нежелательный» [Ibid.: 17–19].

Очень важное для политических наук понятие Эвен-Зохара – интерференция. Он пишет: «Контакты можно определить как отношения между культурами, при которых определённая культура А (исходная культура) может стать источником прямого или косвенного переноса для другой культуры В (целевой культуры). Как только эта возможность реализована, можно сказать, что интерференция произошла. Таким образом, интерференция – это процедура, возникающая в среде контактов, в которой произошёл перенос» [Ibid.: 53–54]. Приведу несколько сформулированных Эвен-Зохаром законов интерференции:

- интерференция всегда неизбежна;
- контакты рано или поздно вызовут интерференцию, если не возникнут условия сопротивления;
- культура становится источником доминирования;
- интерференция может иметь место только в одной части целевой культуры, затем она может перейти к другим частям;
- присвоенный репертуар не обязательно поддерживает функции исходной культуры.

В условиях геополитической реконфигурации концепция полисистем И. Эвен-Зохара может послужить одним из способов понимания и предвидения происходящих процессов, в которых идеальные культурные системы играют даже большую роль, чем материальные экономические, хотя бы потому, что экономика без знания и целей бессильна.

Понятно, что государство может рассматриваться как полисистема, причем идеоматериальная полисистема (ИМПС). Понятно, что государство – система холическая хотя бы потому, что оно едино и более всего опасается распада. Но возникает вопрос: что же тогда является главным несущим элементом государства как системы?

Территория безразлична к существующим на ней государствам; они распадаются, соединяются, вступают в союзы и федерации, но также разделяются и воюют, оставаясь на этой общей территории (хотя моря, реки, горы и климат играют свою роль). Общность языка важна, но существуют полиэтнические государства, существуют и соседние государства с общим языком, которые тем не менее не сливаются в одно. Построенная на единых принципах экономика, связанная финансами и торговлей, несомненно, важна, но вполне возможна общая экономика множества государств при условии свободы внешней торговли (самый известный пример – Евросоюз). То же самое можно сказать и об идеологии. Как общая либерально-рыночная, так и общая коммунистическая идеологии не привели к слиянию приверженных им государств. Похоже, что для поддержания целостности государств необходимо одновременное действие нескольких идеальных подсистем, входящих в их полисистему.

Нации как идеоматериальные полисистемы

В этой части статьи я попробую связать концепцию ИМПС с возникновением и развитием национальных и многонациональных государств, опираясь на известные работы Б. Андерсона и Э. Хобсбаума.

Ряд идейных комплексов рассматривается в качестве культурной основы национальных государств. Это язык, религия, история, локальная культура, система ценностей. Однако анализ конкретных государств показывает, что ни один из этих комплексов не универсален. Есть государства, в которых сосуществуют несколько языков, религий, весьма аморфные системы ценностей, множество этносов со своими культурами.

Андерсон сразу связывает национальность с культурой [Андерсон 2001: 29], выдвигая интересную идею: нация это воображённое политическое сообщество [Там же: 30]. То есть, люди, составившие нацию, в какой-то момент (промежуток времени) вообразили её, захотели стать её частью, и потому она появилась. Таким образом создание наций и государств переводится в когнитивно-проектную область, в которой выдвигается идея некой общности, которая создаёт эту общность, овладевая массами и предоставляя им модель желательного будущего.

Хобсбаум придаёт основное значение экономическим отношениям [Хобсбаум 1998: 47]. В концепции ИМПС здесь нет противоречия: экономическая ИМС синергетически взаимодействует с культурной ИМС, происходит интерференция культур нескольких этносов, начинающих образовывать нацию, причём эта интерференция (проникновение и приспособление) как раз и поддерживается развитием экономических отношений. Но, поскольку люди заранее представили себя в этой общности, они решили, что она с одной стороны не помещает их привычной жизни, но с другой, даст некие новые возможности.

Однако в ряде случаев мы видим, что культурные ИМС мешают созданию наций, несмотря даже на общность языка и культуры, например разделение на католиков и православных у сербов и хорватов [Хобсбаум 1998: 112].

Андерсон обращает внимание на роль католицизма и латинского языка в оформлении западного мира. То, что служба у католиков ведётся на латинском языке, заставило образованный слой почти всей Европы изучить этот язык; до 1500 года около 80 % книг печаталось на латыни, это был общий язык священников и учёных всех европейских стран.

С точки зрения ИМПС латинский язык, христианство и греко-римская классика создавали тонкий, но важный для пользующихся культурой людей, объединяющий всю западную Европу, слой коммуникации. Образы Библии стали общими образами для европейских народов.

В дальнейшем, начиная с XVII века, в результате снижения цен на книги (книги и типографии – элементы материальной части ИМС), все большая часть литературы печаталась на народных языках, появлялись свои местные писатели, создавая локальные идейные комплексы и закладывая основы будущих национальных государств.

Общие выводы для концепции ИМПС работ Андерсона и Хобсбаума:

- полисистема государства обязательно содержит объединяющий идеальный слой (систему слоёв), в котором есть средства коммуникации (общий язык, иногда не этнический (латынь для Европы, иероглифы для Китая);

- нации являются продуктом культурного и экономического развития, в Европе понятие «нация» утвердилось только в XIX веке;

- общая модель мира, являющаяся основой для принятия решений (религия, миф, идеология);

- книгопечатание это важнейшее средство унификации больших сообществ;

- общий язык и религия не ведут к объединению сообществ в одно государство и не мешают отделению от метрополий (Латинская Америка, США и Канада);

- наличие разных языков и этносов и религий не препятствует объединению в одно государство (Франция, Россия, Китай, Индия);

- важной объединяющей и выделяющей структурой является административная, создающая сеть управления и решения общественных проблем, одновременно материальная и идеальная (институциональная) – страны Латинской Америки, бывшие частями единой империи с общим языком, религией и культурой, не создали единое государство;

- для создания наций важно «чувство коллективной принадлежности» (Хобсбаум) или «воображаемая общность» (Андерсон).

Методологический индивидуализм и методологический социологизм (холизм)

Не случаен вопрос о том, существует ли в мире единая политология, или же имеются несколько политологических парадигм [Чугров 2016]. Политология, как одна из ИМС культуры, находится в сильном взаимодействии с цивилизацией, несущей эту культуру. По-моему, все просто: если цивилизация не боится быть сама собой, то непременно создаёт свою политологию. Но вопрос о правильной политологии – это жизненно важный вопрос о месте этой цивилизации в космическом процессе роста сложности систем; ошибка может быть смертельна.

Я думаю, что глубинный водораздел между западной (в доминирующем сегодня англо-американском варианте) и русской цивилизациями лежит именно в том преимуществе, которое их образ мышления отдаёт индивиду или обществу. Кстати, континентальные мыслители не были столь единодушны, многие отдавали предпочтение индивидуализму, но многие мыслили холически.

Эта проблема ярко проявилась в конфликте вокруг известной фразы М. Тэтчер о том, что «общество не существует»[7]. Общество, которого как бы нет, возмутилось столь сильно, что премьер-министру пришлось объясняться.

Но ведь можно заострить вопрос. Что такое «демократия», которой клянутся все западные общества? Это власть народа, но, значит, этот субъект существует? Он может принимать решения, и механизмы принятия этих решений хорошо известны (вплоть до права на сопротивление угнетению от неправедной власти). Но тогда сторонники индивидуализма должны были бы сказать (если бы были честны), что народ – это «метафора».

Индивидуализм и холизм (социологизм) – это два противоположных способа изучать и понимать социальные явления. Индивидуализм возвёл до уровня «методологического» Л. Мизес. Он писал: «Прежде всего мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляются через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. … Преступника казнит палач, а не государство. Именно замысел тех, кто в этом заинтересован, различает в действиях палача действия государства. … Коллектив живёт в деятельности составляющих его индивидов. … Таким образом, путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов» [Мизес 2005: 43].

Мизес даже не замечает, что действие палача, убившего незнакомого ему человека, который не навредил ни палачу, ни его друзьям, как-то не очень понятны именно с индивидуалистической точки зрения.

Дюркгейм видел картину по-другому: Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определённую систему, имеющую свою собственную жизнь; её можно назвать *коллективным или общим сознанием*. Несомненно, оно не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всем пространстве общества. Но тем не менее оно имеет специфические черты, создающие из него особую реальность [Дюркгейм 1990: 80].

Так или иначе, на протяжении XX века шла определённая борьба между этими подходами, причём в социологии преобладал холизм, а в экономической науке – индивидуализм [Yadavendu 2013]. Эта борьба привела к тому, что сейчас многие учёные считают, что эти подходы равноправны и могут применяться для различных исследований по соображениям удобства.

[7] «There is no such thing as society» – фрагмент интервью под названием «Aids, education and the year 2000!», напечатанного в журнале Woman's Own от 31 октября 1987 г. Резонанс был такой, что газета Sunday Times официально затребовала от офиса премьер-министра разъяснение, опубликованное 10 июля 1988 г.

Беда в том, что это противопоставление рассматривает вопрос только в данной временной плоскости, не принимая во внимание эволюцию (как и вся либеральная экономическая теория, что и понятно: она не рассматривает то, что было до денежных рынков и то, что будет после).

Но если мы посмотрим на соотношение индивида и общества в системно- исторической перспективе [Швырков 1988], то увидим, что общество – это надсистема, построенная на более высоком уровне, чем индивиды, её элементы [Кремянский 1969; Турчин 2000].

Вопрос соотношения индивида и общества всесторонне исследован в работах Д. Страусса [Strauss 2006; Strauss 2007]. Он писал: «…Противопоставление личности и общества лежит в основе теоретического мышления об условиях человеческого бытия… взгляды на социальное взаимодействие становятся жертвой двух противоположных позиций: позиции социологического индивидуализма и позиции социологического универсализма». Далее Страусс цитирует Дюркгейма: В каждом из нас есть… две формы сознания: одна, общая для всей нашей группы, которая, следовательно, есть не мы сами, а *общество, живущее и действующее в нас*; другой, с другой стороны то, что есть в нас личного и отличного, делает нас индивидуумами (курсив мой).

То есть, сам наш разум с языком, понятиями, убеждениями и знаниями, есть часть общества; но этот набор у каждого свой, что и делает нас личностями. Страусс предполагал завершить своё исследование третьей частью, но это, по-видимому, не случилось. Мне удалось, однако, обнаружить нечто вроде плана этой части[8], в которой изложены следующие выводы:

- Индивида невозможно рассматривать отдельно от общества, ибо общество является условием его существования, противопоставление индивида и общества – методологическая ошибка.

- Индивид не встроен в общество как деталь в машину, поскольку общество это набор множества сильно и слабо взаимозависимых социальных коллективов и социальных процессов и не функционирует как всеобъемлющая целостность.

- Каждая из различных социальных функций, социальных связей или социальных ролей человеческой личности всегда является частичной в том смысле, что она никогда не охватывает всю общественную деятельность человека полностью. Быть коллегой, другом, гражданином и так далее – это просто способы, с помощью которых мы обозначаем разнообразные социальные функции и роли людей.

Соглашаясь в этих выводах с Д. Страуссом, следует расширить системный анализ проблемы. Система более высокого структурного уровня приобретает качества, которых нет у её элементов (метасистемный переход). Атом несводим к элементарным частицам, молекула – к атомам, общество – к индивидам. Вхождение в систему изменяет сами элементы, они приобретают такое состояние, которого не может быть вне взаимодействия. Могут сказать: но физики могут рассчитать, какой атом получится из данных элементарных частиц. Да, но это когда они уже знают, как эти частицы взаимодействуют в атоме. Вот если бы физики имели перед собой только далёкие друг от друга протоны и нейтроны, которые не взаимодействуют, как они могли бы узнать о пи-мезонах? Или химики видели бы только отдельные атомы, и не имели понятия о валентности, благодаря которой они могут соединяться в молекулы?

В многонациональном государстве происходит одно из двух: или ригидная основная нация растворяет другие культуры (плавильный котёл), или пластичная основная нация приспосабливается к совместной жизни, творчески изменяясь сама и служа проводником между

[8] Письмо Дэни Страусса в Thinknet от 23 июня 2010 года: https://dooy.info/issues/indiv.soc.html.

другими культурами государства, способствуя их взаимному обогащению. Взаимодействие изменяет сами элементы системы. При этом культура пластичной нации приобретает исторически наследуемое знание о том, как организовывать общую жизнь множества разных народов.

Именно общество создаёт язык, он только для общества и нужен, отдельному индивиду язык ни к чему. Идея общественного договора абсолютно фантастична, она предполагает, что откуда-то (ещё до общества) появились разумные индивиды, обладающие языком, и договорились жить вместе потому что это выгодно. Но индивиды, способные договариваться, не появляются вне общества.

Современная биологическая теория начинает понимать, что существовала коэволюция генома и культуры [Waring, Wood 2021]. Биологические мутации, случайно повышающие способность восприятия культуры на индивидуальном уровне, ведут к развитию культуры всего племени, что даёт ему преимущества в соревновании за ресурсы, закрепляясь генетическим отбором уже в генофонде популяции.

Особенно важен вопрос о коллективном субъекте для теории государства, особенно такого сложного, полиэтнического и многоконфессионального, как Россия во всех ипостасях: как Российская империя, СССР и Российская Федерация. Существование истории показывает, что целое существует, но вот каким образом оно существует? Каковы механизмы, взаимодействия, технологии, поддерживающие эту целостность?

Социология знания как пример исследования идеального целого

Ф. Энгельс писал, что потребность общества продвигает науку вперёд больше, чем десяток университетов. Потребность ускорить технологическое развитие заставляет даже воспитанных в традициях индивидуализма людей исследовать как устроена наука. Поэтому социология знания является примером наиболее научно исследованной и имеющей богатую литературу теории ИМС. И учёные невольно приходят к идее коллективного субъекта, причём начинают исследовать как он устроен.

Интересно, что сам Т. Кун, столько написавший о научных сообществах, не желал видеть в них коллективные субъекты. В предисловии к книге Л. Флека он пишет о неприемлемом для него «ракурсе социологии коллективного ума», что «мыслительный коллектив» – это «гипостазированная фикция» и что идея о мыслительном коллективе, который функционирует как некий сверхиндивидуальный разум, «внутренне ошибочна» [Флек 1999: 20–22].

Итак, перейдём к обзору современных публикаций по социологии знания.

Одной из влиятельных работ о коллективном знании стала книга Э. Хатчинса «Познание в природе», в которой он приходит к выводу о том, что управление кораблём не может осуществлять отдельный человек, а выполняет система из нескольких человек и приспособлений. Он назвал это «распределенным мышлением» (distributed cognition) и связал с разделением труда в обществе. Хатчинс указывает на системный характер групповых когнитивных процессов и на то, что группа решает задачи, которые не может выполнить один человек [Hutchins 1996].

По мере развития научных исследований возникают все более сложные задачи, для решения которых нужно создание очень больших установок и больших научных коллективов. К таким проектам относятся, например, Allen Brain Observatory (100 чел.) [Koch, Jones 2016] и Большой адронный коллайдер (до 3800 чел.) [Dragos 2001]. Исследователи начинают приходить к идее о групповом знании, групповом субъекте как группы, обладающей знанием. Отмечается, что эта идея противоречит традиционному постулату о том, что только отдельные люди могут обладать знаниями [Ibid.]

Креативность связывается с обсуждением проблем в коллективах людей, обладающих разным набором знаний и концепций, утверждается, что творческая система – это автопоэтическая система [Iba 2010].

Обзор исследований по социологии знания дан в книге Д. МакКарти [McCarthy 1996]. Она утверждает, что социология знания стремится раскрыть коллективные основы, на которых группы и (общественные) институты осуществляют свою деятельность и конкурируют за власть [Ibid.: 3] (вполне применимо к политике). Знание образует социальный порядок, … знания являются не просто результатом социального порядка, но сами являются ключевыми силами в создании и распространении социального порядка [Ibid.: 13]. Для социологов слово «знание» включает все возможные типы знания, идентифицированные в обществах прошлого и настоящего: все, что считается знанием, будь то религия, обычай, традиция, магия, наука или психоанализ [Ibid.: 16].

Знания можно изучать как внешние явления: они отличимы от конкретных людей, которые их мыслят; они являются продуктами нашей коллективной жизни, производимыми определёнными группами, разработанными учреждениями и профессионалами, такими как учёные, врачи и богословы, сообщаемыми и передаваемыми нам множеством разных людей, включая родителей, педагогов, политиков, журналистов и министров [Ibid.: 17].

Если идеологии являются практиками, то они являются стратегическими практиками, связанными с властью и последствиями как позиций, так и притязаний групп. Одна из распространённых стратегий идеолога состоит в том, чтобы претендовать на особое, превосходящее место и функцию по отношению к чужим идеям и практикам, например, притязание на теоретическую, рациональную или духовную позицию и, на этом основании, право действовать как окончательный судья и арбитр над другими [Ibid.: 33].

Автор следующей статьи так пишет о формировании сообществ: Группы с сильной общей идентичностью могут формироваться удивительно легко … и со временем ещё больше укрепляют общую идентичность благодаря простому факту нахождения в одной группе. Групповая идентичность усиливает внутригрупповой фаворитизм … подчёркиваются сходства (в мышлении, внешности, приверженности внутригрупповым нормам и ценностям) внутри группы, а различия преуменьшаются для укрепления групповой идентичности. Возможные сходства членов внешней группы с атрибутами своей группы аналогичным образом преуменьшаются. … Типичным примером является национализм и стереотипы националистических аутгрупп [Riesch 2014].

Этот абзац невольно заставляет вспомнить идеологические процессы, происходившие на Украине в последние десятилетия. Там виден комплекс целенаправленных воздействий на идейный комплекс ИМПС Украины.

Идеоматериальные полисистемы в эпоху цифровизации

Коммуникация является основой идеоматериальных систем. Общество создавало язык, а язык создавал общество. Благодаря языку племя смогло координировать свои действия на порядок лучше, чем стая волков. Благодаря языку открытие, сделанное одним членом общества (например, способ добывать огонь, или несколько позже, теоремы геометрии), делалось общим достоянием и не нужно было открывать его вновь и вновь. Если мозг – это процессор, то общество – многопроцессорная система.

Но устный язык действует в пределах слышимости. Изобретение письменности безгранично расширило пределы коммуникации и, тем самым, размер идеоматериальных систем. Стали возможны государства и мировые религии, наука и литература.

Цифровые системы и сети в очередной раз меняют устройство мира. Мы получили возможность моментальной и почти бесплатной связи между людьми и группами по всему земному шару. Но цифровые системы, в отличие от книг и газет, могут обладать активностью, обрабатывать информацию самостоятельно. Например, могут вести поиск информации по ключевым словам, могут собирать информацию по заданным правилам, могут включать в себя базы данных и цифровые модели. В настоящее время расширяется использование элементов искусственного интеллекта (ИИ), например, распознавание лиц и голосовые помощники. Разрабатываются системы семантического поиска и построения онтологий.

Все это изменяет функции ИМПС в глобальном масштабе, в десятки раз ускоряя социально-когнитивные процессы и делая их трансграничными. Усиливаются возможности формирования сообществ и управления групповой идентичностью. Эти возможности могут быть использованы как в общественно-полезных, так и в деструктивных целях.

В настоящее время учёные, работающие в одной области наук, достаточно активно общаются в цифровых сетях, создавая группы по интересам, причём участниками могут быть специалисты из любой страны. Объем научной литературы даже по узким тематикам так велик, что учёный может пропустить что-то важное, и на помощь приходит ИИ, способный замечать изменение дискурсов и онтологий [Evans, Rzhetsky 2011; Koch, Jones 2016]. Но при этом заметно меняется характер коллективного субъекта науки: если раньше большая часть коммуникации шла в пределах ВУЗа, института, города (хорошо, ели это большой научный центр) и намного меньшая и более медленная – через конференции и журналы, то теперь субъект становится глобальным и его активным компонентом становится ИИ. Одновременно растёт возможность субъектов, имеющих доступ к коммуникации, отслеживать личные характеристики учёных, а также их связи.

Авторы статьи [Lambiotte, Panzarasa 2009] пишут: научное сотрудничество обычно описывается в терминах очень больших сетей, обычно состоящих из десятков тысяч узлов … развитие сетевых библиотек, эффективных поисковых систем и онлайновых библиографических баз данных позволяет проводить количественные исследования ряда сетей научного сотрудничества на основе большого количества научных статей с точными сведениями об авторах, теме статей (анализ ключевых слов), а также об отношениях между статьями (цитирование). Цифровизация позволяют точно отслеживать, как учёные обмениваются, открывают и создают новые знания … сети соавторства и сети цитирования состоят из нескольких плотных групп узлов, также называемых сообществами … такая модульная структура связана с высокой специализацией, необходимой для проведения исследований, а также с появлением дисциплин, собственного жаргона, интересов и методов.

Понятно, что эти структуры и методы их изучения могут быть применены не только для изучения научных сообществ, но и других ИМПС. Учитывая скорость глобальной цифровизации, разработка теории и методов исследования цифровизированных ИМПС крайне актуальна. Открытым остаётся вопрос о влиянии возможного распада мира на валютно-технологически-экономически-идеологические зоны на глобальный характер цифровых систем.

Заключение

Концепция идеоматериальных полисистем, конечно, не появилась на пустом месте. Она продолжает множество достаточно старых дискурсов, продолжающихся в разных науках веками, то всплывая на поверхность, то вновь уходя вглубь. Но возможно что её применение для политического анализа становится актуальным именно в наше бурное время когда, казалось все победившая глобализация, вдруг сменяется дефрагментацией именно на

цивилизационные блоки государств. В действительности это движение цивилизаций в социальной материи, когда идеи становятся силой, овладевая массами (В.И. Ленин).

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОНпрессЦ, Кучково поле. – 288 с.

Аристотель. 1976. *Сочинения в четырёх томах. Т. 1.* Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль. 1976. – 550 с.

Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма* / Макс Вебер; [перевод с немецкого М. Левиной]. – М: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.

Выготский Л.С. 2005. *Психология развития человека.* – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо. – 1136 с.

Громыко Ю.В. 2004. *Сценарная паноплия : сценарий для России: русский путь: новая повестка дня для президента*. – М. : [б. и.]. (ГП Псковская обл. тип.). – 400 с.

Дюркгейм Э. 1990. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. Пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. – М.: Наука. – 575 с.

Ильин М.В. 2020. Вновь о принципах эволюции. – *Полис. Политические исследования.* – № 1. – С. 104–113. – DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.08

Кремянский В.И. 1969. *Структурные уровни живой материи. Теоретические и методологические проблемы.* – М.: Наука. – 296 с.

Кун Т. 1977. *Структура научных революций.* С вводной статьёй и дополнениями 1969г. – М.: Прогресс. – 300 с.

Лотман Ю.М. 2000. *Семиосфера.* С.-Петербург: Искусство-СПБ. – 704 с.

Мизес Л. 2005. *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории* / пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум. – 878 с.

Поппер К.Р. 2008. *Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия.* Пер. с англ. / Послесл. И.В. Журавлева. – М.: Издательство ЛКИ. – 256 с.

Сухарев М.В. 2008. *Эволюционное управление социально-экономическими системами*. – Петрозаводск: КарНЦ РАН. – 258 с.

Сухарев М.В. 2019. Идеоматериальные полисистемы и национальная безопасность: системно-исторический подход. – *Национальная безопасность / nota bene.* – № 3. – С. 23–37. – DOI: 10.7256/2454-0668.2019.3.30031

Турчин В.Ф. 2000. *Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции.* Изд. 2-е. – М.: ЭТС. – 368 с.

Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Чугров С.В. 2018. Культура, институты, политика. – *Полис. Политические исследования.* – № 1. – С. 143–156. – DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10.

Флек Л. 1999. *Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива.* Под ред. Поруса В.Н. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. – 220 с.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года.* Перевод Васильева А.А. – СПб: Алетейя. – 306 с.

Чугров С.В. 2016. Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути). – *Полис. Политические исследования.* – № 4. – С. 182–191. – DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14

Швырков В.Б. 1988. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания. – *Психологический журнал.* – Т. 9. – № 1. – С. 132–149.

Dragos C. 2021. Epistemic autonomy and group knowledge. – *Synthese*. – 198. – Pp. 6259–6279. – DOI: https://doi.org/10.1007/s11229-019-02461-w.

Evans J.A. Rzhetsky A. 2011. Advancing Science through Mining Libraries, Ontologies, and Communities. – *Journal of Biological Chemistry*. – Vol. 286. – No. 27. – Pp. 236–259. – DOI: https://doi.org/10.1074/jbc.R110.176370.

Even-Zohar I. 1990. Polysystem studies. – *Poetics today. International Journal for Theory and Analysis of Literature and Communication.* – Vol. 11. – No. 1. – Pp. 1–262.

Even-Zohar I. 2010. *Papers in Culture Research.* – Tel Aviv: Unit of Culture Research, Tel Aviv University. 251 p. – URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.477.787&rep=rep1&type=pdf. – Accessed: 25.06.2015.

Hutchins E. 1996. *Cognition in the wild.* – Cambridge, Mass.: The MIT Press (A Bradford Book). –381 p.

Iba T. 2010. An Autopoietic Systems Theory for Creativity. – *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 6610–6625. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.04.071.

Koch C, Jones A. 2016. Big Science, Team Science, and Open Science for Neuroscience. – *Neuron.* – Vol. 92. – No. 3. – Pp. 612–616. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.neuron.2016.10.019.

Lambiotte R. Panzarasa P. 2009. Communities, knowledge creation, and information diffusion. Journal of Informetrics. – Vol. 3. – No. 3. – Pp. 180–190. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.joi.2009.03.007.

McCarthy D.E. 1996. Knowledge as Culture: The New Sociology of Knowledge. – New York&London: Routledge. – 142 p.

Riesch H. 2014. Philosophy, history and sociology of science: Interdisciplinary relations and complex social identities. *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. – Vol. 48. – Pp. 30–37. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2014.09.013.

Smuts J.C. 1927. *Holism and Evolution.* – London, MacMillan and Co. – 398 p.

Strauss D. 2006. Beyond the opposition of individual and society, Part 1: Acknowledging the constitutive social function of being an individual and ‘de-totalizing’ the idea of ‘society’. – *South African Review of Sociology*. – Vol. 37. – No. 2. – Pp. 143–164. – DOI: https://doi.org/10.1080/21528586.2006.10419152.

Strauss D. 2007. Beyond the opposition of individual and society. Part II. The ‘category-mistake’ entailed in this opposition. – *South African Review of Sociology*. – Vol. 38. – No. 1. – Pp. 1–19. – DOI: https://doi.org/10.1080/21528586.2007.10419164.

Sukharev M.V., Kozyreva G.B. 2019. Ideomaterial Polysystems. – *Indian Journal of Science and Technology*. – Vol. 12. – No. 4. – DOI: https://doi.org/10.17485/ijst/2019/v12i4/139222 (In Russ.)

Yadavendu V.K. 2013. *Shifting paradigms in public health: from holism to individualism*. – Springer Science & Business Media. – 212 p.

Waring T.M. Wood Z.T. 2021. Long-term gene-culture coevolution and the human evolutionary transition. – *Proc. R. Soc.* – B288: 20210538. DOI: https://doi.org/10.1098/rspb.2021.0538.

Русская мысль и политика

От редакции

20–21 января 2023 г. в Южном федеральном университете состоялось 55-е заседание всероссийского онлайн-семинара «Русская мысль и политика». Оно было посвящено теме «Феномен шестидесятничества в советской философии: интеллектуально-политический потенциал поколения». Помещаем статьи и рефераты докладов и сообщений на семинаре.

В.П. Макаренко

О ФИЛОСОФСКИХ «ШЕСТИДЕСЯТНИКАХ»

В.А. Лекторский
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье речь идёт не о возрасте тех, кто делает философию, а о появлении новой философской проблематики и нового отношения к самой философии, понимании её культурной роли, того, что называется «философским образом жизни». Исследуется драматическая история жизни и деятельности поколения людей, которые стали определять философскую жизнь страны начиная с конца 1950-х гг. Автор анализирует результаты деятельности этого поколения и обосновывает тезис о том, что под знаком этого поколения отечественная философия развивалась всю вторую половину XX в. и что представители этого поколения существенно повлияли на философскую жизнь нашей страны уже в течение прошедших двух десятилетий XX века. Показано современное значение идей, выдвинутых представителями этого поколения.*

Ключевые слова: *философия поколения, теория познания, философская антропология науки о человеке, Институт философии РАН, «Вопросы философии».*

«Шестидесятниками» иногда называют то философское поколение, которое появилось в нашей стране в конце 50-х гг. прошлого века, активно работало в 60-е гг., продолжило свою деятельность в 70-е и 80-е. С ним связан особый этап в развитии отечественной философии. Я сам принадлежу к этому поколению, поэтому мне нелегко писать о нём: взгляды «от первого лица» и от «третьего лица», как известно, нелегко совместить. Тем не менее постоянно приходится это делать – и в отношении каждого «Я», и в отношении «Мы».

Так получилось, что мне пришлось в некотором смысле стать биографом и исследователем этого поколения, которое с моей точки зрения определяло нашу философскую жизнь

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.3441

на протяжении нескольких десятилетий. Я писал о поколении «шестидесятников» в ряде собственных публикаций, именно о нём идёт речь в 22 томах серии «Философия России второй половины XX века», вышедшей под моей редакцией (последний, итоговый том был недавно издан в США в переводе на английский язык и был хорошо встречен специалистами).

Главный пафос деятельности философских «шестидесятников» – это стремление возродить настоящую философию после десятилетий её догматического удушения. И им это удалось.

У истоков философской революции в нашей стране стояли два молодых человека, только что закончивших аспирантуру философского факультета Московского университета: Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. К ним стали примыкать ещё более молодые люди, в том числе я, завершавший в то время учёбу на философском факультете университета, а также другие выпускники факультета: И.Т. Фролов, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошилова, Г.С. Батищев, В.М. Межуев, Л.К. Науменко, В.С. Швырёв, В.Н. Садовский и многие другие.

Мы верили в важность и нужность настоящей философии, в необходимость честной работы, не подверженной политической конъюнктуре, в отмежевание философии от идеологии – само слово «идеолог» было для нас бранным (у нас в ходу была кличка «прохиндей» для обозначения жуликоватых защитников официальных догм. Для нас главным в жизни было занятие философией как самым важным и серьёзным делом – мы это не обсуждали, это подразумевалось. Не нужно делать административную карьеру, так как пребывание в любой начальственной должности мешает свободной творческой деятельности. Не было и стремления заработать побольше денег. Да это было и невозможно.

Все мы считали, что нужно ориентироваться на науку и теоретическое мышление. Э.В. Ильенков в знаменитых «Тезисах» о предмете философии, написанных вместе с другим молодым преподавателем философского факультета университета, В.И. Коровиковым, защищал идею о том, что именно теоретическое мышление и есть предмет философии и что поэтому философия является теорией познания. Даже те, кто не разделял полностью идеи «Тезисов» (считал, например, что наряду с теорией познания в философию входит онтология и этика), увлеклись исследованием проблематики познания, мышления, науки, так как именно в этой области можно было наиболее интересно работать. Если угодно, это было своеобразным философским сциентизмом.

Впоследствии высказывалось мнение о том, что наше поколение сознательно ушло в изучение мышления (теория познания, логика, философия и методология науки), чтобы получше укрыться от идеологического давления, которое, конечно, было несравненно большим в том случае, если исследовались проблемы социальной философии. В этом мнении есть доля истины: действительно, при анализе познавательной проблематики можно было выдвигать оригинальные идеи (и немало таких идей было предложено, о чем я позже скажу), а это практически было невозможно в таких дисциплинах, как исторический материализм и научный коммунизм. Но это лишь доля истины.

Дело в том, что понимание философии как теории познания совершенно не было способом «укрытия» от анализа жизненных проблем. Наше поколение остро-критически относилось к социальной действительности нашей страны. Доклад Н.С. Хрущева с разоблачением Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. был таким потрясением, которое перевернуло нашу жизнь. Мы остро переживали то обстоятельство, что после этого доклада не произошли те коренные перемены, которых мы ожидали. Идеалом поколения был «социализм с человеческим лицом». Лозунг в такой формулировке был предложен чехословацкими реформаторами в 1968 г., но в нем выражено именно то устремление, с которым мы входили в философию уже в конце 50-х гг. – недаром мы сочувствовали «пражской весне» и остро переживали её

поражение. Марксизм мы понимали как науку, воплощённую в «Капитале», и как гуманистический проект, выраженный в «Философско-экономических рукописях» Маркса, а не как ходячий официальный марксизм – ленинизм. Серьёзным способом социальных изменений, считали мы, является наука, а философия – это критическая рефлексия над ней. Как раз культивирование творческого мышления, как мы считали, и является ключом к социальным реформам. Важно и то обстоятельство, что начиная со второй половины 50-х гг. власть в нашей стране стала придавать науке всё большее значение, а затем провозгласила необходимость соединения социализма с научно-технической революцией. Наука оказалась той социальной силой, с которой вынуждены были считаться даже идеологические манипуляторы.

Я хочу обратить внимание на то, что новое философское движение, связанное с жизнью и деятельностью нашего поколения, не было чем-то замкнутым на исследование проблематики, представляющей узкий академический интерес. Этот «когнитивный поворот» в философии, связанный с деятельностью нашего поколения, совпал с интенсивным развёртыванием исследования познавательных процессов в психологии, математическим моделированием мыслительных процессов, когнитивной лингвистикой, семиотикой, исследованиями в области кибернетики, историей естествознания. Эти исследования осуществлялись на мировом уровне и получали международное признание. Ряд теоретиков в области математики и естественных наук начинают проявлять интерес к философии и включаться в обсуждение философской тематики, связанной с их научными исследованиями. Началось интенсивное взаимодействие философов, естествоиспытателей и ряда представителей наук о человеке. Регулярно стали проводиться всесоюзные конференции по философии, логике и методологии науки.

Тем не менее на философию, даже такую, которая опирается на науку, пытались оказывать идеологическое давление. Изучение познания, мышления, науки вовсе не избавляло от преследований со стороны властных структур. Как раз нас официальные идеологи считали нас особо опасными ревизионистами. Мы жили в обстановке непрекращающейся идеологической травли. Травили Э.В. Ильенкова – это повлияло на его раннюю смерть. А.А. Зиновьев был исключён из партии и изгнан из страны. Исключили из партии Э.Г. Юдина, М.К. Петрова, Г.П. Щедровицкого. Травили И.Т. Фролова, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева, В.С. Библера. Мы испытывали трудности с печатанием текстов. У многих осталось большое рукописное наследие, которое стало источником публикаций после смерти и, как правило, уже в другое время. Что-то из неопубликованного читалось близкими друзьями, учениками, обсуждалось на семинарах, передавалось из рук в руки. Что-то существовало в виде магнитофонных записей докладов, выступлений.

В этой связи я хочу подчеркнуть вот какое важное обстоятельство. В этой тяжелейшей идеологической обстановке настоящая (а не официальная) философская жизнь была весьма интенсивной. Я вспоминаю эти годы как время появления множества новых идей, дискуссий, как время заинтересованного и критического чтения работ друг друга, участия в совместных семинарах и конференциях, как время интенсивных контактов с учёными, деятелями культуры. В это непростое время мы верили в будущее страны и философии, в «социализм с человеческим лицом».

В 1968 г. наступило иное время. Наши танки вошли в Чехословакию. Произошёл драматический раскол в нашем поколении, отход от некоторых старых представлений, ранее объединявших всех его представителей, а в иных случаях и разрыв личных взаимоотношений. Был положен конец не только «пражской весне», но и надеждам на обновление социализма в России. Многие представители нашего поколения разочаровались в наивном сциентизме, который воодушевлял нас в конце 50-х и в 60-е гг., и постепенно стали выдвигать на первое место антропологическую проблематику в качестве самостоятельной, а не производной от эпистемологических и методологических исследований. Ряд философов антропологи-

ческой ориентации отходят от марксизма, усваивают феноменологические и экзистенциальные идеи западной и русской философии, а в некоторых случаях дают экзистенциально-антропологическую трактовку идей Маркса. Усиливается идеологический натиск на «шестидесятников». В результате травли умирает директор Института философии АН СССР П.В. Копнин, уходит с этого же поста через несколько лет Б.М. Кедров, перестаёт быть главным редактором «Вопросов философии» И.Т. Фролов, умирает затравленный Э.В. Ильенков, высылается из страны А.А. Зиновьев, уезжает в Грузию М.К. Мамардапшвили, работам Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева и другим отказывают в публикации.

Что же удалось сделать этому поколению?

Интенсивно анализировалась проблематика философии и методологи науки. Особенность методологических исследований научного знания, осуществлённых в это время в отечественной философии, состоит в акценте на изучение генезиса научной теории и логики её исторического развёртывания. В этой связи было разработано понимание научной теории как многоуровневой открытой системы, включающей в себя ряд относительно самостоятельных подсистем. Такое понимание резко контрастировало с господствовавшей в это время в западной философии науки стандартной гипотетико-дедуктивной моделью научной теории и опередило западные исследования в этой области.

Возникает разветвлённое исследование проблематики философии естествознания: проблема причинности в современной науке, принцип соответствия, принцип дополнительности, принцип наблюдаемости, принцип редукции, проблема глобального эволюционизма и др.

Новый характер получило исследование диалектики. Она была понята не просто как онтологическая схема, а как логика развития теоретической мысли, как способ анализа и разрешения противоречий мышления в традициях Гегеля и Маркса.

Большой размах получили исследования в области философской логики, в области символической логики, где нашими специалистами был предложен ряд оригинальных подходов при этом возникло плодотворное взаимодействие философов, логиков и математиков.

Популярными стали методологические разработки системно-структурных исследований, в которых наряду с философами участвовали биологи, лингвисты, экономисты, социологи.

Э.В. Ильенков сформулировал оригинальное понимание идеального как существующего в формах человеческой деятельности, исходно в формах коллективной деятельности, т. е. тем самым как своеобразной объективной реальности по отношению к индивидуальной психике. Такое понимание выглядело еретическим не только по отношению к нашей официальной философии, но и было совершенно необычным для западной философии того времени (позже похожую идею, хотя и не тождественную ильенковской, формулировал К. Поппер в своей концепции «третьего мира»). Не приняли этот подход и некоторые люди, включённые в общее движение философского обновления. Зато этот подход был подхвачен отечественными психологами, развивавшими идеи культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Между тем эта проблематика стала одной из центральных в современной когнитивной науке.

Интенсивно разрабатывался деятельностный подход в двух планах: во-первых, как способ понимания человека, его творческой природы и выхода за пределы любой наличной ситуации, во-вторых, как важный методологический принцип в науках о человеке, позволяющий разрушить непроходимую стену между внешним и «внутренним», субъективным миром

Как я писал, начиная с 70-х гг. в центре внимания многих философов нашего поколения оказались вопросы философской антропологии.

И.Т. Фролов анализировал проблему смысла жизни и смысла смерти в контексте взаимоотношения философии и естествознания.

М.К. Мамардашвили разработал антропологическую концепцию, в центре которой феномен индивидуального сознания.

Ряд философов стали усматривать специфику человеческого бытия в общении, подчёркивая его несводимость к деятельности (Г.С. Батищев).

Интерес привлекают такие экзистенциальные состояния, как вера, надежда, любовь (В.И. Шинкарук).

Н.Н. Трубников написал интереснейшую работу о времени человеческого бытия.

В.С. Библер связал исследование проблем методологии науки с анализом культуры и разработал оригинальную концепцию «диалога логик» и «диалога культур» («диалогики»).

В контексте интереса к проблеме человека стали серьёзно разрабатываться проблемы этики.

Высланный из страны А.А. Зиновьев в форме так называемой логической социологии создал философско-научную систему, в рамках которой анализировались основные социально-культурные и антропологические проблемы, исследовались системы «коммунизма» и «западнизма».

Хотя в области исторического материализма творчески работать было особенно трудно, тем не менее в начале 70-х гг. появились книги, в которых было дано новое понимание социальной философии Маркса и разработана неортодоксальная концепция общественно-экономической формации. Появились новые подходы в изучении истории философии. Стали серьёзно изучаться различные направления современной западной философии – феноменология, экзистенциализм, неотомизм, философская антропология, критический рационализм, прагматизм, неопозитивизм, герменевтика, структурализм и др.

Середина 80-х гг. Начало перестройки. Ситуация снова принципиально меняется. Идея «социализма с человеческим лицом», с которой начинало свою деятельность наше поколение, из ревизионистской становится целью, официально провозглашаемой лидерами отечественной перестройки. Кажется, что политическая и идеологическая власть на нашей стороне. И.Т. Фролов занимает высокие политические посты: главный редактор журнала «Коммунист», главный редактор «Правды», член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КППС по идеологии. В.С. Стёпин становится сначала директором Института истории естествознания и техники, а затем директором Института философии (занимал эту должность в течение 18 лет). Я по предложению И.Т. Фролова с декабря 1987 г. начинаю работать в качестве главного редактора журнала «Вопросы философии» (пребывал в этой должности 22 года). Важно, что новая ситуация была нами максимально использована на благо философии.

И.Т. Фролов организует написание и издание нового учебника «Введение в философию», порывающего со сложившимися в советские годы догматическими традициями создания такого рода книг. Он организует регулярные телевизионные «Философские беседы», которые пользуются большой популярностью и в которых выступают философы, а также интересующиеся философией социологи, психологи, естествоиспытатели, деятели культуры. Он создал в составе Академии наук СССР новое и необычное научное учреждение «Институт человека», который возглавил сам – задачей института была организация междисциплинарных исследований проблем человека при главенствующей роли философии, а, как это стало особенно ясно сегодня, эта проблематика начинает доминировать в развитии науки в целом.

Сильно изменился Институт философии. Искусственные, навязанные старой идеологией проблемы (вроде теории научного коммунизма) оставлены в прошлом. Зато стали исследоваться такие вопросы, которые раньше нельзя было серьёзно изучать: социальная филосо-

фия, политическая философия, философия религии, история русской религиозной философии. Возникли новые подходы в изучении проблем теории познания, философии науки, философской антропологии.

«Вопросы философии» играли в это время особую роль. В рамках круглых столов обсуждались с философской точки зрения злободневные проблемы общественной жизни и науки (демократия, судьбы социализма, роль религии в культуре, методология наук о человеке и др.). На страницах журнала стали публиковаться статьи по истории русской религиозной философии (которая до этого серьёзно не могла исследоваться), по замалчивавшимся фигурам советской философии. Начиная с 1989 г. журнал стал в качестве приложения издавать серию «Из истории отечественной философской мысли», в которую вошли переиздания, а иногда первые публикации произведений дореволюционных классиков нашей философии. Работа над этим изданием дала толчок настоящему исследованию истории русской философии в стране. В эти годы «Вопросы философии» стали не только одним из центров развития нашей философии, но и местом притяжения всей мыслящей интеллигенции. Тираж журнала невиданно взлетел: 90 000 экземпляров в месяц.

Конец 1991 г. Исчезает Советский Союз. Марксизм из официальной идеологии превращается в предмет поношений. Под подозрением оказываются не только приверженцы старых догматических представлений, но и сторонники идеи «социализма с человеческим лицом». В печати появляются статьи, авторы которых призывают не просто отказаться от преподавания в вузах марксистко-ленинской философии, но и философии вообще, предлагая заменить её либо культурологией, либо теологией. Необходимость разработки философской проблематики тоже ставится под сомнение.

В этой ситуации исключительно важную роль в отстаивании философии, в утверждении необходимости её творческой разработки сыграли Институт философии во главе с В.С. Стёпиным и «Вопросы философии», которые возглавлял я.

Институт не просто сохранил свои позиции, но существенно их укрепил, расширив связи с учёными и деятелями культуры, с зарубежными философами. «Вопросы философии» остались одним из самых любимых журналов не только у философов, но и среди творческой интеллигенции.

Попытаюсь подвести некоторый итог моим размышлениям.

Поколение «шестидесятников» определило развитие нашей философии не только в 60-е гг. прошлого столетия, но и в последующее время, даже в XXI веке.

Об обвинениях в адрес этого поколения. Наши писатели и поэты «шестидесятники» иной раз упрекаются в том, что они творили «в рамках дозволенного» и пытались найти общий язык с тогдашним политическим руководством страны. Что же касается философов «шестидесятников», то некоторые современные авторы приписывают им политический конформизм и стремление не к решению философских проблем, а к поиску «аутентичного марксизма». Подобного рода рассуждения не имеют абсолютно ничего общего с действительностью, как это видно из того, о чём я рассказал. На самом деле эти люди были устремлены к настоящей философии и ради этого были готовы на жертвы (и их было немало), они остро критически относились к окружавшей их социальной действительности, не терпели идеологического вмешательства в науку и философию. И не просто пытались заниматься настоящей философией, а достигли в этом немалых результатов, сохраняющих значение сегодня. Они исходили из гуманистически понимаемого марксизма (по крайней мере большинство из них и по крайней мере до начала 70-х гг. прошлого века), но так понятый марксизм не имел ничего общего с официальным марксизмом-ленинизмом тогдашних партийных идеологов.

В этой связи скажу ещё раз вернусь к вопросу об отношении шестидесятников к идеологии. Дело в том, что в советские годы занятия идеологией относилась к прерогативе специ-

альных партийных инстанций. Соответствующий отдел имелся в аппарате ЦК КПСС. Философы и учёные – обществоведы не имели права разрабатывать эти вопросы, тем более критически обсуждать те или иные идеологические установки. Но идеология на самом деле серьёзно не разрабатывалась и теми людьми, которые, казалось бы, должны были этим специально заниматься. Время от времени сверху спускалось то или иное идеологическое положение, вроде того, что «поколение современных советских людей будет жить при коммунизме» или же что «наша страна вступила в стадию развитого социализма». Эти положения не обосновывались (их и нельзя было обосновать, так как они не были результатом серьёзного анализа действительности, а диктовались той или иной политической целью), при этом их нельзя было обсуждать, тем более критиковать, ими надлежало руководствоваться. Учёные-обществоведы имели право лишь интерпретировать эти утверждения, разъяснять их и исходить из них. Идеология в условиях советской жизни выступала, таким образом, как система верований, исключающих критическую рефлексию, как нечто принимаемое без рассуждений. Понятно, что для шестидесятников, стремившихся заниматься настоящей философией, идеология выступала как антипод их деятельности. Поэтому для них «идеолог» было бранным словом, а идеология трактовалась как «ложное сознание» – в духе Маркса.

В действительности идеология – это не «ложное сознание» и не система верований, оправдывающих авторитарную власть. Это и не просто картина существующего, а проект, программа социально-политической деятельности, дающая возможность оценки имеющегося положения дел и ориентир для дальнейших действий. Как любая программа, исходящая из системы определённых ценностей, она принимается на основании желательности и возможности её осуществления. Последнее предполагает знание о социальной реальности. Поэтому серьёзная идеология должна опираться на результаты социальных наук: политэкономии, социологии, политологии и др. Но, будучи не просто знанием о том, что ныне существует, а проектом будущего, серьёзная идеология вместе с тем должна исходить из той или иной концепции человека и его ценностей. А последнее значит, что идеология должны быть философски обоснована. Исторически так и было. Идеология либерализма, например, философски обосновывалась такими людьми, как Д. Локк, Д.-С. Милль, Д. Дюьи, К. Поппер, Дж. Роллз. Идеология социализма философски осмысливалась не только Марксом, Энгельсом и Лениным, но и представителями Франкфуртской школы, Ж.-П. Сартром, М. Мерло-Понти, Л. Альтюссером, С. Жижеком.

Таким образом, не будучи идеологией и тем более не являясь её служанкой, философия всегда играла и продолжает играть важнейшую роль в обосновании идеологии. Разработка последней – серьёзное дело, предполагающее опору на науку и философию. Идеология при таком её понимании – не способ «навешивания лапши на уши», а необходимый ориентир социально-политической жизни, при этом предполагающий критическую рефлексию и ревизию тех или иных основоположений в свете новой реальности. Не следует путать идеологию и политическую пропаганду или политтехнологию. Последняя – не что иное, как средство внушения неких идеологических установок. Пропаганда используется в политической жизни, возможно, без неё нельзя обойтись, но она нередко в самом деле служит средством оболванивания.

Негативное отношение философских шестидесятников к идеологии было обусловлено той формой идеологии, которая практиковалась в нашей стране на протяжении многих лет. Нужно заметить, что когда в 70-е и 80-е гг. прошлого столетия шестидесятники отошли от наивного сциентизма и повернулись в строну антропологической тематики, они фактически соприкоснулось с идеологическими сюжетами. Это и работы Ильенкова о проблеме отчуждения при капитализме и социализме, и его проекты школы будущего, и статьи Батищева о духе социального критицизма, и рассуждения Мамардашвили о «реальном социализме»

в его выступлениях в 90-е гг. Один из главных лидеров философского шестидесятничества А.А. Зиновьев выпустил за два года до смерти книгу «Идеология партии будущего», в которой предложил свой набросок новой идеологии.

ОБРЕЧЁННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В.Н. Порус
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация: *Автор предлагает оценивать процессы и результаты деятельности философских шестидесятников через призму известной работы Э.В. Ильенкова «Об идолах и идеалах». Он считает, что философское возрождение было обречено на угасание, поскольку процесс возрождения философии был пропитан идеологией, которая играла значительную роль и определяла ход философских дискуссий. Многие шестидесятники считали себя более «праведными» марксистами-ленинцами, чем их идеологические надсмотрщики. Поэтому заимствования идей западной философии были эпигонством. Особенно это относится к исследованиям по социальной философии, где осколки прежней парадигмы долго соседствовали с элементами иной методологии и чужеродными аксиологическими «новациями».*

Ключевые слова: *субъективные впечатления о философском шестидесятничестве, причины и следствия мнимого возрождения советской философии.*

Моё понимание того, что принято называть «философским шестидесятничеством»[1], субъективно – как свидетельство младшего современника. Я жил в это время, я его пережил, у меня своё к нему отношение. От имени так называемой исторической объективности выступать я не рискую.

Своё выступление я озаглавил «Обречённое возрождение». Почему *возрождение*, это объяснять не надо. «Шестидесятники… возродили отечественную философию после предшествовавших десятилетий её невообразимой идеологической вульгаризации» [Гусейнов 2005, 4–11], Действительно невообразимой: философия в нашей стране до этого периода напоминала картину, удручавшую пушкинского Руслана:

– О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?

Мы знаем, кто усеял, что это была за битва. «Подавление философии, а затем подавление с помощью идеологизированной философии многих перспективных научно-исследовательских направлений имели губительные последствия как для самой философии, так и для научного знания в целом. Вся структура философского знания была искажена» [Огурцов 1998: 117]. Но авторы книги, откуда эта цитата, были уверены, что, когда давильня ослабела,

[1] «Это обозначение для группы людей, чьё рождение приходится на 30-е гг. (конец 20-х / начало 40-х). Это – самое знаменитое из наших поколений» [Михайлов 2022: 805].

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.4244

из костей взошли побеги новой философии: птица Феникс доказала, что её смерть – предпосылка продолжения ее же жизни. Моё же утверждение: это возрождение было обречено на угасание, которое и последовало спустя пару десятилетий.

«Шестидесятники» пришли в философию после великой войны и после XX съезда КПСС. С этих рубежей они увидели новые перспективы всемирной истории, нуждавшиеся в философском осмыслении. Увидели в единственно тогда возможной для большинства из них оптике. Цель мирового развития, обозначенная марксовой философией истории, оставалась для них истинной и прекрасной, а кровавый путь к ней не мог предстать чередой ошибок и преступлений. Они понимали, что идолы заслонили и осквернили идеалы. Но надо было исправлять ошибки, разоблачать преступления, очищать истину от налипшей лжи и грязи.

Отсюда порыв к аутентичности идеалов, искажённых и извращённых идолами. Порыв, скоро столкнувшийся с сопротивлением – идолы не сдавали позиций и уже к концу 60-х перешли в контратаку. Ирония истории в том, что отражать контратаку «шестидесятникам» приходилось, заслоняясь идеалами, которые для идолов уже стали декорациями на сцене, где разыгрывалась драма истории. Неудивительно, что процесс возрождения философии был густо пропитан идеологией: о чем бы ни шла речь, пусть о самых отвлечённых проблемах, идеологическая подоплёка играла значительную роль и определяла ход философских дискуссий.

Однако «верность идеалам» все чаще становилась уязвимой позицией. В быстро меняющемся мире идеалы тускнели, плохо уживались с реальностью. Их смыслы подменялись пропагандистской шелухой, словесными симулякрами. А поиски аутентичности часто оборачивались поразительным равнодушием к фундаментальным сдвигам в структуре реальности и в способах её постижения. Где-то в мире происходили попытки уловить и осознать эти сдвиги, хотя бы и в рамках, заданных классиками марксизма, но они встречались с недоверием, а то и враждебно – как признаки вырождения и ренегатства. Наверное, не будет преувеличением сказать, что многие из «шестидесятников» искренне считали себя более «праведными» марксистами-ленинцами, чем их надсмотрщики, отвечавшие за идеологию. Они действительно не желали поступаться принципами, в то время как командующие идеологическими фронтами давно видели в этих принципах только ширму, за которой скрывалось ясное стремление сохранить status quo, позволявший удерживать господство идолов.

Эта искренность и стала причиной последующего тупика. Деятели нового возрождения опирались (с разной мерой осознанности) на то, что перестало быть опорой. Когда же, почувствовав шаткость оснований, они пытались как-то их «отремонтировать» или найти иные основания, это приводило к кризису, затрагивавшему структуру личности, к психологическим надломам (часто получавшим гротескную форму).

Поиски направлений развития, как будто устремлённые в будущее, но опиравшиеся на безвозвратное прошлое, не могли быть успешными и были обречены на подмену. Через некоторое время развитие философских исследований стало насыщаться заимствованиями, проникавшими в них под видом критики «буржуазных» философских школ и тенденций. Эти заимствования иногда давали удачные результаты, а иногда выглядели как эпигонство. Особенно это сказывалось в исследованиях по социальной философии, где осколки прежней парадигмы ещё долго соседствовали с элементами иной методологии и чужеродными аксиологическими «новациями». Образующиеся трещины ещё кое-как можно было заделывать заклинаниями о «диалектических противоречиях», но недолго. Так, идея «свободного развития личности» как меры и цели общественного прогресса плохо уживалась со стратегией возрастающей зависимости личности от целокупности социального и государственного устройства – и с этим нельзя было справиться за счёт словесных ухищрений.

Ни половинчатая, ни даже решительная переориентация (даже если бы она была возможной!) на идейные арсеналы иных философских миров не меняли суть дела. Надо признать, что современная западная («буржуазная», как тогда было принять говорить) филосо-

фия также испытывала кризис и металась в поисках перспектив развития. В 60-е гг. уже вовсю происходила глобальная эвакуация философии из центра системы культуро-образующих идей, принципов и ценностей. Кое-где ещё шли арьергардные бои (студенческая революция 1968 года в Париже проходила под знаком деидеологизации мировоззрения, хотя в кричалках того времени идеологии было ещё предостаточно). Но культура уже выползала из-под завалов идеологических клише и пыталась устроиться на принципах самоутверждения личности, предоставляя ей столько свободы, сколько она в силах вынести (понимая при этом, что свобода – тяжкий, едва выносимый груз). Сексуальная революция подменила собой социальную – этим многое было сказано в те годы.

Значительная часть философии стала усиленно имитировать науку, такой была почти вся аналитическая традиция. Философы убеждали сами себя и старались убедить других, что их штудии играют исключительную роль в науке и всей рациональной сфере культуры. Уже вовсю разгорались споры о рациональной природе мышления и его истории, уже была написана «Структура научных революций», кипели страсти вокруг понимания научного метода и опасностей его искажения иррациональными включениями. Все это заняло не только 60-е, но и последующие два десятилетия. В нашу страну отголоски этих споров также долетали. Поначалу они воспринимались скептически. Что такое были эти споры по сравнению с всесильностью диалектики? Но постепенно они захватили часть философов, уже осознавших обречённость былого порыва к возрождению аутентичной философии классиков. Отечественная философия ещё пыталась найти себя в спорах диалектиков и формальных логиков (пасынков аналитической философии). А главное – в археологии мысли, целью которой было возвращение философии в центр культуры, но в очищенном от догматики и плесени словоблудия виде. Но это движение шло против течения общественной жизни, в которой выросло и укрепилось недоверие к основополагающим принципам и формулам, под которые уже нельзя было подогнать действительность.

Идолы одолевали идеалы. А без идеалов шестидесятники были не нужны. Они постепенно и сошли со сцены, уступив место «семидесятникам» и «восьмидесятникам», уже не вдохновлявшимся «возрожденческими идеями», да и не составлявшим какого-то значимого движения.

Гусейнов А.А. 2005. Н.В. Мотрошилова и философы-шестидесятники. – Мотрошилова Н.В. *Работы разных лет. Избранные статьи и эссе*. – М.: Феноменология-Герменевтика.

Михайлов И.А. 2022. Мифы наших поколений. – *Философские поколения* / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК.

Огурцов А.П. 1998. Подавление философии. – *Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн*. / Под редакцией В.А. Лекторского. Кн. I. 20 – 50-е годы. – М.: РОССПЭН.

ВРЕМЯ ПЕРЕЛОМОВ

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *Речь в статье пойдёт о начале движения инакомыслящих, ростки которого появились ещё в конце Второй мировой войны, и об отличии первых оппозиционных власти групп от диссидентского движения 1960-х годов. Первые группы – это возникшее в 1945 г. студенческое «Братство нищих сибаритов» и группа профессиональных историков Краснопевцева-Ренделя, пытавшиеся теоретически разобраться с происходившими в СССР процессами. В этом смысле интерес представляют повесть Н.Н. Вильямса «Остров ГНИИПИ» и статья Краснопевцева «Основные моменты развития русского революционного движения». Возникшее в Шестидесятые годы диссидентское движение отличалось от первых оппозиционных групп тем, что оно было, по существу, морально-этическим, глубоко личностным, не системно-теоретическим. В этом плане между движением конца 50-х и 60-х гг. XX в. нет преемственности, а потому подводить то и другое под общий термин «диссидентство» кажется ошибочным: хотя и те, и другие были несогласными, они исходили из разных принципов. Это скорее поколенческий разрыв.*

Ключевые слова: *мыследействие, мораль, диссиденты, Николай Николаевич Вильямс, «Остров ГНИИПИ», реферат, Краснопевцев, самодержавие, вождизм, поколенческий разрыв.*

Об оттепели, философии и идеологии

1960-е – это было время переломов сознания, вообще всей жизни.

В эти годы была сделана попытка возрождения философии, хотя в основном и в образе марксистской философии (когда историки и философы, социологи желали заново прочитать и понять Маркса после долгих лет его пребывания в монографиях, статьях и учебниках в виде ленинизма-сталинизма), но эта попытка была прервана: появление активно выражаемого инакомыслия, волнения в некоторых странах народной демократии, завершившиеся «пражской весной» и вторжением в Чехословакию, привели к ликвидации ростков философского самоизъявления, как и ростков правосознания. Но если последнее стало всё-таки проявляться (в одиночку и малыми группами), то первое уничтожалось на корню. Так были ликвидированы сектор методологии истории, возникший в Институте истории РАН, под руководством М.Я. Гефтера, затем сектор теории и методологии Ю.А. Левады в Институте конкретных социологических исследований.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.4556

Шестидесятники – люди разные, все перенесшие и испытавшие. Люди, вернувшиеся с войны и во многом поддерживавшие общий ещё сталинский курс жизни, даже растравлявшие его: в «Литературной газете» были напечатаны статьи и рецензия Гефтера и А.Я. Грунта под псевдонимами Р. Самойлов и А. Громов «против буржуазного объективизма», подоспевшие к началу борьбы с космополитизмом [Неретина 2005]. В более поздние годы стало известно о работе В.С. Библера в СМЕРШе (материалы об этом были опубликованы в Vox. Философский журнал. 2020. № 19). Шестидесятые для многих людей – годы молчания, когда они выступали на довольно-таки широких семинарах, писали для ими провоцированных сборников, но сборники не выходили: одни рубились на стадиях после вёрстки, другие доходили до утверждения Учёным советом, но не утверждались – для них это время-0. С этими людьми происходила та самая перемена ума, о которой говорили древние греки, сопровождавшаяся раскаянием, сожалением, *самоизменением*, что позволило им в конце концов стать моральными авторитетами. Лишь к концу Шестидесятых появились серьёзные работы: Библер совместно с А.С. Арсеньевым и Б.М. Кедровым выпустил книгу «К анализу развивающегося понятия (М.: Наука, 1967), Гефтер и в 1950-х, и в первой половине 1960-х писал о русском империализме и топливном кризисе (темы, сейчас, как никогда актуальные, но сейчас Гефтера нет, а тогда, когда он был, они его уже не слишком интересовали). Только в конце 1960-х позволил себе выразить себя в статьях «Страница из истории марксизма начала XX века» в признанной крамольной книге «Историческая науки и некоторые проблемы современности» (М.: Наука, 1968), эссе о Гамлете, которое он писал для «Нового мира», тогда уже утопающего.

Я, разумеется, пишу о тех, с кем меня столкнула личная судьба. В это же время много и продуктивно работали И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос, которые участвовали в семинарской работе сектора Гефтера, а Пантин был его сотрудником. Но это касалось и многих других историков, философов, историков философии, занятых в основном исследованиями Маркса и Гегеля или искавших религиозных путей. В то время была известна другая философия – М. Хайдеггера (о нем писали и его читали П.П. Гайденко и друг Гефтера А.П. Огурцов), К. Ясперса, французская философия в её экзистенциальном (Ж.-П. Сартр) и структуралистском вариантах, которые в основном были известны по рефератам, издававшимся сперва в ФБОН (Фундаментальной библиотеке общественных наук), а затем, с 1969 г., в ИНИОН (Институте научной информации по общественным наукам). Это было время *рефератов*, открывавших мировую философию. Одним из тех, кто снабжал жаждущую публику рефератами философских книг был В.В. Бибихин: с них началось его «философское дело».

Термин «шестидесятники», на мой взгляд, не выражает сути открывшегося после XX съезда КПСС дела. Этот термин – плагиат, свидетельство неравнодушия и даже любви к прежней раннедемократической и народовольческой мысли, тем более что в Издательстве политической литературы в 1968 г. была открыта серия «Пламенные революционеры», где буквально через три года были выпущены книги лучших опальных писателей – В.П. Аксенова, А.Т. Гладилина, Б.Ш. Окуджавы, Ю.В. Трифонова и пр.

Сейчас – в условиях СВО – происходит наш расчёт с советской властью и с СССР. Цель этой статьи – показать, как философия начала быть востребованной почти сразу после Второй мировой войны – в том числе теми, кто о ней не помышлял, более того, относился настороженно, считая её или никчёмным или опасным делом, а то и тем и другим вместе. Люди 1950–1960-х гг., заинтересованные разобраться в до- и послевоенной жизни, подвергали анализу историю своей страны, небывалой страны СССР, считавшей, что она построила новое социалистическое общество, и сомневавшиеся в этом, выдвигая разные – в том числе курьёзные – объяснительные идеи. Их философские или историко-философские идеи остались невостребованными; забытыми оказались и иные литературные произведения, хотя они дали толчок развитию определённых «иронических» жанров.

Расчёт с СССР производился в том числе через анализ мыследействий, направленных на борьбу с властью, мыследействий, как правило, называемых диссидентскими, история которых исследована мало, хотя собрано – благодаря уничтоженному Мемориалу – множество документов. Философский интерес к их деятельности обусловлен тем, что мысль, если она мысль, всегда нова, и потому человек обречён на противостояние самому себе, другому человеку или обществу, поскольку он политическое и социальное живое существо. Само существование человека мыслящего – мощное основание для оппозиционных действий. Все разговоры о некоей трансляционности развития не имеют под собой философского основания и напоминают грёзы Манилова.

Но мысль обладает и другой способностью, связанной с дифференцией исторического развития: способностью овладевать массами постепенно, «через длительный контакт» разнокультурных социальностей, «когда различные по генезису сообщества живут бок о бок… вырабатывая свою матрицу контактов и навыков» [Петров 2004: 122], образуя то, что называется обычаем – **одним и тем же** и что становится идеологически застойным. И именно это начинает образовывать то, что в позитивном праве называется нормой, закреплённой в УК. Как говорил Библер, если целенаправленно вводить в массовое сознание некую «мощную интегрирующую идею (чем проще, тем лучше), происходит кристаллизация» множества идей в одну [Библер 1990: 271]. В первом случае речь о свободе мысли и т. д., во втором – об идеологии, жёсткой системе стереотипов, умеющей фильтровать и устранять чуждые мысли.

Философия и идеология – обе взращены самой мыслью, самой способностью мыслить, но это не одно и то же. Этим внутренним спором мысли обусловлены положительные и негативные черты любой социальной деятельности. Один и тот же человек и философичен, и идеологичен. Мы плохо представляем себе влияние **идей** на человеческую жизнь, на тот способ (метанойя), каким происходит перелом, и ты становишься другим. Появление людей-одиночек-оппозицинеров не случайно в любые периоды нашей жизни. Удивительно, но ментальная жажда оппозиции заставляла создавать её даже на голом месте (правый блок, левый блок, троцкистско-зиновьевский и пр.). Многие диссидентские группы оказались группами, не будучи таковыми, спровоцированными КГБ (например, группа Револьта Ивановича Пименова[1]). *Диссиденты – это порождение 60-х,* несогласие с прежней идеологией было главным и в философии. Права человека, проблема свободы, что такое человек («родословная альтруизма») – это философские проблемы, практически разворачиваемые вне философии людьми, становившимися философами или изучаемыми, читаемыми и почитаемыми философами.

Сейчас существует даже классификация диссидентских групп: социал-демократы (братья-близнецы Ж.А. и Р.А. Медведевы), либералы (А.Д. Сахаров), почвенники (А.И. Солженицин), правозащитники (С.А. Ковалев, Г.П. Якунин, Л.И. Богораз, Л.М. Алексеева). Концом диссидентского движения некоторые считают начало войны с Афганистаном, но, судя по многим открывающимся делам, в частности делу Л.Б. Тумановой, оно продолжалось до сере-

[1] Математик Пименов единолично занимался анализом действительности, вышел ещё в 1949 г. из ВЛКСМ, назвал доклад Н.С. Хрущева «исповедью политического труса», обсуждал «Не хлебом единым» В.Д. Дудинцева, что вызвало скандал на филологическом факультете тогдашнего ЛГУ. Был подлый разговор с ректором А.Д. Александровым, который как бы не был антисемитом, считая, что с евреями обращаются плохо, но вот незадача: что делать, если они все изменники? Во время венгерских событий Пименов писал письма депутатам Верховного Совета СССР с требованием отозвать войска из Венгрии. Не считать же «кружком» или «группой» то, что они со студентами (прийти мог любой из них) изучали историю? К «как бы не антисемиту Александрову» можно сделать такую ремарку. Н.Н. Вильямс, математик-диссидент, муж Л.М. Алексеевой, о котором речь ниже, писал в «Воспоминаниях»: «У меня был друг, человек необыкновенных дарований, но здорово тронувшийся на национальных проблемах и в итоге усиленных размышлений на этот счёт открывший, что во всём, что есть, повинны евреи. Это и было и сейчас является не такой уж редкостью среди московской образованной публики. В основе такого поведения должно было быть нечто, а по психологии многих тех, кто этим интересовался, это нечто могло быть только нечистотой расы» [Вильямс 1987].

дины 1980-х. К тому же, кажется, можно выделить отдельно группы и аутсайдеров-одиночек, теоретиков и просто свободолюбивых людей. Были диссиденты-отказчики от советской идеологии, шедшие в тюрьмы и лагеря (А.Т. Марченко), национальная оппозиция (В.С. Мейланов), оппозиция религиозная (Д.С. Дудко, А.В. Мень), марксистское-антисталинское направление (Л.В. Карпинский), даже партийное инакомыслие (парторганизация Института истории АН СССР, защищавшая позиции историка А.М. Некрича, что привело к разделу Института надвое). Не говоря уже о профессионалах-гуманитариях и естественниках, которых заставляли уехать из страны (того же Некрича), профессионалах, которых не заставляли уехать, но за которыми постоянно следили, инакомыслящих (в основном все философские группы), желавших работать не по заказу, увольняемых с работы и пр. Как правило, все перемешивались (Туманова начинала как сотрудник профессионального философского кружка Библера, но стала диссидентом-правозащитником – «способом узнала их иным»).

Мы сейчас даже вообразить себе не можем, чем стал XX съезд КПСС и доклад Хрущева для наших судеб, который для многих означал приход в сознание. Но шлюзов он открыл много. Международный фестиваль молодёжи и студентов 1957 г., международный конкурс им. Чайковского, возвращение в музейные залы импрессионистов, самостийное чтение стихов у памятника Маяковскому. В воздухе пахло не грозой, а свободой. В школе спрашивали о репрессиях, об ужасах ГУЛАГа, получая невнятные ответы. Лучший учитель истории всех времён и народов, почётный гражданин города Москвы Леонид Исидорович Мильграм, директор, как считается, лучшей столичной школы, бывший у нас учителем истории, отвечал на наши расспросы невнятно, были, мол, перегибы, но партия все же – наш рулевой. По слухам, очень переживал катастрофу с КПСС.

Многими **именно это время** было воспринято как «Оттепель», случившаяся, однако, чуть раньше, с доклада Н.А. Булганина в 1955 г. о состоянии экономики в СССР, с начавшегося в то время изучения документов не столько Французской Компартии, но – прежде всего – польской и итальянской (большую роль в этом сыграла К.Ф. Мизиано), в которых звучали слова «тирания» и «деспотия». Все это вместе сработало так, что доклад Хрущева на XX съезде (14–25 февраля 1956 г.) был воспринят как разрыв с карательной системой Сталина. Хотя уже и в то время многих насторожил роспуск целых парторганизаций за неправильное якобы освещение событий на XX съезде. Менее, чем через два года (12 декабря 1957 г.) появился документ «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», знаменовавший, как иногда считают, **конец оттепели**, когда на основании этого документа люди отправлялись прямо в лагеря. Существовало подозрение, что это провокация КГБ.

Я хочу рассказать о двух мало и плохо известных группах, возникших одна по ребячеству, другая – вполне сознательно. Но прежде необходимо напомнить, что **на деле** сопротивление сталинщине началось не с XX съезда (он кристаллизировал возникшую необходимость) и даже не с доклада Булганина, а почти сразу после войны. Мы сегодня говорим о шестидесятниках, которые были как бы детьми XX съезда, который дал сделать «глоток свободы», и они его сделали. Но это новое поколение людей стояло на плечах пятидесятников, а то и роковых сороковых, а все вместе они ко всему прочему пережили два советских вторжения в страны, не «сладившие» с социализмом – в Венгрию и Чехословакию. Это неслабый перевал, здесь могло все измениться, хотя изменилось немногое, но подготовка к изменению, прежде всего сознания множества людей самых разных слоёв, началась. О Чехословакии знают все. О событиях в Венгрии забыли или почти забыли, тем более о протестах против советского вмешательства в жизнь этой страны, хотя одним из таких «протестантов» был философ, участник Московского методологического кружка, один из зачинателей вместе с В.Н. Садовским и И.В. Блаубергом системных исследований Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976). Десятилетний срок он получил лишь за предложение на партсобрании высшим партийным органам предоставлять систематическую информацию о своей деятельности – о Венгерских событиях в том числе.

Первые оппозиционеры

Первые послевоенные начинатели протестного движения (иные из них и его завершители) – одиночки, их роль особенно интересна. Ибо они были обличителями, выполнявшими в XX в. своего рода Радищевскую функцию: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы» [Радищев 2006]. Функция эта изначально не была вполне осознанной.

Так, один из первых – Николай Николаевич Вильямс (1926–2006) – внук академика-почвоведа и агронома Василия Робертовича Вильямса, сын профессора-химика Николая Вильямса, бывшего заместителем директора Тимирязевской академии по учебной работе. Сам он после многих мытарств стал преподавателем математики. Мытарства, воспринятые изначально как удивление, начались, однако, с детства, с 3 «Б» класса, куда он поступил в 1936 г., минуя первый класс. «Впечатления от первых дней в нашем 3-м «Б» классе были необыкновенно острыми. Я как-то вошёл в мало известный мне ранее круг, и круг идей, если угодно, и как-то начал становиться в этом кругу своим, и происходило это так быстро, что сравнить это я могу только со своим, не таким уж далёким, будущим попаданием в тюрьму и лагерь. Оказалось, что не только не все живут как мы, а что интересы многих очень разнятся от моих» [Вильямс 1987].

В 1946 г. Вильямс, студент Московского химико-технического института им. Д.И. Менделеева вместе со студентом того же института Владимиром (Леопольдом) Медведским и студентами МГУ Юрием Цизиным, Львом Малкиным и Юрием Гастевым[2] были арестованы за создание в 1945 г. выдуманной ими организации «Братство нищих сибаритов» и создание взрывчатого вещества, названного «*банитом», сила которого была проверена на бюсте Сталина в холле Тимирязевской академии. За «контрреволюционную деятельность» Вильямс получил 7 лет лагерей и 3 года поражения в правах (срок был сокращён впоследствии до 5 и 2 лет соответственно). Уже позже, вынося по преданию мусорное ведро, сочинил куплеты песни «Коммунисты поймали парнишку» (одного из самых ранних произведений Самиздата), впоследствии спетой Борисом Гребенщиковым. Песня пародировала народную песню с народными именами (машинистка-подпольщица Клава), с противопоставлением Ленина парнишке, фамилия которого по одной из версий была Ульянцев, ставила клеймо на интернационализме, с которым некогда связывали СССР (парнишка Володя Ульянцев уехал в результате в Израиль), и на КГБ, главном карающем органе страны, провозгласившей диктатуру пролетариата, который изображался как орган «пролетарских палачей». Государство, созданное во имя рабочих и крестьян, представлено вырожденным в полную свою противоположность. Обсценная лексика и возвышенные характеристики («юный герой»), соседствуя, создают уникально-ироничное, даже пренебрежительное отношение к «экспериментальной» системе социализма. Разумеется, песня написана уже в Шестидесятые, но мысль оттачивалась на бюсте Сталина в холле Тимирязевской академии.

На сайте Вильямса размещены его стихи, повесть «Остров ГНИИПИ», Воспоминания, пьесы (одна из них «Алкоголики с высшим образованием» посвящена Платону, Гиппию и Ерофееву), дышащие неподдельным талантом и желанием их написать.

Вот текст сейчас мало кому известной, а скорее неизвестной песни:

Коммунисты поймали парнишку,
Потащили в своё КГБ.
«Ты скажи нам, кто дал тебе книжку,

[2] О нем и об этом аресте см.: Бирюков 2010.

"Руководство к подпольной борьбе"?
Ты зачем совершал преступленья,
Клеветал на наш ленинский строй?»
«С**** хотел я на вашего Ленина», –
Отвечает им юный герой.
«Пусть мне очередь в лагерь настала.
Лагерей и тюрьмы не боюсь.
Скоро стая акул капитала
Растерзает совейский союз.
И свободного общества образ
Скоро всем нам откроет глаза.
И да здравствует частная собственность!» –
Он, зардевшись, в лицо им сказал.
Парня этого звали Володя
Он вчера попросился в Израиль
(второй авторский вариант окончания:
«Парня звали Ульянцев Володя,
Он сегодня уехал в Израиль»).

Вильямс писал стихи спорадически, не дописал воспоминаний, но создал произведение, которое сам назвал «моделью реальной жизни». Эту модель они с другом начали создавать в последние годы войны, когда им было по 17 лет. Называлось оно «Остров ГНИИПИ», ставший прообразом многих «островов» («Утопии», например, или «Острова Крым») и «зияющих высот». ГНИИПИ – это государственный научно-исследовательский институт полового извращения. Само название – старый аналог современных веяний не только по поводу этих самых извращений, подтверждающий, что новое – хорошо забытое старое, но самого устройства жизни. «Густые леса, бескрайние степи, синие озёра, могучие реки, полезные ископаемые в изобилии представлены на острове. Климатических зон и поясов нет. Летом жара в тени доходит до 1076 градусов по Цельсию, зимой температура достигает минус 933 градуса по той же шкале. Резкие температурные скачки заметно сказываются на психике обывателей. Так, агент государственной службы при минус 242 градусах теряет бдительность, при минус 459 градусах участвует в заговорах, а при минус 909 градусах попросту обращается в ледяной столп <…> Государство строго пресекало все до единого поступки гнииповцев. Гнииповец, повинный в стоянии в подворотне, карался семью годами общения… его можно понимать как высшую меру. Гнииповец, заподозренный в образе мыслей, карался сотней годов общения; уличённые в публичном или приватном исполнении песни "Семь лет не жрал я, братцы" получали двести годов; уличённые в исполнении песни "Сто лет не жрал я, братцы" получали четыреста годов; уличённые в исполнении песни "Всю жисть не жрал я, братцы" получали девятьсот годов, и так далее. Эксперты точно определяли на суде, сколько именно лет не жрал обвиняемый, так что обвинение в крамоле часто сопровождалось обвинением в клевете. Нельзя сказать, чтобы суровые меры против крамолы не давали эффекта. Но почти всегда на улицах громко горланил какой-либо маниак, уведомляя общественность о том, сколько лет он не жрал» [Вильямс 1987].

Главное событие ГНИИПИ – переворот, смысл которого в том, что он «невиданный в истории». Во главе этого «самого гуманного государства в мире» стоял человек по имени Феофан, у которого не было титула, но он считался благодетелем и «отцом родным», общение с его сыном Митькой (самозванцем или природным убийцей) считалось «узаконенной формой наказания». Жизнь в ГНИИПИ называлась зоологической из-за непрестанной борьбы человека с фауной, усиленной «идеологическими распрями». Главным органом внутренних дел была Специальная Уголовная Чрезвычайная Комиссия (СУЧКА), смысл деятельно-

сти которой состоял в том, чтобы «хватать гниповцев». Основанием схватывания был донос. Упоминаются даже требования справок о прививках не против ковида, правда, но против амутры – не исключено, что это тоже нехороший вирус. Государственные же преступники должны были писать программы, пользоваться «последовательностями умозаключений» (шарашки) и понимать, что все беды государства от того, что оно считает себя лучше всех.

Знание политологии, предъявляемое в повести, поразительно.

Совершенно очевидно, что семнадцатилетними гражданами в военное время описывалось вполне определённое государство, о котором мы привыкли говорить, что многое происходящее в нем было неведомо, – такие признания после XX съезда были нередки. В действительности это значит, что происходившее в нем происходило с ведома и согласия множества людей, что доклад на XX съезде был действительно «исповедью политического труса», и требовалась «смена аспекта» в анализе того, что совершалось в СССР.

Можно сказать, что сочинение Вильямса «с приятелем» можно отнести к примитивизму, к простому переназыванию утрированно выписываемой действительности. Но переназывание высвечивает сам предмет – Вильямс называет это «впуклостью». Из современных литераторов лишь В.Г. Сорокин использовал нечто похожее в «Дне опричника», но Сорокина называют постмодернистом, а Вильямс и слова этого в то время не знал, потому что его не было, но оказался на уровне самых ушлых современных филологов, выдумывая для сотрудников кафедр ГНИИПИ фамилии (Жерёбый, Корявый, Жареный, Грудастый, Живодер, Шиш, Чайник, Кровяшкин и пр.), достойные пера известного переводчика Рабле Н.М. Любимова, продумывая метатезы (кинотеатр «Ударник» назван «Урядником», гостиница «Парадиз» «Паразидом»), определения (журналистика как канализация общественного мнения, а назначение канализации – не служить моделью журналистики), анализ речевых функций (бормотание, каковым является выражение «ум, честь, совесть нашей гордо называемой в честь эпохи», блеяние, бессмыслица), описание и оценку методологии как «подстановку значений переменных в конечное число формул», не говоря уже о предвидении возникновения многосерийных фильмов. Анализ способов существования журналистики в «Острове ГНИИПИ» – один из самых точных анализов советских СМИ, где важны «не точность, а бдительность». Ибо это позволяет всякому получающему информацию на её основании мгновенно создавать правильный образ ГНИИПИ.

Стилистика концовки «Острова ГНИИПИ» отличается от стилистики всей первой части: она строже, она представлена как политический памфлет о том, что такое хорошо и что такое плохо в лучшей в мире стране.

Старый приём вербального замещения, плохо воспринимаемый эстетически, взывает, однако, к раскопкам древних корней сложившегося положения дел, к хтонической природе, к тому, что человек, с которым изначально имела дело власть, – сельский житель, вписанный в природу, а не политику. Он поэтому «первобытно безгрешен и природно жесток, наивен и хитёр – это вечный пасынок насилующей его «самость» цивилизации» [Булдаков 2010: 38]. Но анализ психоментальности у нас до сих пор не предусматривается, во всяком случае в философских исследованиях. Поэтому *философский* анализ общества, сходный с анализом Томаса Мора, Е.И. Замятина, А.А. Богданова или Дж. Оруэлла, сделанный математиком Вильямсом с использованием метода художественной аналогии, оказался востребованным неявным – другим, как говорила А.А. Ахматова, – способом, созданием иронической прозы.

Оппозиция профессионалов-историков: группа Краснопевцева

Вторая группа возникла как группа с осознанными целями уже после XX съезда. Это группа профессиональных историков, действовавшая в 1956–1957 гг., выступала не против советской системы, а с желанием её улучшить на основе *ленинизма*. Это была группа, теоретически разрабатывавшая новые основы социалистической жизни и подвергавшая критиче-

скому анализу предшествующее народовольческое и социал-демократическое движение. Никто из ее участников впоследствии не стал диссидентом-правозащитником, хотя всегда готовы были к их моральной поддержке.

Группу Краснопевцева (1930–2021) иногда называют группой Краснопевцева-Ренделя или даже Союзом патриотов, что было, однако, не названием группы, а подписью под листовкой вместо фамилий. Мы, поступившие на истфак через год после её разгона и ареста, о ней не знали, характеристики, данные Краснопевцевым молодёжи (комсомольцам!) этого времени, что она якобы чуралась старых комсомольских норм доносительства[3], с нашими не совпадали (у нас такие дневники даже выкрадывали). О группе в 9 человек (Л.Н. Краснопевцев, Л.А. Рендель, Н.Г. Обушенков, В.Б. Меньшиков, М.А. Чешков, М.С. Гольдман, Н.Н. Покровский, В.М. Козовой, М.И. Семененко – это только те, кто был арестован, были и другие, такие, как Н.Я. Эйдельман, участия которых не удалось доказать) не говорили даже в 1960-е гг. в секторе методологии истории, руководимом Гефтером, хотя в секторе работали или активно в нем участвовали бывшие сотоварищи Краснопевцева, студенты, аспиранты и молодые преподаватели, или ему сочувствовавшие старшие по возрасту преподаватели (Каролина Франческовна Мизиано и Ефим Наумович Городецкий (1907–1993), Глеб Алексеевич Алексеев, который потом, уже в 1990-е хотел написать о них книгу, подал заявку в РГНФ, но заявка не была поддержана. Именно Глеб Алексеевич передал нам с А.П. Огурцовым статью одного из участников группы Ренделя (1925–1989) «Сталин против Энгельса», и мы опубликовали её в 1993 г. в сборнике «Наука и тоталитарная власть» [Рендель 1993]. Всплывали только имена Н.Н. Покровского и Н.Я. Эйдельмана.

Почему об этой группе не было услышано? Во-первых, группа была подпольной. Идея подпольного общения витала в воздухе, видимо, как наследие революции и пропаганда революционного образца жизни, но как долго она держится! *То есть как долго длится угроза тюрем и лагерей!* Во-вторых, в группе были претензии на роль лидеров массового народного движения, была болезнь вождизма, нетерпимости, которая сыграла трагическую роль в развале группы уже в лагере. Следствие и наказание оказались в этом бессильны. Но унаследованная от ленинизма родовая болезнь развела всех друг от друга в разные стороны на всю оставшуюся жизнь. А в Шестидесятые это было уже неприемлемо. В-третьих, и это главное, история и философия – несмотря на то, что обе испытали репрессии начиная с революции, – оказались в бóльшем идеологическом плену, чем свободные художники (хотя это было свойственно и им, см. хотя бы стихи Р. Рождественского или первые «комсомольские» повести Василия Аксенова). Ясно, что свободные художники эти были надменны – они учились выстаивать и противостоять. Могу сказать, что и мы, тогда молодые люди, узнавая про эти эксцессы, происходившие на глазах (восстание 1956 г. в Венгрии и волнения в Польше, похоронившие миф о единстве соцлагеря) и негативно относившиеся к насилию над ними, также были надменны и своего рода «подпольны». Иные были, по словам одного участника группы Краснопевцева, поэта В.М. Козового, тогда студента, «остервенелы» [Козовой 1992].

Ни о какой свободе мысли и слова речи не было, но было желание свободно мыслить и говорить, для чего вырабатывался особый жаргон и жестикуляция.

Создание группы определялось четырьмя факторами: 1) «ужасной действительностью» тех лет, 2) истфаковской школой объективного анализа исторических событий, 3) этическим фактором, 4) попыткой определения своеобразного пути России [см., например, Дело молодых историков… 2010: 405].

Лев Николаевич Краснопевцев, в 1952 г. окончивший исторический факультет, был аспирантом, секретарем комитета комсомола, когда организовал подпольный марксистский

[3] На историческом факультете «в самые тяжёлые времена, – говорил он, – никого не выдавали на расправу, защищали и отстаивали даже тех, кто осмеливался поддержать "профессора-космополита" или неосторожно оставлял в общежитии свой дневник с "клеветническими" записями» [Дело молодых историков… 2010: 381–382].

кружок (1956–1957), хотя из свидетельств Козового и Гольдмана [Гольдман 1997] следовало, что эта подпольность была в некотором смысле опереточной. Но иным кружок и не мог быть: *ведь речь о марксизме!* И все же они начали свою *подпольную* деятельность с разбрасывания 300 экземпляров антихрущевской листовки, смысл которой даже не в требовании восстановления нормальной человеческой жизни, а в том, чтобы *прервать старую идею реформирования сверху – не сверху уничтожать «военный коммунизм», как они называли строй Пятидесятых годов XX в., а новыми силами снизу, силами общества.* После разбрасывания листовок и были произведены аресты. *Не во время обсуждения платформы сопротивления, выраженной в статье Краснопевцева «*Основные моменты развития русского революционного движения», а именно после совершенного *действия.*

Написано об этой группе немного. Наиболее информативно (из первых рук) запись круглого стола в ж. «Вопросы истории», перепечатанного в книге «Подвластная наука?», а ещё раньше мы в сборнике «Наука и тоталитарная власть» опубликовали статью Ренделя «Сталин против Энгельса»[4].

На деле сопротивление этих друзей сталинщине началось почти сразу после войны. А уже в 1951 г. Краснопевцев «в ходе работы над дипломом о крестьянском движении в России в 1917 г. … впервые разошёлся с большевизмом в оценке партий российской демократии и их исторических заслуг в борьбе с самодержавием и за прогресс страны. Реальный исторический материал опрокидывал ленинские оценки и образы врагов. Исторический мир расширялся, в нем, кроме Ленина, очень впечатляюще действовали на равных и Милюков, и Чернов, и Плеханов, и Керенский, и сотни других» [Дело молодых историков… 2010: 383]. Переходу «за роковую черту» способствовали работы Сталина по языкознанию и экономике социализма. «Грубые и примитивные рассуждения Сталина о базисе и надстройке в его работе "Марксизм и вопросы языкознания"» вызывали недоумение и «приводили к выводу о ненаучности самой постановки вопроса о первичном и вторичном в природе и человеческом обществе» [Там же: 384].

А «брошюра Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР", можно сказать, втолкнула» членов группы «в центральную проблематику марксизма-ленинизма. Невиданные даже в нашей литературе того времени упражнения Сталина на тему товара и стоимости вызывали одновременно и смех своим уровнем, и ужас перед первобытным насилием над экономикой» [Там же]. Тогда и пришел черёд обращаться за разъяснениями к Марксу и Ленину, с одной стороны, и Адаму Смиту – с другой. «Через некоторое время рухнуло все воздвигнутое Марксом сооружение, в котором под именем социализма соединялись товар и стоимость с диктатурой пролетариата, насильственно экспроприирующей… эту стоимость во всех видах вплоть до стоимости рабочей силы самого пролетариата» [Там же]. Сначала – это видно и по воспоминаниям Гефтера – такую работу проделывали единолично, затем стали советоваться с друзьями, создавалась своя творческая лаборатория, постепенно расширявшаяся за счёт новых участников.

Считается, что 1957 г. – 1962 г. – период, открывший литературные шлюзы. Считается также, что по-настоящему испытывать свободу стали не философы, а писатели, художники и киношники. Но этот же период стал временем закрытия историко-философской мысли отдельно взятых мыслителей и политических деятелей, готовившихся принять свою судьбу, как принял её венгр Имре Надь, отчего и возникло впечатление о примате свободы у литераторов. Этот период, с историко-политической точки зрения, был двусмысленным: одной рукой нечто открывалось, другой практически и надолго закрывалось в прямом смысле слова: химики и математики, историки – студенты, аспиранты и молодые преподаватели *подвергались арестам*: листовки и протоколы допросов позволили узнать, что именно заключалось

[4] На круглом столе присутствовали Краснопевцев, Обушенков, Меньшиков, Чешков, Гольдман. Покровский прислал письменное выступление, Рендель к тому времени скончался, отсутствовали Семененко и Козовой, который, судя по его интервью [Козовой 1992], не желал подробно рассказывать о своих бывших друзьях.

в записях, которые велись гораздо раньше свершившихся дел. Из записей узнавалось, какими были внутренние разногласия, например, в группе Краснопевцева, настолько сильные, что, выйдя на свободу, не все поддерживали друг с другом связи[5]. Какие обсуждались серьёзнейшие вещи, не потерявшие остроты и по сей день: тезисы о вредности тотального огосударствления экономики и культуры, о необходимости создания самодействующих экономических механизмов и реального самоуправления, об осуждении нечаевщины XIX–XX вв. и проч. Освободили Краснопевцева в 1968 г., когда ушла в небытие оттепель и началась другая жизнь.

Смысл этого первого этапа послевоенного аутсайдерства заключался в том, что не произошло формального разрыва с марксизмом, но выявилось твёрдое неприятие многих понятий, например, общенародной собственности, теория которой, как считали историки, имеет только политический (классовый) смысл. Сейчас это – ликбез, но тогда это было открытием. Но представление, что «у хозяйства, в котором занят хотя бы один миллион населения, не может быть один хозяин: это хозяйство будет разворовано, и один хозяин это воровство не сумеет остановить» [Дело молодых историков… 2010: 386] – это не ликбез, а фиксация неизбежности коррупции.

Полного противопоставления системе у группы историков, в отличие от Вильямса, однако, не было. Область марксистко-ленинской догматики была сильно охраняемой крепостью, когда любые попытки самостоятельного подхода автоматически выбрасывали человека из науки и общественной жизни.

Что лично меня привлекло в этой работе? 1) Краснопервцев выделил два вида самодержавия, прокладывавших единый путь развития России: «белое дворянское самодержавие Романовых и растущее и крепнущее… красное самодержавие Нечаева – Желябова – Ленина» [Там же: 391]. Речь именно о противостоянии *самодержавий*. Они вместе вели «многолетнюю согласованную борьбу, борьбу этого союза, против либерально-демократических сил России и обеспечили в благоприятной обстановке военных разрушений экономики и государства казавшийся невероятным переход власти от Николая Романова к Николаю Ленину за восемь месяцев 1917 года». Заменили «одно насилие над экономической и социальной жизнью России другим, гораздо более тяжёлым» [Там же]. 2) «В России все революционные партии и идеологии – это синтез пугачёвщины и разинщины с Евангелием. От Разина – тактика и стратегия, отношение к другим партиям и классам. От Евангелия – внутрипартийный режим, послушание низов социал-демократическому мессии – Ленину» [Там же: 392]. Заметим, это сказано комсомольским деятелем, не читавшим в то время ни Н.А. Бердяева, ни С.Н. Булгакова, т. е. задолго до их переиздания в 1990-е годы. Трактовка большевизма как главного союзника и преемника российского самодержавия исключала его разделение на ленинизм и сталинизм, требовала полного отказа от того и другого. И 3) фиксация *разрыва* не между разными классами, а между «верхом», к которому относилась и вся номенклатура, и «низами» – интеллигенцией, рабочими и пр. Эти мысли весьма отличаются от магистрального объяснительного пути русской революции, ведущегося от Просвещения и французской революции.

Чем, однако, отличается история 1950-х от будущего диссидентства, гораздо более широкого как движение (1962–1985)? В группе Краснопевцева приоритет отдавался науке, ибо наука давала глубину понимания ситуации, а возбудители протеста, как считалось, были вокруг: экономика, идеология, политика, юриспруденция. Проблемы, возникающие в обществе, могли решаться не порознь (это было бы лишь латанием дыр), а совокупно. Научный подход к общественному изменению резко отделяет, по существу, конец 50-х – начало 60-х годов от последующего периода – движения диссидентов. Этим и был, в частности, – но

[5] Как писала в письме к уже упомянутому Револьту Пименову Ирэна Вербловская: «Смотреть с перспективы веков и тысячелетий на свою судьбу с её превратностями можно, но с какой перспективы смотреть на бесчисленные досадные повседневные мелочи?!» [Пименов 1996: 112].

в какой частности! – обусловлен меньший размах сильного выступления большой группы Краснопевцева. И это же объясняет отсутствие преемственности между двумя десятилетиями движения несогласных. Краснопевцев называл диссидентское движение болезнью века. Поколение Шестидесятых пошло по другому пути, их деятельность была вызвана иными делами – не общетеоретическим анализом революции и социализма, а частным произволом: судами над литераторами, запретом публикаций за границей, унижением личного достоинства. Это было, по существу, морально-этическое, глубоко личностное движение, путь правозащитников. «Жить не по лжи» – вот его суть, путь не менее трудный, хотя есть смысл и в другом его обозначении – как более лёгкий (этот момент нуждается в продумывании, потому что, как показала практика – прежде в лице Репетилова, а недавно в лице президента Б.Н. Ельцина: можно говорить, что хочешь, или *шуметь*, только не *делать*). Это иной путь – не системный, личностный. Именно в этом плане нет преемственности между движением конца 50-х и последующим, а поэтому подводить то и другое под общий термин «диссидентство» мне кажется ошибочным: хотя и те, и другие были несогласными, они исходили из разных принципов. Это скорее поколенческий разрыв.

Бирюков Б.В. 2010. *Трудные времена философии. Юрий Алексеевич Гастев: философско-логические работы и диссидентская деятельность*. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 160 с.

Булдаков В.П. 2010. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с.

Вильямс Н.Н. 1987. *Воспоминания*. – Доступно: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjAlOrNzeL8AhWJVPEDHeHHAK0QFnoECBUQAQ&url=http%3A%2F%2Fnikolaywilliams.com%2Findex.php%2Fmemories&usg=AOvVaw3HnJgYV_pk7b-8T4lP7jfG. – Проверено: 25.01.2023.

Гольдман М.С. 1997. «Не этому меня десять лет в комсомоле учили…» – Интервью вёл С. Романов. – *Карта*. – № 17–18 – С. 56–57. – Доступно: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjTl5ayq-X8AhVwkIsKHU2VC58QFnoECB4QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.sakharov-center.ru%2Fasfcd%2Fauth%2F%3Ft%3Dpage%26num%3D10598&usg=AOvVaw3BxLpH_R39C1oVqoEKsrwa. – Проверено: 25.01.2023.

Дело молодых историков… 2010. Дело молодых историков (1957–1958 г.). – *Подвластная наука? Наука и советская власть*. – М.: Голос. – 815 с.

Козовой В.М. 1992. *Интервью с В.М. Козовым*. – Доступно: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjqsd3dwOX8AhXI-yoKHZcDBdA4ChAWegQIFBAB&url=https%3A%2F%2Farch2.iofe.center%2Fperson%2F18834&usg=AOvVaw0EtrlIzASOC4Caqj6qHy7G. – Проверено: 25.01.2023.

Неретина С.С. 2005. *Точки на зрении*. – СПб.: РХГИ.

Петров М.К. 2004. *Язык, знак, культура*. – М.: УРСС.

Пименов Р.И. 1996. *Воспоминания: В 2-х т.* Т. 2. – М.: Панорама. – Доступно: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjrgsid47P8AhVxlYsKHdsoCVIQFnoECBgQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.sakharov-center.ru%2Fasfcd%2Fauth%2F%3Ft%3Dpage%26num%3D9651&usg=AOvVaw3NKX6ZSRvGCruT84c54JgX. – Проверено: 25.01.2023.

Радищев А.Н. 2006. *Путешествие из Петербурга в Москву*. – https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiEh721qOL8AhUHp4sKHaVxDAo4MhAWegQIBxAB&url=https%3A%2F%2Fflibusta.org.ua%2Fb%2F149528&usg=AOvVaw3FKzf-s8CPLWWLchTx2ox2. – Проверено 25.01.2023.

Рендель Л.А. 1993. Сталин против Энгельса. – *Философские исследования. Наука и тоталитарная власть*. – № 4.

Vox. Философский журнал. – 2020. – № 19.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ДИСПОЗИТИВЫ ФИЛОСОФОВ-ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ (ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ)

В.М. Розин
Институт философии РАН

Аннотация: *Если теория деятельности сложилась под влиянием марксистских идей и психологии, то феноменология – экзистенциализма и теории сознания. Сравнивается эволюция взглядов Г.П. Щедровицкого и М. Фуко, выбравших марксизм и построивших, первый, теорию деятельности и методологию, второй – учение, включающее в себя анализ дискурсов, институтов и власти. Но если Щедровицкий всю жизнь боролся с психологизмом и субъективизмом, то Фуко в конце концов преодолевает марксистское влияние и возвращается к изучению личности, намечая в последний период жизни основные идеи философии субъективности. Хотя феноменологи полемизируют с методологией, отрицая последнюю, автор утверждает, что феноменология тоже является определенным направлением методологии, но принципиально отличным от «панметодологии» Щедровицкого.*

Ключевые слова: *деятельность, сознание, методология, феноменология, мышление, действие, исследование, формирование, субъективность, личность.*

Одна из важных тенденций трансформации отечественного философского мышления – формирование на основе марксизма концепций деятельности (в психологии и самой философии) и несколько позднее, отчасти как реакция на эти концепции, феноменологии. Многие известные философы 60-х годов и последующих лет испытали на себе влияние этих двух направлений, правда, это влияние лучше видно из современности. Различие указанных двух подходов и диспозитивов будет рассмотрено на примерах взглядов Г.П. Щедровицкого, по сути, его оппонентов Мераба Мамардашвили и Владимира Бибихина, а также шестидесятника Мишеля Фуко. При этом автор будет стараться реализовать гуманитарный подход, одна из особенностей которого, по выражению Михаила Бахтина, возможность предоставить голос тому, кого исследуют. Не один дух, а два – изучаемый и изучающий, взаимодействие духов, – писал Бахтин [Бахтин 1979: 349]. Предоставление голоса означает, на первый взгляд, избыточное цитирование интересующих нас философов, но в данном случае – это просто метод.

Мераб Мамардашвили как и большинство других советских философов шел от марксизма, но, как известно, в отличие от них пришел к феноменологии. Его перипетии творче-

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.5764

ской судьбы можно сравнить с теми, которые претерпел Фуко. Последний в молодости выбирал из двух разных философских направлений – марксизма и экзистенциализма с феноменологией. Выбрал марксизм, но не в варианте ранней концепции отчуждения, а в варианте марксизма, переосмысленного Фуко на основе семиотики (книга «Слова и вещи») и социологии (отсюда позднее интерес к институтам и власти). Семиотику и социологию Фуко понимал расширительно, философски, и в этом плане нетрадиционно.

«Вот здесь, – пишет С. Табачникова, – мы подходим, быть может, к сути той трансформации, которую претерпела мысль Фуко на рубеже 50-60-х годов: начиная с Истории безумия он не просто отказывается от того, чтобы ставить вопрос о "человеке" и о "субъективности" в экзистенциально-феноменологических или в марксистских терминах, – он вообще перестаёт мыслить в терминах субъективности, тем более – искать её "секреты", где бы то ни было и в чем бы то ни было. Фуко уходит от экзистенциалистской онтологии "изначального присутствия", "присутствия-в-мире", как уходит он и от марксистской онтологии "отчуждения", оставляя прежние темы разве что в качестве мишеней для нападок. Уходит, казалось бы, радикально и решительно. Не для того, однако, чтобы перейти к какой бы то ни было другой, но стоящей в том же ряду, форме мысли о человеке. Задача построения "антропологии конкретного человека" оборачивается особого рода историческим анализом и критикой самих мыслительных и культурных предпосылок, в рамках которых только и мог возникнуть такой проект, – критикой, которая, по сути дела, ищет возможность для самой мысли быть другой» [Табачникова 1996: 423]. Формы рациональности, пишет сам Фуко, «зиждятся на фундаменте человеческой практики и человеческой истории, и, поскольку вещи эти были сделаны, они могут – если знать, как они были сделаны, – быть и переделаны <…> вопрос о субъекте можно рассматривать также и более практическим образом: отправляясь от изучения институтов, которые сделали из отдельных субъектов объекты знания и подчинения, то есть – через изучение лечебниц, тюрем» [цит. по Табачникова 1996: 441, 430].

Однако последний этап творческих поисков Фуко – возвращение к исследованию сознания и активности личности, вылившееся в концепцию «epimeleia/cura sui» («заботы о себе»)». «Забота о себе, – разъясняет Фуко, – предполагает своего рода наблюдение, что ты думаешь и что происходит внутри твоей мысли… epimeleia также всегда означает определённый образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе, а именно, действие, которым он проявляет заботу о самом себе, изменяет, очищает, преобразует (transforme) и преображает (transfigure) себя… <…> Познать самого себя, познать божественное начало, узнать его в себе, это, я полагаю, является основополагающим в платоновской и неоплатоновской форме "заботы о себе"» [Фуко 1991: 285, 292–293]. Как мы видим концепция epimeleia сохраняет марксистский пафос преобразования, хотя он теперь относится к субъекту.

И учитель автора, Г.П. Щедровицкий из двух направлений (марксизма и психологии) без колебаний выбрал марксизм, что позднее объясняет его яростное отрицание личности. «Главное – что есть мышление, а на чем оно реализуется – неважно… надо понять, что мир людей, или люди как таковые с их психологией, есть вторичный мир, реализация мира мышления и деятельности, и если мы хотим закономерно все это понять и представить, мы должны рассматривать мир мышления и деятельности, а не мир людей, поскольку люди есть случайные эпифеномены мира мышления и деятельности… Итак, основная проблема, которая встала тогда, в 50-е годы… так где же существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы, движущаяся по законам этой массы? Это одна форма этого вопроса. Другая – творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жестко: конечно, не индивиду, а функциональному месту! <…> Утверждается простая вещь: есть некоторая культура, совокупность знаний, которые транслируются из поколения в поколение, а потом рождается – ортогонально ко всему этому – человек,

и либо его соединят с этим самым духом, сделают дух доступным, либо не соединят <…> Тем самым был преодолён психологизм, или натурализм. И это, говорю я, опять-таки важнейшая оппозиция, решающая, с моей точки зрения, судьбы XX века и следующих двух-трёх столетий, поскольку трактовка мышления как эманации человека и человеческого сознания есть, по моему глубокому убеждению, величайшее заблуждение европейской истории. И это то, что сегодня делает нас идиотами и мешает нашему развитию» [Щедровицкий 1997: 56–57].

И это при том, что сам Щедровицкий был яркой личностью и в приватном интервью, данном Николаю Щукину, не отрицал этого. Для личности, как я показываю, характерно самостоятельное поведение, обусловленное тем, что она выстраивает собственное, часто не совпадающее с общепринятым, представлением о мире и о себе в нем. Щедровицкий пишет, что его представление о мире сформировалось во многом при чтение исторической литературы. «Итак, – вспоминает Щедровицкий, рассказывая о своём становлении, – действительность моего мышления была задана и определена чтением большого количества книг… там в действительности мышления, существовало моё представление о себе и о своей личности… моя личность мною представлялась не в реальности ситуаций, в которых я на самом деле жил – двора, семьи, класса, школы, спортивной школы, непосредственных товарищей, а в действительности истории. Вот там и должна была помещаться, наверное, моя личность; там я, наверное, представлял её себе каким-то образом, ну, может быть, не её, но, во всяком случае, то, что должно быть сделано и совершено мною…для себя, в своих собственных проектах, устремлениях, ориентациях, я существовал только там, и только тот мир, мир человеческой истории, был для меня не просто действительным, а реальным миром, точнее, миром, в котором надо было реализовываться» [Щедровицкий 2001: 146, 148].

Но к феноменологии Щедровицкий не вышел, он её отрицал, как и личность. Реализация ценностей марксизма вылилась у Щедровицкого в построение теории деятельности и методологии. Стоит сначала развести два понятия деятельности: деятельность отдельного индивида, по содержанию близкое к понятию «действие», и деятельность как марксистский проект. Речь пойдёт главным образом о втором понятии. «Мы полагаем, – пишет В.В. Давыдов, – что именно понятие деятельности может быть той исходной абстракцией, конкретизация которой позволит создать общую теорию развития общественного бытия людей и различные частные теории его отдельных сфер. На этом пути стоят большие препятствия, одно из которых как раз и связано с трудностями дальнейшей разработки философско-логического понимания деятельности» [Давыдов 1996: 14].

Для марксистского понимания деятельности были важны следующие три момента. Деятельность задавалась как такая реальность, которая позволяла объяснить развитие и преобразование в логике законов социальной природы. В неё, по сути, встраивалась управляющая инстанция – деятельность это то, что управляет и чем управляют. Эти моменты мыслились в единстве. Третий момент, деятельность понималась как «предельная онтология». Спрашивается, как это понимать: деятельность как активность и преобразование (здесь смысл, близкий к смыслу понятия действие) и деятельность как социальность, развитие, управление и онтология? Вроде бы эти характеристики разные. Действительно, сейчас понять это трудно, но нужно учесть, что философы того времени мыслили диалектически, стремясь охватить мыслью самые разные явления, чтобы взять их в единстве.

Понимая мышление как деятельность, и считая, что сущность деятельности заключается в преобразовании социальной действительности, Щедровицкий однажды в полемике с автором разъяснял: «И вот тут вроде бы многие из вас должны воскликнуть: – Да, идите вы вообще подальше! Хватит нам тех, которые переделывают мир… Я понимаю этот тезис, с одной стороны, поскольку действительно очень противно. Но – с другой стороны, уважаемые коллеги, нельзя не переделывать мир. Маркс был прав. Как бы вы не относились к тому, что сейчас происходит, и к тому, что было в предыдущие десятилетия, этот принцип по передел-

ке мира остаётся одним из фундаментальных положений европейской культуры вообще, философии и методологии – в частности. И уж во всяком случае, я должен говорить искренне и откровенно: мы исповедовали этот принцип и полагали, что люди должны переделывать мир, изменять его. И вся наша жизнь проходила как жизнь по переделки мира… Да, и если вы теперь набрались окаянства и ставите своей индивидуальной целью и задачей развитие или трансформацию (изменение) мышления, то вам нужна искусственно-техническая картина мышления. Чтобы иметь возможность менять мышление, строить новые формы и создавать новые содержания…» [Щедровицкий 2004: 65, 103].

А вот как Щедровицкий в начале 70-х поясняет, для чего нужно выделение деятельности: «Мы наблюдаем массу разных вещей и хотим, следуя идеалам и эталонам естественнонаучного мышления, найти некоторые законы, управляющие жизнью этих вещей» [Щедровицкий 2005: 39]. В тот период он считал, что ничего кроме деятельности не существует. На лекциях в 70-х один из участников задаёт вопрос: «А за пределы деятельности вырываться нельзя ?» На что Г. Щедровицкий отвечает: «нельзя и не надо. Надо только развивать деятельность, поднимаясь по ступенькам вверх и вверх. Конечно, мы не получаем объекта, всегда только знание, но ведь объект нам и не нужен… Из этого вы никуда не сможете выскочить. Сама попытка выйти за пределы деятельности – нонсенс» [Щедровицкий 2005: 64, 71].

Личности в так понимаемой деятельности, конечно, место не оставалось, поскольку личность предполагает не деиндивидуальную реальность, а приватную, уникальную. Например, В.С. Библер, опираясь на средневековый материал, определяет личность следующим образом. «Сопряжение Простеца и Схоласта (с включением Мастера как медиатора этих полюсов) есть решающее – для идеи личности – несовпадение индивида с самим собой в контексте средневековой культуры. – То несовпадение и та возможность самоотстранения и самоостранения, что позволяет индивиду этой эпохи вырываться за пределы внешней социальной и идеологической детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т. е. жить в горизонте личности. То есть быть индивидом, а не социальной ролью. Здесь необходимое взаимоопределение между регулятивной идеей личности (в реальной жизни – средневековой, античной или нововременной – личность всегда только регулятивна и никогда не налична) и актуальным бытием индивида. Нет индивида в н е идеи личности; нет личностного горизонта в н е самообособления индивида (вне одиночества)» [Библер 1990: 122].

Я бы обратил внимание на такие моменты: «быть индивидом, а не социальной ролью», «несовпадение индивида с самим собой», «вырываться за пределы внешней социальной и идеологической детерминации», «самодетерминировать свою судьбу», наконец, «нет личностного горизонта вне одиночества». Да, это характеристики личности, конечно, не «массовой» (есть и такая: Розин 2012: 130–131), а «уникальной», но не подобный ли уникальный индивид задаёт идеал личности?

Исключалась в марксистском проекте деятельности и позиция «от сознания» индивида, характерная для феноменологии. Феноменология складывалась как реакция на традиционное философское мировоззрение, идущее от Парменида, Платона и Аристотеля, в новое время от Декарта, Канта, Гегеля и Шеллинга, традиция, настаивающая на единственности реальности как сущности (правда, эта сущность истолковывалась по-разному), на единственности её научного описания (реально тоже очень разного у разных философов). Феноменологи, начиная с Гуссерля, идут не от внеположенной человеку сущности (реальности), а от его сознания, видения и переживания, от событий, которые человек переживает. Они заинтересованы не в поддержании сложившихся способов описания мира, а в создании интеллектуальных и индивидуальных условий для построения новых способов и форм познания действительности, для постоянного изменения и развития мышления.

«Способ рассмотрения этого вопроса (о смысле бытия. – В.Р.), – пишет М. Хайдеггер, – является феноменологическим. Тем самым это исследование не предполагает ни определённой "точки зрения", ни определённого "направления", потому что феноменология не есть

и не может стать ни тем, ни другим, пока она понимается правильно <…> [Heidegger 1960]. Всякое сущностное мышление требует, чтобы мысль и положения каждый раз заново как металл выплавлялись из основонастроения. Если основонастроение отсутствует, то все есть лишь принуждённый звон понятий и словесных оболочек<…> Мышление бытия как событие – это изначальное мышление, которое как размежевание с первым началом готовит начало другое<…> Событие: надёжный свет осуществления бытия в самом крайнем горизонте внутренней нужды исторического человека» [Heidegger 1960: 27].

«Сущее, уверяет метафизика, – поясняет в одной из последних статей В. Бибихин, – существует, т. е. оно некоторым образом готово. Наоборот, Бытие всегда только осуществляется. Оно сбывается в событии, которое всегда мгновенно, и вспыхивая, создаёт места, Stätte, где проходит и снова ускользает Бог. Если ищут просвета тайны не чтобы разоблачить, а чтобы открыть её таинственность, то возможна ли опора на сущее?… События не устроишь мыслью, или, вернее, так: мысль вся, начиная с её собственной возможности, отдала ответственность за себя безопорному посредине» [Бибихин 2009: 110–111].

Конечно, сторонников теории деятельности среди философов-шестидесятников было на порядок больше чем сторонников феноменологического подхода и мышления. Соответственно больше было и жизненных решений, основанных на первом мировоззрении. Сравним для примера, каким образом формулировали смысл жизни Щедровицкий и Мамардашвили. Первый видел его в восстановлении российской интеллигенции и создании своеобразного ордена методологов, которые обеспечат правильное развитие России. Второй – в таком понимании себя и жизни, которое позволит пройти в реальность духовного спасения (вероятно, своё для каждой отдельной личности).

«Именно тогда, в 1952 году, – вспоминает Щедровицкий, – я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того чтобы Россия могла занять своё место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России… Я, действительно, до сих пор себя мыслю идеологом интеллигенции, идеологом, если можно так сказать, собственно культурной, культурологической, культуротехнической работы… Интеллигент обязан оставаться мыслителем: в этом его социокультурное назначение, его обязанность в обществе» [Щедровицкий 2001: 288, 302, 303]. «Самое главное в тексте Пруста, – размышляет Мамардашвили, – наглядно виден путь человека. А "путь", по определению, если брать это слово с большой буквы, это путь, по которому человек выходит из какой-то темноты: из темноты своей жизни, из темноты впечатлений, из темноты существующих обычаев, из темноты существующего социального строя, из темноты существующей культуры, своего "Я", её носителя, и должен пойти куда-то, куда светит указующая стрелка его уникального личного опыта… И вся жизнь в каком-то смысле состоит в том, способен ли человек раскрутить до конца то, что с ним на самом деле случилось, что он на самом деле испытывает и что за история вырастает из его предназначения» [Мамардашвили 1995: 155, 156].

«Предназначение человека, – разъясняет Мераб, – состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье – это символ, поскольку в этой сложной фразе я ввёл в определение человеческого предназначения метафизический оттенок, то есть какое-то сверхопытное представление, в данном случае Бога. Но на самом деле я говорю о простой вещи. А именно: человек не создан природой и эволюцией. Человек создаётся. Непрерывно, снова и снова создаётся. Создаётся в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта его непрерывная создаваемость и задана для него в зеркальном отражении самого себя символом "образ и подобие Божье". То есть человек есть существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [Мамардашвили 1995: 58, 59].

Особенностью деятельностного подхода Г.П. Щедровицкого является его дополнение методологическим подходом. Перейдя к построению в 60-х годах теории деятельности, Щед-

ровицкий с представителями ММК (Московского методологического кружка) позиционировали себя в философии именно как методологи. И это не случайно, вариант методологии, которые они создавали, тоже представлял собой проект, близкий к марксистскому. Конечно, он не предполагал построение социализма и отмену частной собственности, но тем не менее основывался на марксистских основоположениях – требовании рациональной организации труда и управления, социальной справедливости, понимаемой в духе социалистических идеалов, идеи развития, установки на такой тип социального действия, который должен обеспечить это развитие, по сути, игнорирование (в силу убеждений и плохого знания) реакции на это действие общества, культуры и исторических традиций. В технологическом отношении методология в ММК понималась как, с одной стороны, нормирование мышления и деятельности, с другой – как их программирование и проектирование.

Выступая от имени феноменологии, В. Бибихин в книге «Витгенштейн: смена аспекта» полемизирует с Щедровицким, утверждая, что для мышления и получения знаний не требуется методологического руководства в форме норм или проектов (программ), поскольку мышление и знание тавтологичны и обусловлены предметно. В самом языке и его построениях (фразах), утверждает Бибихин вслед за Витгенштейном, уже заключена логика, она не направляющие и рельсы, по которым мы сознательно катим свою мысль, а имманентное, бессознательное свойство нашего языка и речевого выражения.

Что, спрашивает Бибихин, даёт нам методологический анализ некоторой фразы, например, логического умозаключения? «У нас, – отвечает Бибихин, – будет, возможно, чувство удовлетворения от опознания и успешного распределения знаков (мы знаем, что такое функция, что такое импликация, что такое истинность). Возможно, мы расширим схему, внутри которой ведём распределение, до сферы деятельности, для полноты картины – мыслеречедеятельности, и подключим её к общей методологии. У нас попутно появятся соображения и возражения, мы начнём про себя или открыто спорить. Мы втянемся в работу, которой всегда занимались профессионально и называли её философией. Что если этого не делать? Что если помедлить на черте перед организационно-деятельной игрой. Изменим зрение, посмотрим другими глазами. Фраза не сообщает ничего такого, что толкало бы нас к какой бы то ни было деятельности: она тавтология. Можно пойти сложным путём, чтобы увидеть в ней тавтологию: вспомнить, что до записывания и прочтения знаков мы уже условились об их семантике и записью фразы только развернули, повторили то, что сами уже вложили в семантику следования. Семантическая истинность и тавтология равнозначные понятия» [Бибихин 2005: 42–43].

Как можно понять эту полемику, кто прав – Бибихин или Щедровицкий? С одной стороны, вроде бы прав Щедровицкий, ведь начиная с Парменида, интеллектуальная деятельность (рассуждения, доказательства, решения задач, построение теории, обоснование и прочее) предполагает руководство (широко понимаемое нормирование), сначала в форме определений, потом аристотелевских правил и категорий (логики), потом методов Декарта, наконец, методологии.

Но есть руководство и руководство. Одно дело, когда Декарт формулирует конкретные правила «хорошего ума», здесь речь идёт о тоже вполне конкретных новых способах мышления в математике и физике. «Под методом же, – пишет он, – я разумею точные и простые правила, строгое соблюдение которых всегда препятствует принятию ложного за истинное, и, без излишней траты умственных сил, но постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно… Весь метод состоит в порядке и размещении того, на что должно быть направлено острие ума в целях открытия какой-либо истины… ибо метод является для этих незначительных искусств не чем иным, как постоянным соблюдением порядка, присущего им самим по себе или введённого в них остроумной изобретательностью» [Декарт 1950: 89, 95].

Другое дело, когда Декарт утверждает, что «почти никто не помышляет о хорошем уме (bona mens) или об этой всеобъемлющей мудрости, между тем как все другие занятия ценны не столько сами по себе, сколько потому, что они оказывают ей некоторые услуги…» [Декарт 1950: 80]. В этом случае он обобщает понятие «хороший ум» на любой вид мышления, на любую науку. Что вряд ли правильно. Мои исследования показывают, что Щедровицкий всегда мыслил, обобщая понятие мышления, на любой вид мышления и науки. Так вначале он считал, что мышление – это феномен знакового замещения (любое мышление), потом, что это деятельность, позднее «методологическое мышление», ещё позднее «чистое мышление» в составе мыследеятельности [Розин 2022: 75–113].

И каждый раз Щедровицкий пытался указанные понятия распространить на любые виды мышления. Потом он аналогично мыслил относительно деятельности. В результате, как я показываю, Щедровицкому так и не удалось понять сущность и природу мышления [Розин 2022: 82–85]. В частности, потому, что гипотезы о мышлении он сразу мыслил как правильные и схватывающие все виды мышления. В то время как, вероятно, нужно было начинать с анализа конкретных видов мышления (в разных видах наук, в разные исторические периоды, в проектировании, в инженерии, в искусстве и пр.) и, лишь описав эти виды мышления и сравнив их между собой, стоило приступить к осторожным обобщениям – конституируя мышление как таковое. При этом конечно, чтобы изучать конкретные виды мышления, необходимо было формулировать гипотезы о сущности и природе мышления, понимая, однако, что это всего лишь гипотезы, нуждающиеся в проверке и обосновании.

Ещё одно препятствие, затруднившее Щедровицкому понимание мышления, – одновременное изучение мышления и его формирование. В первой программе ММК – «построение теории мышления» эти задачи ещё различались. Исследование мышления выдвигалось как главная задача, а его формирование должно было опираться на полученные при этом результаты исследования. Но начиная с формулирования второй программы – «построение теории деятельности» и третьей программы – «построение концепции мыследеятельности», задача формирования становится основной, а исследование не то чтобы забывается (нет, формально эта задача проговаривается), но реально исследование мышления отходит на второй план или вообще опускается.

На мой взгляд, понятие «методологическое мышление» вводится Щедровицким, фактически чтобы оправдать, с одной стороны, отказ от исследования мышления и деятельности, и с другой – обосновать работу методологов (их собственное мышление и деятельность) в качестве образцов мышления как такового [Розин 2022: 98].

У феноменологов, на мой взгляд, другой недостаток. Они правильно указывают, что необходимо избегать поспешных обобщений, требуют придерживаться конкретных предметов, реализовать конкретные виды творческой активности, а именно те, в которых создаются новые способы мышления, науки и дисциплины. Но при этом почему-то только эти конкретные виды интеллектуальной активности считают подлинным мышлением, а другие, например, в рамках нормальной науки (по Т. Куну) рассматривают как вторичные, не столько мышление, сколько припоминание.

Например, Ж. Делёз интеллектуальную активность, характерную для нормальной науки, предпочитает называть «узнаванием», так сказать, стандартным мышлением, а подлинным мышлением – только такую активность, где совершается событие и начинают мыслить по-новому. «Первые – объекты узнавания. Мышление и все его способности могут найти здесь полное применение; мышление может работать, но эта озабоченность и применение не имеют ничего общего с размышлением. Мышление наполнено здесь только своим собственным образом… Условия подлинной критики и подлинного мышления одинаковы: разрушение образа мышления – как собственного допущения, генезиса акта размышления в самом мышлении. В мире есть нечто, заставляющее мыслить. Это нечто – объект встречи, а не узнавания. Встреченное может быть Сократом, храмом, демоном… Вспомним глубокие тексты

Хайдеггера, показывающего, что пока мышление ограничивается допущением своей доброй природы и доброй воли в форме обыденного сознания, ratio, cogitatio natura universalis, оно вообще не мыслит, будучи пленником общественного мнения, застывшего в абстрактной возможности…: "Человек может мыслить тогда, поскольку имеет такую возможность, но возможное ещё не гарантирует того, что мы будем на это способны"; мышление мыслит лишь насильно, вынуждено встречая то, что "заставляет задуматься", того, что следует обдумать – а обдумать нужно и немыслимое или не-мысль, то есть тот постоянный факт, что "мы ещё не мыслим"» [Делёз 1998: 181, 135].

Ошибаются феноменологи и в том отношении, что не отдают себе отчёта: они сами в некотором отношении являются методологами, только другого направления. Ведь принципы, которые они заявляют или критика со стороны феноменологов методологии, есть ни что иное – как руководство к мышлению. Но естественно, другому мышлению. Однако разве феноменологическое мышление отменяет классическое? Впрочем, в настоящее время феноменологическое мышление тоже понимается как классическое. Просто разные виды мышления и разные формы его осознания.

Бахтин М.М. 1979. *Эстетика словесного творчества*. – М.: Искусство. – 423 с.

Бибихин В.В. 2005. *Витгенштейн: смена аспекта*. – М.

Бибихин В. 2009. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beitrâge». – *Ἑρμηνεία*. – № 1(1).

Библер В.С. 1990. Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков. – *Человек и культура*. – М: Наука. – С. 81–125.

Делез Ж. 1998. *Различение и повторение*. – СПб.: Петрополис. – 384 с.

Давыдов В.В. 1996. *Теория развивающего обучения*. – М.: ИНТОР. – 544 с.

Декарт Р. 1950. *Избранные произведения*. – М.: Политиздат. – 712 с.

Мамардашвили М. 1995. *Лекции о Прусте*. – М.: Ad Marginem. – 548 с.

Розин В.М. 2012. *Личность и её изучение*. 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ. – 232 с.

Розин В.М. 2022. *Этапы постижения и расколдовывания мышления и деятельности. Творчество Г.П. Щедровицкого: высокая драма жизни и мысли*. – М: ЛЕНАНД. – 200 с.

Табачникова С. 1996. Мишель Фуко: историк настоящего. – Фуко М. *Воля к истине. По ту сторону знания. Власти и сексуальности*. – М. – С. 396–441.

Фуко М. 1991. Герменевтика субъекта. – *Социо-Логос*. – М.: Прогресс. – С. 138–153.

Щедровицкий Г.П. 2001. *Я всегда был идеалистом*. – М.: Путь. – 365 с.

Щедровицкий Г.П. 2004. *На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого*. – М.: ШКП. – 195 с.

Щедровицкий Г.П. 2005. *Знак и деятельность*. – М.: Вост. лит. – 463 с.

Щедровицкий Л.П. 1997. А был ли ММК. – *Вопросы методологии*. – № 1–2. – С. 49–57.

Heidegger M. 1960. *Sein und Zeit*. – Tubingen.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕФИГУРАЦИИ

А.И. Неклесса
Институт Африки РАН

Аннотация: *Проблематика выступления – осмысление комплексного и неоднозначного феномена шестидесятничества, его интеллектуально-политического потенциала и результативности. Анализ проблемы связан с вопросом: почему Восточная Европа и Балтия преодолели постимперский рубеж Современности, создав демократические национальные государства (nation-state), а России это не удалось? И какую роль в настройке и развитии событий сыграли шестидесятники как концептуальный, творческий и политический потенциал общества?*

Ключевые слова: *шестидесятники, оттепель, государство-организация, партократия, контргегемония, префигурация, параллельное общество.*

1.

В послевоенной истории СССР и начале становления РФ заметно активное участие «детей XX съезда» – шестидесятников как своего рода интеллектуально-творческой закваски, т. е. авангарда интеллектуального класса страны, ответственного за: (1) обустройство общей социо-гуманитарной инфраструктуры (в т. ч. «школ мысли»); (2) обоснование/опровержение легитимности политического строя, анализ его близких и дальних перспектив; (3) осмысление исторической ситуации, примеряя на себя роль гида и актора перемен (ср. с генезисом и деятельностью «отцов-основателей» США). Шестидесятники 40 лет (1956–1996 гг.) формировали представления о действительности и альтернативы развития страны, мысля вывести общество из той или иной версии «Египта».

Почему коррекция власти в СССР в период «оттепели» оказалась столь тесно связана с философской и шире – интеллектуально-творческой активностью? Специфика СССР заключалась в том, что он был государством-организацией, причём идеологического толка, обладая особой легитимностью гражданской религии, что предполагает тоталитарный характер власти: всеобщую и активную принадлежность населения к «советскости», обязательность соучастия людей всех возрастов и социальных групп в государственной идеологии. СССР была присуща также манихейская стилистика актуализации данной коммунистической спе-

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.6569

куляции («имманентизации эсхатона»[1]), иначе говоря, директивная утопия воплощалась в заведомо и тотально враждебном окружении. Все это не исключительное явление в истории – можно вспомнить аналоги: Мюнстерскую коммуну, Небесное государство великого благоденствия (тайпинов), Исламское государство (запрещённая в России организация – Ред.) и т. п. [Неклесса 2018].

Девальвация радужных перспектив, кризис утопии (что и является ее родовым признаком) вела к фрустрации общества, одновременно стимулируя стремление власти восстановить пошатнувшуюся легитимность посредством не только методов внутреннего террора или внешней агрессии, но и вынужденной коррекцией собственных идео-политических прописей. Кроме того в послевоенном СССР кризис власти сопровождался также кризисом имперскости и региональным вооружённым сопротивлением, продолжавшемся вплоть до начала 50-х годов. Отменена смертной казни с мая 1947 г. до января 1950 г. способствовала аккумуляции активных противников режима метрополии в своего рода «фабриках сопротивления» – ГУЛАГе: Норильское восстание – май-август 1953 г.; Воркутинское – июль-август 1953 г.; Кенгирское – май-июнь 1954 г. и др. Стратегии выхода из комплексного кризиса были эскизно обозначены уже на похоронах Сталина в выступлениях Маленкова, Берии, Хрущева. Ведущей тенденцией на тот момент было восстановление государственной доминанты за счет умаления (и возможно даже исключения) партократичности из управления страной. Победил, однако, сформировавшийся в ходе последующей борьбы за власть эклектичный курс политической организации СССР как партократичной/номенклатурной диктатуры под зонтиком «красной идеи»: продекларированного аттрактора и крупного нематериального актива.

Естественным образом возникает нужда в специалистах для обрамления нового курса (смеси своеобразного неотроцкизма с мирным сосуществованием в «одном флаконе»): создания соответствующего контента, формулирования концептов, прорисовки образов, прописывания смыслов, сюжетов, нарративов. После XX съезда был востребован деятельный и талантливый субъект для переработки прежних политических, социальных и культурный прописей. Второе дыхание получают и социогуманитарные отделения Академии наук СССР, практически задавленные партноменклатурой уже к началу 30-х годов [Ваганов 2023]. Так стартовала «оттепель» в своих отдельных аспектах чем-то аналогичная механизмам будущей перестройки.

Интеллектуальный класс страны в данном симбиозе преследовал собственные цели. Суть эффективной контргегемонии (Антонио Грамши)[2] – это союз Ахилла и черепахи, где интеллигенции в гражданской Реформации и «штурме бастионов культуры» отводится роль «черепахи», и эта роль – критическая (в той шутливой интерпретации, где черепаха всегда обгоняет Ахилла, если тот бежит в ложном направлении, а она верно определила маршрут). Шестидесятники в поиске и удержании баланса добра со злом представляли советский эрзац «учителей жизни», учитывая, что мыслители и писатели в России были своеобразным субститутом теологов. В условиях девальвации официальной идеологии они также являлись своего рода «протестантами» разной степени радикальности и оппортунистичности по отношению к партийно-государственной «квази-церкви».

---

[1] «Эйдос проблематизируется в истории лишь тогда, когда её трансцендентальное христианское исполнение обретает имманентность. Однако подобная имманентизация эсхатона является серьезным теоретическим заблуждением» [Voegelin 1999, 152].

[2] Ср.: «Вызвать к жизни группу независимой интеллигенции нелегко, для этого требуется длительный процесс, включающий действия и противодействия, слияния и распады, создание новых, очень многочисленных и сложных образований; пока это концепция подчинённой социальной группы, лишённой исторической инициативы, которая расширяется беспрерывно, но не органически и все ещё не в состоянии перешагнуть некую качественную ступень, ещё не созрела для овладения государственной властью, для реального осуществления своей гегемонии над всем обществом, а только эта гегемония позволяет поддерживать некоторое органическое равновесие в развитии интеллигентской группы» [Грамши 1991].

Взгляд на положение вещей с позиции «адвоката дьявола» обнаруживает, что после 1956 г. происходит перезагрузка отношений интеллектуального класса и партноменклатуры, образуется своего рода асимметричный «конкордат» власти с фрондирующей интеллигенцией, несколько смещённой в сферу художественного творчества и назидательного культуртрегерства, образуя микс стилистики «рафинированного ленинизма» («комиссары в пыльных шлемах») с общим просветительством, социалистическим гуманизмом (и персональным гедонизмом) вплоть до политически активного «социализма с человеческим лицом», пролагая путь к будущим «прорабам перестройки» («иного не дано»). Все это подкреплялось предоставлением представителям советского интеллектуального класса существенных привилегий.

Влияние же провозглашаемых шестидесятниками ложных аттракторов (e. g. «ленинских норм») в качестве путеводных химер, склонность к выгодному компромиссу и подчас прямое сотрудничество с властью, отсутствие корпоративной солидарности и нередко – моральной позиции в отношениях с официальным миром способствовали производству «кастрированного поколения», утратившего твёрдость характера, что можно расценить и как следствие общей антропологической катастрофы в стране. А к середине 90-х годов, после утверждения новой конструкции власти приходится констатировать не только фиаско миссии шестидесятников, но как результат неудачи – девальвацию, маргинализацию, исчезновение самого «шестидесятничества»…

Вопрос, однако, остаётся: была ли у шестидесятников концептуальная и практическая альтернатива?

2.

В чем-то схожие сюжеты, ситуации, сценарии возникали и проигрывались в советских «доминионах»: Польше (1956 г. и позднее), Чехословакии (1968 г. и Хартия 77) – этих эскизах гражданской Реформации с широким спектром проявлений человеческой доблести и слабости[3]. Но были и определённые различия. Одно из важных, на мой взгляд, разночтений в стратегии перемен, на которое хотелось бы обратить внимание, заключалось в попытке воплотить идею гражданского общества как контробщества внутри существовавшей системы.

Имелось и определённое историческое наследство: в Польше таковым была память о *параллельной власти,* созданной и реально функционировавшей во время военной оккупации в годы 2-й мировой войны – гражданской Делегатуры польского государства: подпольного высшего органа административной власти в стране, руководившего работой гражданского сектора [Salmonowicz, Ney-Krwawicz… 1999]. В задачи Делегатуры, включавшей девять департаментов и ряд комитетов, входила организация работы субститутов государственных учреждений и готовность принять контроль над страной после окончания войны. В условиях же «автооккупации» – это был концепт префигуративной политики (Карл Боггс[4]): контргегемонии как проекта формирования нецентрированного *параллельного общества*, молекулярных цепочек взаимоотношений, образующих социальные предприятия, «начиная с детских садов» до комплексной протополитической структурности, то есть «созидание другого мира путём посева семян общества будущего в почву сегодняшнего дня»[5] (Ад-

[3] «Оппозиционность, проявляемая модными польскими интеллектуалами, была довольно своеобразна: публично осуждая привилегии партийного аппарата и руководителей промышленных отраслей, они даже не думали отказаться от собственных. Возвращали свои партбилеты, но не учёные звания, ордена, синекуры, виллы и автомобили, которые ведь получили во время "искажения социализма"» [Słabek 2015: 287].

[4] Префигуративная политика – стремление воплотить «в рамках текущей политической практики […] те формы социальных отношений, принятия решений, культуры и человеческого опыта, которые являются конечной целью» [Boggs 1977: 100].

[5] Префигуративизм – попытка реализовать префигуративную политику, «способ показать, как может выглядеть мир без тирании настоящего» (Адриан Кройц) [Raekstad, Gradin 2020; подробнее см.: Benda 2018].

риан Кройц) [Raekstad, Gradin 2020], что, главным образом, ставило под сомнение не официальную доктрину, а сложившуюся в стране систему, противопоставляя ей деятельную альтернативу или по крайней мере её материализованный в наличном обществе эскиз (преформацию).

Лозунг «Не жгите партийные комитеты, а создавайте свои» (Яцек Куронь) являлся скорее экспрессивной метафорой, подразумевая нечто большее, чем партийную борьбу – последовательный социальный переворот. Речь шла об организации в частной жизни граждан сети альтернативных институций (включая инновационные), начиная с тех самых детских садов, летучих университетов, пространств дискуссий, служб социальной поддержки и т. д. при отстранении или прямом отказе от участия в официозе. Префигуративизм, таким образом, – это одновременно политика воплощения искомого будущего и политика разрыва с доминирующими иерархиями, создавая иное тело нации, способное эффективно заместить распадавшийся режим и *связанные с ним структуры*, а страна в критической ситуации не провисала бы в пустоте, обладая не только разработанными концептами, но и кадровым потенциалом, и определённой прединституализацией, чтобы преодолеть риски и тяготы переходного периода.

Судьба несколько мистифицированной миссии шестидесятничества в 1956–1996 гг. поднимает также тему удельного веса интеллектуального класса в матрице власти и роли моральной стойкости в стратегии перемен, приемлемости для интеллигента рисков отказа от оппортунизма при контактах с «престолами и господствами» («шестидесятники – существительное или прилагательное»?) Это был экзистенциальный (и порой метафизический) выбор, развилка же заключалась в отношении к идеологической идентичности «советский» *применительно к себе*, предопределяя траекторию пути: коллаборация, прямой/косвенный оппортунизм, конструктивный ревизионизм, когнитивное противостояние, политизированное или правозащитное диссидентство (ср. с драмой Розенштрассе в феврале 1943 года[6] и аргументацию о неполитическом характере этого протеста как аналоге позиции «соблюдайте вашу конституцию») или же самостояние и молекулярные сцепления – попытки практиковать стиль жизни, «как если ты живёшь уже в демократическом обществе…»[7]. В конечном счёте проблема заключена в силе духа нации и качестве ее аристократии – «звёзд в ночи».

Ваганов А.Г. 2023. Партийно-академическая драма. – *Дайджест прессы. Информационный выпуск РАН № 4*. – Доступно: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=5c9658bf-5f28-4c9c-b8c1-04eaefdeaa16. – Проверено: 24.03.2023.

Грамши А. 1991. *Тюремные тетради*. – М.: Политиздат. – Доступно: https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi%2Ctetradi.pdf. – Проверено: 24.01.2023.

Неклесса А.И. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. – *Метафизика. Научный журнал РУДН*. – № 3 (29). – С. 167–180.

Benda V. 2018. *The Long Night of the Watchman: Essays by Vaclav Benda, 1977–1989*. Edited by F. Flagg Taylor IV. – St. Augustine's Press.

Boggs C. 1977. Marxism, Prefigurative Communism, and the Problem of Workers' Control. – *Radical America*. – № 11 (November).

[6] Массовая демонстрация протеста на Розенштрассе в Берлине 27 февраля – 5 марта 1943 года. В протесте участвовали этнические немцы – супруги и близкие евреев, которых намеревались отправить в концентрационные лагеря.

[7] Ближе всего к префигуративизму находилось, конечно, диссидентское движение, прежде всего деятельной реализацией разнообразных взглядов и подчас жертвенной индивидуальной позицией, однако правозащитная доминанта и «партийность» сводили на нет попытки альтернативного социального творчества, оставляя их на периферии внимания, маргинализируя.

Salmonowicz S., Ney-Krwawicz M., Górski G., Śląski J. 1999. *Polish Underground State*. – ŚZZAK.

Słabek H. 2015. O społecznej historii Polski 1945–1989. – Warszawa.

Raekstad P., Gradin S.S. 2020. *Prefigurative politics: building tomorrow today*. – Cambridge, Polity Press.

Voegelin E. 1999. The New Science of Politics. – *The Collected Works of Eric Voegelin, Vol. 5, Modernity Without Restraint, ed. by Manfred Henningsen*. – Columbia, Missouri, University of Missouri Press.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД: ИЗ 1960-х В 2020-е И ДАЛЕЕ

М.В. Рац
независимый исследователь,
Б.Г. Слепцов
независимый исследователь

Аннотация: *Статья даёт сжатую характеристику версии деятельностного подхода, разрабатывающейся с 1960-х годов в Московском методологическом кружке. Деятельностный подход противопоставляется господствующему сегодня натуралистическому. С первым связаны новые представления об онтологии и об особой организации мышления и деятельности (системах мыследеятельности). Авторы считают, что деятельностный подход призван снять сложившееся в нашем мире противоречие между бурно развивающейся хозяйственной деятельностью и стагнирующей политической практикой. Внимание фокусируется на различении перспектив натуралистического и деятельностного подходов в сфере организации человеческого общежития и формирования соответствующих систем правления (т. е. в сфере полиса).*

Ключевые слова: *Московский методологический кружок, мышление, деятельность, деятельностный подход, натуралистический подход, хозяйственная практика, политическая практика.*

> …При определённом переосмыслении деятельностный подход может быть понят не как прошлое, а скорее как настоящее и, может быть, ближайшее будущее философии и когнитивных исследований в мире.
>
> *В.А. Лекторский, 2011 г.*

> …Придёт момент, когда всё станет можно, – можно говорить, предлагать, действовать. И тогда важно одно: что у тебя в голове? Какое у тебя мышление? Что ты предложишь? Заботься сейчас только об этом! И ни о чем другом.
>
> *Г.П. Щедровицкий, 1966 г.*

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.7076

Если говорить об интеллектуально-политическом потенциале поколения шестидесятников, необходимо артикулировать один важный сюжет из философии того времени, а именно, разработку, прежде всего в Московском методологическом кружке (ММК), *деятельностного подхода*. Он выделяется среди целого ряда предметов мысли, объединяемых идеей деятельности, таких как понятие деятельности, её теория, онтология, программа разработок в этой области и т. п. [Щедровицкий 2010]. Позднее Г.П. Щедровицкий писал: «…Главный принцип, который реально разделяет нас сейчас в нашей работе, это уже не различия в научно-предметных представлениях, а методологические различия в подходах, которые мы принимаем, организуя свою работу, различия в способах онтологического видения и представления мира, различия в средствах и методах нашей мыслительной работы, оформляемые часто как различия в «логиках» нашего мышления» [Щедровицкий 1995: 143][1].

Тем не менее, упомянутые различения делаются далеко не всегда, и определяющая роль подхода признается не всеми. При этом о деятельностном подходе говорят не только философы, но также социологи, психологи, педагоги, только все по-разному, а то и вообще о разном. Недаром в Новой философской энциклопедии нет даже словарной статьи о деятельностном подходе, хотя в других статьях он упоминается нередко. Если ещё поинтересоваться, что пишут о деятельностном подходе разные авторы, даже, например, причисляющие себя к одной и той же традиции ММК, то и здесь мы столкнёмся с изрядной разноголосицей. Однако такое (не столь уж редкое) состояние мысли – не повод обходить молчанием важнейшую тему: скорее она требует особой артикуляции. Мы как прямые ученики Г.П. Щедровицкого с восьмидесятых годов прошлого века заняты приложениями и перспективами деятельностного подхода. Для начала обозначим коротко наш взгляд на них (подробнее см.: Рац и др. 2022).

1.

Деятельностный подход принято противопоставлять натуралистическому, причём с этими двумя подходами связаны разнотипные онтологические представления. Собственно, по-разному в этих подходах трактуется само понятие онтологии. Для начала мы бы сказали, что деятельностный подход в версии ММК можно представлять как рафинированную концепцию антинатурализма. Но при этом нужно иметь в виду, что в чистом виде обе концепции существуют в лучшем случае в головах философов. Подавляющее большинство людей живёт в синкретических представлениях, не заморачиваясь рефлексией и сопоставлением разных подходов.

Натуралисты мыслят свой мир как единый и единственный, предзаданный всем нам Богом или «природой вещей» в некоей определённой законосообразной форме; это мир, объективную картину которого призвана прорабатывать наука. В то же время для нас как сторонников деятельностного подхода мир предстаёт как диптих, объединяющий картины (1) идеального, *должного* (с нашей точки зрения) его состояния, с одной стороны, и (2) сложившегося на сегодня, *сущего,* – с другой. При этом идеалы мыслятся как заведомо недостижимые: они выполняют в нашем движении функцию путеводных звёзд. (Понятно, что идеалы, как представления о мире должного, не следует смешивать с научными идеализациями, имеющими совершенно другое предназначение).

Но самое главное в мире деятельностного подхода – это третье место: для нашей работы и для нас, как мыслящих и действующих субъектов, третье – наряду с местами для должного (в будущем) и сущего (в прошлом) миров. Место, аналога которому в натуралистической картине мира нет, и с которым связано введение категорий «естественного» и «искус-

[1] Время написания работ Г.П. Щедровицкого (не всегда точно известное) часто сильно расходится со временем их публикации, на которое мы по традиции ссылаемся.

ственного» и дальнейшая проработка деятельностных представлений. Соответствующая схема с тремя местами (топами) известна в методологии как схема шага развития (см. рис. 1).

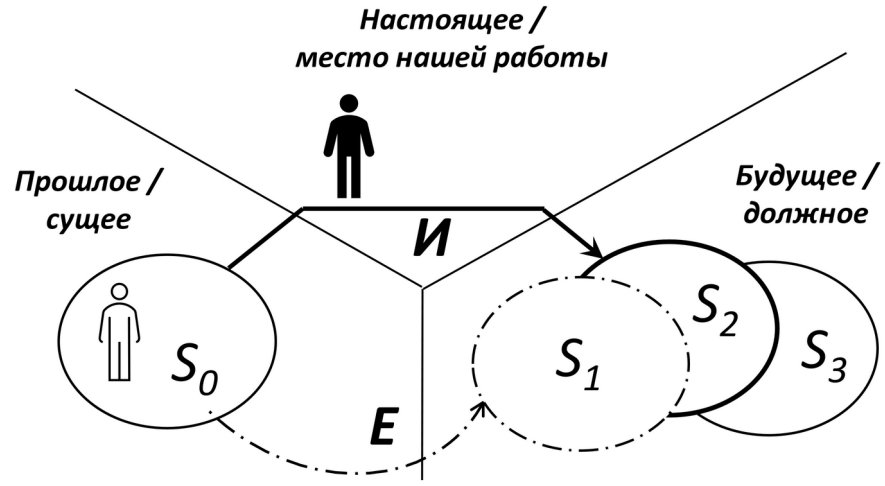


Рис. 1. Схема шага (развития):
E **–** прогнозируемая естественная эволюция системы из состояния S_0 в состояние S_1, которое нас не удовлетворяет; ***И*** – траектория искусственного (согласно нашему преобразовательному замыслу) перевода системы из S_0 в должное состояние S_2; S_3 – некоторое фактическое состояние системы в будущем – результат наших действий с учётом влияния естественных процессов.

В верхнем топе схемы, в рефлексии, мы имеем особое *настоящее время*. Оно настоящее *в смысле подлинности*: прошлое ушло, будущее ещё не наступило, только здесь и теперь мы можем повлиять на положение дел в мире. Но оно ещё и настоящее *продолженное* (своеобразное Present Continuous), разделяющее прошлое и будущее отрезком ненулевой длительности, чем в корне отличается от привычного «физического» времени. Здесь прорабатываются и представляются картины должного и сущего – исключительно в паре, в сопоставлении друг с другом – посредством челночного движения мысли от первой ко второй и обратно.

Формирующиеся таким образом картины сущего отнюдь не предзаданы нам всем и навсегда, как картина натурального мира. Они зависят от наших идеалов, которые историчны и субъективны, могут быть и бывают очень разными. Какие именно идеалы строятся – отдельный вопрос. Наш ведущий идеал, задаваемый соответствующей схемой [Щедровицкий 1995: 281], – мир мыследеятельности – разрабатывался в ММК на заключительном этапе его истории – в 1980-е гг. Отсюда особая версия деятельностного подхода в ММК как системомыследеятельностного – СМД. Из которого, между прочим, вытекает идеал политической организации общежития и соответствующей организации систем правления, обеспечивающих мирное сосуществование носителей разных идеалов и соучастие всех граждан в решении затрагивающих их интересы вопросов.

Бегло намеченные выше представления о мире и о деятельностных позициях, которые должны занимать субъекты мысли и действия, так или иначе, местами можно усмотреть в работах многих мыслителей – от Платона и Аристотеля до Юма (с его знаменитой «гильотиной») и Маркса (с «Тезисами о Фейербахе» и др.) Но лишь в работах Г.П. Щедровицкого и ММК они последовательно рефлексируются, концептуализируются и получают достаточно артикулированное выражение. При этом утверждается, что натуралистический подход может рассматриваться как частный случай деятельностного. Фигурально выражаясь, если исторически сложившееся положение дел в мире нас устраивает, представления о должном и сущем совпадают, мы превращаемся в принципиальных консерваторов – учёных, а деятельностная

картина мира – в привычную натуралистическую. (В котором, кстати, длительность *настоящего* времени сокращается до нуля).

Теперь можно переходить к продвижению и практическому использованию намеченных представлений именно как двух взаимно дополнительных подходов и картин мира. И это, конечно, забота философов и методологов.

2.

Уточнив, таким образом, о чем идёт речь, мы подходим к главному вопросу: почему мы считаем именно тему подходов наиболее актуальной при обращении к наследию шестидесятников (и не только). Дело в том, что в рамках разных подходов по-разному осмысливается и организуется наша деятельность, причём перспективы обсуждаемых подходов и соответствующих онтологических картин совершенно по-разному раскрываются применительно к хозяйственной и общественно-политической практикам – ойкосу и полису.

Предельно лапидарно, естественно огрубляя картину, можно сказать, что в Новое время в рамках упомянутой синкретической картины мира люди более или менее успешно справляются с хозяйственной деятельностью и со строительством «техногенной цивилизации» (В. Степин). Но в том, что касается организации человеческого общежития, сферы полиса, с нашей точки зрения, положение значительно хуже. Общественно-политические преобразования – дело неизмеримо более сложное, и судьба России в этом смысле достаточно характерна. Разрыв в состоянии дел между сферами ойкоса и полиса мы считаем важнейшей проблемой современности и связываем её с господством синкретического мировоззрения, в котором ведущую роль играют естественнонаучные представления. Полагаем, что деятельностный подход может внести свой вклад в её решение путём «подтягивания отстающей» сферы полиса. Дополним в связи с этим приведённые выше представления о наших двух подходах.

Если говорить о естественнонаучном подходе как рафинированной версии натурализма, основополагающая для него (естественная) наука, science, по понятию призвана исследовать мир таким, каким он нам дан «на самом деле» и нацелена на познание законов природы, инвариантных относительно времени и пространства. Законы Ньютона или теории относительности «управляют» переменами в нашем мире и действуют независимо от места и времени. Чего, между прочим, никак нельзя сказать о деятельности самих учёных, меняющейся в связи с переменами социокультурной ситуации – иногда, как например в случае научных революций, самым коренным образом. Это совершенно противоречит научной картине мира, но по-своему тоже понятно: действия людей (и отнюдь не одних учёных) в отличие от природных процессов преимущественно не законосообразны, а целесообразны. В частности поэтому для сторонников деятельностного подхода мир мышления и деятельности – это иной мир, требующий других методов работы, нежели природный.

Для естественников же на этом месте возникает известная со времён Р. Декарта психофизическая проблема. Традиционная (галилеевская по принципу) наука уже 300 лет решает эту проблему; когнитивистика и сейчас этим занимается, пытаясь найти механизмы взаимодействия психологии и физиологии. В рамках деятельностного подхода вопрос ставится иначе: нас ведь интересует не (по)знание как таковое и не устройство мира «вообще», а вопрос о том, что и как нам делать, чтобы изменить не удовлетворяющее нас положение дел. (Знания об устройстве этого мира для этого необходимы, но играют все же подсобную роль.) А уже упоминавшийся Д. Юм понимал, что ответ на второй вопрос никак не выводится из первого. Выделим здесь условно три шага дискурса и не забудем, что за ними стоят десятилетия коллективной работы, зафиксированные в тысячах авторских листов теста, хранящихся в архиве Г.П. Щедровицкого, из которых опубликована лишь малая часть.

Итак, в рамках деятельностного подхода, во-первых, утверждается, что миры (1) природы и (2) мышления с деятельностью – это два разных мира. «В каждом мире действуют свои основные законы, и, поместив объект…в тот или иной из этих ящиков-миров, я тем самым переношу на этот объект законы этого мира». И границы между этими мирами «выполняют одну функцию, имеют одно назначение: они непроницаемы по идее и по принципу» [Очерки… 2009: 129]. Известен замечательно наглядный пример соотношения двух таких миров – бегущая строка на световом табло (в 1960-е гг. такое было на крыше здания редакции «Известий» на Пушкинской площади). «Строить психологию на основе изучения физиологических процессов так же бессмысленно, как пытаться вывести содержание передаваемой на табло информации из устройства лампочек или законов электричества» [Там же: 27].

Во-вторых, утверждается (после четверти века предельно напряженной работы Щедровицкий говорит об этом жёстко), что «весь так называемый материальный мир есть явление вторичное, есть экскременты деятельности». «…Реальный мир – это мир *деятельности*, а не материала – природного, технического и так далее» [Там же: 194–195, курсив автора]. А натуралистические представления, бывшие передовыми и продуктивными в XVII веке, в XX веке превратились в тормоз развития человечества.

Наконец, в-третьих, наиболее рискованная, как говорил сам Г.П. Щедровицкий, идея: мышление и деятельность сами по себе бессубъектны, хотя они живут, «паразитируют» на человеческом материале. При этом «…есть организация деятельностей и работ – один план, и другая организация – людей, и, в частности, сознания людей – как другой план» [Там же: 196]. Это, в частности, означает, что на схеме шага (см. рис.) и других методологических схемах значки обозначают не людей, а только *позиции*[2], которые могут занимать (или не занимать) люди, оказывающиеся, таким образом, за рамками СМД-подхода и онтологии. Но это, вопреки бытующим представлениям, отнюдь не обозначает бессубъектности методологии в версии ММК. Здесь можно воспользоваться метафорой: методологические представления, выражаемые в схемах, образуют систему средств интеллектуальной работы, в принципе аналогичную привычному для нас парку «железной» техники или, наверно точнее, системе средств математики. Сами по себе эти средства мертвы, и только их живые носители, в нашем случае пользующиеся ими люди[3], как бы одушевляют этот мир и вместе с тем коренным образом расширяют и умножают свои возможности.

Но эта метафора имеет смысл и работает в очень узком диапазоне понимания. Потому что, как средства нашего интеллекта, методологические средства в отличие от компьютеров становятся частью нас самих, изменяют нас и соответственно наш мир. Освоить их, не меняя себя и свой мир, в принципе невозможно, а вернее, они тогда превращаются в чисто технические средства, в опасные игрушки, от которых вреда может быть больше, чем пользы. (Это утверждение – не столько теория, сколько эмпирическая фиксация, подтверждаемая десятилетиями опыта организационно-деятельностных игр и не только их[4]). Дело осложняется ещё и тем, что методологические средства осваиваются только в практической деятельности: чтения книг для этого заведомо недостаточно.

Все эти три пункта надо понимать как относящиеся к идеальному миру мыследеятельности, в котором уже случилась смена подхода и онтологии. А пока «за окном» мы имеем, повторим, общество, в котором господствует синкретическая, преимущественно натуралистическая картина мира, и методологическую работу в верхнем топе схемы шага приходится

[2] На самом деле в методологии принято другое обозначение позиции, именуемое на жаргоне «морковкой», но его нет в арсенале Microsoft Office.

[3] Как говорят коллеги-методологи, люди «входят в эти схемы» или «надевают их на себя», и принципиально важно, что делается это только и исключительно в результате самоопределения.

[4] Именно случаи использования методологических средств для целей, предельно далёких от идеалов СМД-методологии, привлекают внимание журналистов, как это произошло, например, с нашумевшей статьёй Т. Сергейцева о СВО. Отсюда же и досужие домыслы об особой роли методологов во власти.

нацеливать на историческую перспективу продвижения нового подхода и картины мира. (Разумеется, исключительно через посредство мышления и коммуникации с инакомыслящими). Надо полагать, что, как и прежде, когда на смену (или в дополнение) теологической картины мира приходила научная, процесс этот будет длительным, и деятельностная картина мира не сменит естественнонаучную, а лишь дополнит распространённую ныне пару до триады [Щедровицкий 2011].

3.

Но мы отвлеклись от главного вопроса: чем определяется актуальность, можно сказать, жизненная важность темы подходов для современного мира? Первый намеченный выше ответ – разницей их перспектив применительно к хозяйственной и общественно-политической практикам, ойкосу и полису – явно недостаточен. Для осмысленного планирования действий, их результатов и выработки хотя бы самых общих представлений о возможных последствиях надо понимать, какими именно особенностями мышления и деятельности в этих сферах обусловлено такое различие.

Здесь полезно вспомнить, что говорил о хозяйственной деятельности основоположник австрийской экономической школы К. Менгер: «Под хозяйством мы понимаем предусмотрительную деятельность, направленную на покрытие нашей потребности в *вещах*». При этом «исходным пунктом всякого хозяйства являются *вещи*, непосредственно находящиеся в распоряжении хозяйствующих субъектов» и т. д. [Менгер 2005: 474; курсив наш – М.Р., Б.С.]. Совсем иначе обстоит дело в сфере полиса, где деятельность действующих субъектов направлена на содействование либо, наоборот, препятствование действиям других. Если в основе хозяйства лежит работа с косным материалом, в сфере полиса работать приходится с так называемыми «социотехническими связками», включающими наряду с нашей и другие системы деятельности. Они являются «исходным пунктом» политики, управления, нормирования. Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2000: 38, 42, 47 и др.] обозначил этот феномен как «деятельность над деятельностью».

Но если объекты ойкоса и полиса категориально разные, то разными должны были бы быть и методы работы с ними. За этой кажущейся банальностью и зарыта собака, потому что мало вспомнить расхожую метафору насчёт работы гончара с глиной, очевидно неприменимую к работе с людьми и обществом. Здесь подойдёт другая метафора, не менее известная: «Открылась бездна, звёзд полна, звездам числа нет, бездне – дна». Ибо в свете сказанного требуется полный пересмотр повсеместно используемых ныне методов и средств «деятельности над деятельностью», исторически сложившихся при господстве естественнонаучных представлений. Г.П. Щедровицкий многократно обсуждал (в том числе и в работах, на которые мы уже ссылались) эту нашу современную ситуацию, уподобляя её галилеевской: нам ведь приходится строить принципиально новую *не*естественную науку о мышлении и деятельности, учитывающую их телеологический, а не каузальный, как в привычном естествознании, характер. Ревизии подлежит и методология хозяйствования: с нашей точки зрения, концепция разделения труда П.Г. Щедровицкого [Щедровицкий 2018 и др.], разрабатываемая в рамках деятельностного подхода, лучше других объясняет историю сферы хозяйственной деятельности в течение Нового времени и намечает её ближайшие перспективы.

На наш взгляд, главное, что было сделано в ММК (и одинаково важно для любых приложений), – это разработка программной организации мышления и деятельности [Щедровицкий 1999]. Которая, надо полагать, станет определяющей на ближайшую историческую эпоху, потеснив пока играющую эту роль исследовательскую и предшествующую ей проектную. В нашей деятельности программирование логически и хронологически предшествует привычным для нас формам проектирования и планирования при проработке и реализации замыслов любого рода и объемлет их. Проекты как бы отпочковываются от действующих

программ. Особенно важно, что, как выясняется, именно программная организация может обеспечить работу с идеалами, движение к ним, сообразное содержанию самих идеалов (в отличие от таких способов действия, как строительство коммунизма посредством диктатуры – тогда уже безразлично: пролетариата или партийной номенклатуры).

Во всех этих начинаниях на первый план выходит хорошо известная инженерам идея «левого сдвига» – перенос усилий и ресурсов с непосредственного осуществления задумываемых преобразований на проработку замыслов. Так что речь приходится вести не об очередных общественно-политических преобразованиях, а о переосмыслении самой преобразовательной деятельности (над другими системами деятельности), начиная с наших представлений о политике, управлении и власти. И совершенно логичной, даже необходимой оказывается концепция *мысле*деятельности, совсем иначе, чем это виделось в 1960-е гг., представляющая соотношение мышления и действия, а заодно и других интеллектуальных функций – посредством коммуникации [Щедровицкий 1995: 281].

Эта линия мысли кажется жизненно важной для современного мира, а вопрос о подходах никак нельзя обойти, обсуждая наследие наших философов – шестидесятников.

Менгер К. 2005. *Избранные работы*. – М.: ИД «Территория будущего». – 496 с.

Очерки… 2009. *Очерки истории становления СМД-методологии: конспекты лекций Г.П. Щедровицкого в МИСИ (1987–1988)*. – М.: Наследие ММК. – 198 с.

Рац М., Котельников С., Слепцов Б. 2022. *Управление против власти. Как реализуются замыслы*. – М.: ИД ЯСК. – 584 с.

Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. – М.: Школа Культурной Политики. – 800 с.

Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок / Из архива Г.П. Щедровицкого, Т. 1*. – М.: Путь. – 288 с.

Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4. ОРУ (1)*. – М.: Путь. – 380 с.

Щедровицкий Г.П. 2010. Идея деятельности и деятельностный подход. – *Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. – М.: РОССПЭН. – 598 с.

Щедровицкий П.Г. 2011. Петр Щедровицкий – Дмитрий Мацнев. От онтологии Космоса к онтологии деятельности. – *Альманах «Русский мир и Латвия», 2011*. – Доступно: http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2011/25/04.pdf. – Проверено: 23.03.2023.

Щедровицкий П.Г. 2018. *Три индустриализации России*. – М.: TerraFantastica. – 152 с.

ЭПОХА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

А.А. Воронин
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье на примере истории журнала «Философские исследования» обсуждается подъём, расцвет и угасание просветительских настроений в 80–90 гг. прошлого века, связанные с деятельностью «шестидесятников» в нашей стране.*

Ключевые слова: *философия, философское поколение, шестидесятники, журнал «Философские исследования».*

Не берусь рассуждать обо всех шестидесятниках, эта тема слишком многогранна, я буду говорить о некоторых тенденциях на примере журнала «Философские исследования», главным редактором которого я был в 90-х гг. Мне кажется, что, заявив о себе как о ярком феномене философской и общественной жизни в 60–70 гг., шестидесятничество расцвело в 80–90 гг., когда стали проявляться плоды гласности[1]. В 1990 году была отменена цензура, ликвидирован Главлит. То, что варилось под крышкой идеологического контроля, стало актуальным содержанием профессиональных и публичных дискуссий. В эти годы – в 1992 г. – при редакции журнала «Вопросы философии», главным редактором которого был Владислав Александрович Лекторский, возник Московский философский фонд. В основном усилиями В. Мудрагея и Б. Пружинина. Он просуществовал до 2010 года, и уже в первые годы своей деятельности успел выпустить целую серию книг по философии, в том числе около 20 томов произведений русских дореволюционных философов. Одним из проектов Фонда был журнал «Философские исследования», куда меня пригласили главным и единственным редактором. Замысел был такой: журнал неподцензурный, независимый, учредитель – МФФ – никакого участия в издании журнала не принимает, денег на издание нет, чтобы покупать бумагу и платить типографии, надо сделать публикации платными для авторов. Такого ещё не бывало в те года, и казалось очень экзотическим планом.

[1] В 1987 году вышла эпохальная книга Б.А. Грушина «Массовое сознание», в которой он по его признанию сделал своё самое важное открытие – феномен массового сознания. В 1989 году защитил докторскую диссертацию Ф.Т. Михайлов «Общественное сознание и самосознание индивида». С 1988 года В.И. Толстых ведёт в Институте философии ежемесячные занятия интеллектуального клуба «Свободное слово». В 1988 г. был организован ВЦИОМ (Т.И. Заславской, Б.А. Грушиным, Ю.А. Левадой). Вышла книга П.П. Гайденко «Эволюция понятия науки: формирование научных программ Нового времени (XVII–XVIII вв.)» [Гайденко 1987]. В 1991–1999 годах последователями Г.П. Щедровицкого издавался журнал «Вопросы методологии». И так далее.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.7784

Основная идея проекта состояла в демократизации философской жизни, попытке вывести философскую мысль из-под тяжкой длани руководства. Причём, отнюдь не только догматического, партийного, цензурного и мало профессионального. Был ещё один существенный нюанс. В нашем цехе – не только в Институте философии, а вообще в среде философов, – были сильны неписаные правила. Жизни, работы, подчинения, защит диссертаций, публикации книг и статей, – вообще правила, определяющие место человека в сообществе. И, разумеется, продвижения. Там важную роль играли статусные и возрастные позиции, конъюнктурные соображения, гибкость или, наоборот, радикализм характеров и позиций. Помню, как мне деликатно заметили мои старшие товарищи на семинаре, где я делал аналитический обзор нашей литературы по общей теме исследований: «Не по чину берёшь, молодой человек, аккуратнее надо быть с авторитетами». При этом содержательно все были согласны с моими оценками, а вот стилистика оказалась слишком фрондёрской. Так вот, новый журнал был призван как-то повлиять на эту ситуацию, использовать открытые, рационально обоснованные регулятивы, в целом демократические порядки, опирающиеся на академические представления о научном счастье. К этому времени журнал «Философские науки» закрылся – в 1991 году, оставался журнал «Вопросы философии», в который пробиться было очень сложно, и при университетах выходили малыми тиражами Вестники и Учёные записки. И других вариантов практически не было. Эти издания обслуживали в основном соискателей диссертаций и профессорско-преподавательский состав соответствующих ВУЗов. В них как раз процветали неуставные, но твёрдые порядки субординации. Не буду цитировать популярное некогда сочинение Ирины Грековой «Кафедра», замечу лишь, что власть в научном сообществе чувствовалась повсеместно – например, шалости со студентками считались законным бонусом за самоотверженный труд на ниве воспитания подрастающей смены.

И вот здесь была первая «просветительская» ловушка – казалось, что раз разумно, стало быть, можно сделать проект действительным! Поначалу так оно и оказалось – какой-то знакомый художник сделал привлекательный эскиз обложки, кто-то подсказал дешёвую типографию, на первый номер где-то нашлась бумага, дело было «только» за портфелем. И тут на «ура» нашлись среди коллег энтузиасты, согласившиеся на безгонорарные публикации – ради поддержки первого независимого философского журнала. Первые номера порадовали всех – и учредителей, и читателей, и нас: нас уже ко второму номеру стало двое, в редакцию вошла Люся Краснянская, замечательная женщина и превосходный редактор. Денег мы с ней не получали, казна проекта изначально была пуста. Вторая ловушка (хотя первая ещё не захлопнулась) ждала меня за пределами журнала. Я отправил около полсотни писем по адресам предполагаемых спонсоров – со всех сторон мне говорили, что такому замечательному начинанию обязательно помогут состоятельные люди, ведь это логично – помочь независимому журналу демократизировать философскую публицистику вместе с философскими профессиональными текстами. Логично, значит разумно, а разумно – значит можно сделать действительным. Вслед за письмами, которые улетели в почтовые пространства и остались без ответа, я по совету мудрых людей сам отправился по списку рассылки – пешком, в смысле лично. Был принят и даже обласкан в десятке пиаровских отделов, оставлял рекламный проспект, убеждал словами, говорил о важности и актуальности… но ничего не добился. За все время моей работы в журнале мы получили поддержку: один раз от Института философии (вышел очень содержательный номер), от фонда Сороса – на круглый стол по философии образования и от РГНФ на компьютер и принтер. И все. Моё убеждение в том, что благое дело будет востребовано, пошатнулось в первый раз. Забегая вперёд, скажу, что полностью оно было развеяно с ликвидацией РГНФ, уже много лет спустя.

Мои коллеги по институту восприняли журнал по-разному. Кто-то с восторгом, кто-то скептически, кто-то вообще настороженно: виданное ли дело! Независимый журнал! Знаем мы таких независимых, наверное, за этим стоит что-то сомнительное! Известно, что. Извест-

но, кто! Были и косые взгляды – да кто он вообще такой, откуда взялся такой прыткий – без году неделя в Институте, и уже глядишь Главный редактор! Выскочка! Карьерист! Сомнительный, амбивалентный тип! (это цитаты из личных разговоров, и из достоверных слухов и сплетен). Я был очень раздосадован таким поворотом, и моя просветительская доктрина дала мелкую трещинку. Которую, кстати говоря, удалось довольно быстро зашпатлевать успешными выпусками журнала в течение первых двух-трёх лет. Журнал выходил раз в квартал и был довольно содержательным и многотемным, у нас были авторы отовсюду – из академической среды, с периферии, из-за границы, из Академий союзных республик, из ВУЗов, в первую очередь из МГУ, ну и так далее.

Важно рассказать о контексте появления этого проекта. В 60-е гг. в отечественную культуру вернулась эпоха Просвещения. Я оперирую здесь вот таким понимаем просветительства: система ценностей, в которой разум есть критерий добра и зла, все люди стремятся к справедливости, которую устанавливает разум; нравственное сознание, совесть, долг и честь, порядочность суть плоды «естественного света разума». Как выразился А.А. Гусейнов в замечательной книге «Философские поколения», «жить по разуму»[2]. Такое понимание близко было не только интеллигенции, но и народным массам, правда не всем. Если присмотреться, там же можно было усмотреть коллективизм, альтруизм, расовую и национальную толерантность и ещё десятка два-три соответствующих ценностей.

Пролетарская культура, которую затем сменила культура развитого социализма, доказала свою нежизненность. Новые поколения людей, новые послевоенные веяния, новые социальные задачи и условия – как ледоход смели нелепые конструкции «социалистического образа мысли». Не сразу, конечно, в 60-е гг. это были первые трещины, за которыми потом последовал полномасштабный ледоход. И вот он-то как раз и пришёлся, как мне кажется, на 80–90е гг.

С одной стороны, возник запрос на понимание того, что происходит и в стране, и в её отдельных сферах – экономике, политике, культуре, религии, и самое главное – что представляет собой советский человек и каковы пути его исторической эволюции. Социализм закончился большим туманом в головах людей, и не меньшей сумятицей – в головах учёных гуманитариев. Но чтобы понять, надо было прежде сменить инструментарий познания. А с другой стороны – стали на ноги профессионалы – учёные, политики, писатели, журналисты, управленцы, – которые взялись за реформы в своих областях работы.

Начало 90-х гг. было рубежным временем для философии в нашей стране. Выход «из плена» имел несколько этапов. Прелюдией было творчество ярких, самобытных, первоклассных философов, которые шли в фарватере марксизма и практически исчерпали его потенциал – сначала Д. Лукач, за ним Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, отчасти М.К. Петров, Б.М. Кедров, В.Ж. Келле, В.М. Межуев, Ф.Т. Михайлов, В.И. Толстых и другие.

Следующее за ними поколение философов не столько были озабочены чистотой доктрины, сколько постановкой и исследованием сугубо философских проблем – науки, общества, истории, человека. Но аккуратно, чтобы не дразнить гусей, не афишируя своих неправоверных позиций. Пожалуй, только Т.И. Ойзерман решился на публичное обоснование своего «ревизионизма» [Ойзерман 2005]. В книге, собранной Ю.В. Синеокой, очень подробно показан приход в философию новых имён и новых времён. Перечислять имена не имеет смысла, практически это все заметные фигуры начала 60–70 годов. Важно отметить, что феномен шестидесятничества не ограничивался философией, хотя философы и сыграли важнейшую роль. Об этом прекрасно написано в книге Светланой Сергеевной Неретиной. Но это была смысловая раскачка, подготовка к освобождению от плена.

[2] «Это было философское движение просвещенческого типа. Его девиз можно было бы сформулировать так: "Человек может жить своим умом и должен жить им". Задача же философии – обосновать это» [Гусейнов 2022: 250].

Радикальный шаг в начале 70-х гг. был связан с работой ИНИОНа. Революционная роль этого Института уже стала предметом исследования[3]. Мне остаётся только подчеркнуть, что до эпохи ИНИОНа философы работали с литературой, как правило, «под тему», статью или книгу, курс лекций или коллективный труд. ИНИОН расширил круг литературы, которая была практически неизвестна специалистам. Интересы исследователей стали раздвигаться за счёт реферативных изданий, сборников тематических обзоров, публикации подробнейших библиографических сборников. Особый интерес вызывали справочные издания о зарубежной философии и социологии. Это немедленно отразилось на самом типе работы, на требованиях к ней, на невиданных ранее возможностях дискуссии с новыми доктринами, концепциями, теориями и т. д. В 80–90 гг. книги по философии, подготовленные уже по новым стандартам качества, большими тиражами попадали в университетские библиотеки, появилось много переводных работ, возникли супермодные авторы и влиятельные школы – ну может быть не только из-за ИНИОНа, но благодаря ему. Шлюзы распахнулись.

Второй шаг был связан с преподавательской деятельностью и публикациями шестидесятников. Философия перестала быть служанкой идеологии – как раз усилиями шестидесятников. Студент шел изучать философию не ради партийной или административной карьеры, а ради самой философии. В сочетании с качественным преподаванием это дало прорывной эффект, обучение на философских факультетах стало профессиональным, качественным, радикально поменялся этос студенчества и самого предмета. Обращаясь опять к книге «Философские поколения», нельзя не заметить, что многие преподаватели – в МГУ, ГАУГН, ВШЭ и в ряде провинциальных ВУЗов – стали настоящими наставниками, учителями профессии и жизни, определившими жизненные траектории студентов. И эту миссию они сумели передать своим ученикам, так что университетская педагогика стала настоящей школой профессионального и личного роста. Об этом пишут практически все авторы разделов книги, начиная от 80-х гг., и до самых последних, нынешних лет. Первым абзацем студенческих и научных работ уже не были мантры о съездах, классиках и основоположниках, генсеках и директивных документах. Диссертации, подготовительные работы, научные мероприятия перестали быть ритуальными словоизвержениями, они стали интересными, содержательными, разношёрстными. Вот под это дело и задумывался журнал «Философские исследования», чтобы отвечать новым потребностям нашей дисциплины, а может быть – и формировать новые контуры публикационной активности.

Третий шаг связан с появлением поколения молодых талантливых хорошо подготовленных научных кадров. Этот период уже приближался к рубежу 1990–2000-х годов. В это время стала складываться парадоксальная ситуация – кадры философов стали профессиональнее, классных книг и статей по философии стало больше, а зарплаты оставались на нищенском уровне, и проблема невостребованности философского знания стала ощущаться все острее. Возможно, не только философского, а более широко – гуманитарного – в том числе исторического, социологического, демографического. О причинах я здесь не говорю, это особая тема исследования. Но пример приведу. В 90-е годы Б.А. Грушин был введён в Президентский совет, он очень ответственно к этому относился, питал те же самые просветительские иллюзии, что может быть полезен и как учёный, и как прекрасный организатор науки. Но примерно через полгода он вышел из этого совета, убедившись, что никому там дела нет не только до науки, но и до интересов страны в целом. «Люди заняты решением личных вопросов, и все, что им мешает, они тормозят и отвергают» – так приблизительно он отзывался о приближенных к верховной власти персонажах[4]. Это был первый звоночек, не все его услышали, не все придали ему должного значения. Ведь на этом третьем этапе философия

[3] См., например, замечательное интервью с Ю. Борко: Интервью Наталии Деминой… 2019.

[4] Были исключения. И.Т. Фролов был членом ЦК КПСС (1986—1991), секретарём ЦК КПСС (1989–1990), в 1990–1991 годах – членом Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). В 1987–1989 годах – помощник по идеологии Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

обрела почву под ногами, сообщество стало зрелым и активным. Если посмотреть, например, годовые отчёты ИФ РАН, выходящие отдельными брошюрами, видно, насколько активно люди работают и публикуются. И Институт философии был не один такой продуктивный, так же плодотворно работали факультеты ВУЗов, в других городах, в других университетах. Выходило множество новых философских журналов, требования к качеству статей значительно возросло, нормальная научная жизнь стала привычной и отрадной. То есть несмотря на равнодушие к философии на верхних этажах власти, внутри сообщества дела шли прекрасно. Эта эйфория свободного поиска, совместной работы, увлекательного творчества, – только сегодня понимаешь, как она была драгоценна и, увы, недолговечна… – вот она и была пиком просветительского восторга. Эти тенденции (невостребованность и эйфория) развивались сперва параллельно, пребывая в разных социальных плоскостях. Но постепенно и плоскости пересеклись, и тенденции стали теснить друг друга. Вообще, шестидесятничество – это не временное, а культурное явление, оно, раз возникнув, длится во времени, испытывая разные превращения, и взаимодействуя – успешно и не очень – с альтернативными культурными и антикультурными тенденциями. «Философски единые поколения определяются в конечном счёте не чисто возрастными факторами, а скорее сходством ориентаций, ценностей, установок» [Мотрошилова 2022: 321].

Сегодня ситуация изменилась, она уже не может быть рассмотрена как побег из плена, однако философия теперь стала активно мешать праворадикальным кругам, теснящимся вокруг власти, и поэтому превратилась в объект нелепых, глупых, провокационных нападок проплаченных журналистов и «истинно патриотических» публицистов. Скандалы последних двух лет, связанные с наскоками на ИФ, хорошо известны. Причём, как ни удивительно, активным разоблачителем вредительской роли философии вообще и Института философии, в частности, выступает фронт бойцов патриотического призыва, включающий в себя людей, далеко не посторонних ни для философии, ни для философского сообщества – вдова А.А. Зиновьева, сотрудник ИФ А.В. Черняев, некто Д. Винник, защищавший докторскую диссертацию в Институте философии. Зато неудивительно, что возглавляет этот фронт «Царьград» К.В. Малофеева.

Сегодня можно уверенно говорить о крахе незавершённого проекта – Просвещенческой реформы. Можно усмотреть причины этого в реформах и оптимизациях образования и культуры. Начиная с детских садов, затем в школах и других учебных заведениях воспитание строится на так называемом патриотизме, правильном понимании истории страны и точно таком же правильном представлении о морали, праве и достоинстве. Можно считать СМИ тем местом, откуда тянется антипросветительская волна. Можно полагать, что кадровая политика – принимать не умных, а верных – постепенно захватила массовое сознание. А можно не обрывать этот список и считать, что все вместе и кое-что сверх того и привели к смене парадигм. Крах просветительской иллюзии – в том, что в отечественной культуре сменились вехи. Разумные правила, понимание, разум, мораль, порядочность, гуманизм – не главное в поведении. Доминанты массового поведения – преуспевание, карьера, благополучие, принципиальная беспринципность, глухота к индивиду и его достоинству. Сами по себе эти ценности, может, и не плохи, и не хороши. Но они вытеснили из пространства культуры ценности Просвещения. Поэтому их невостребованность оказалась не случайной. Трудно судить, насколько сознательно политика государственных институтов была направлена на возрождение варварства, дикости, мракобесия, – но эффект налицо. Просветительство имело огромную аудиторию, было вписано как важнейший компонент в культуру. Но сейчас ареал просветительства сжался до минимума. Гуманитарные науки и гуманитарное сознание потерпели сокрушительное поражение от идеологического дикарства и вандализма. Прекратились споры о месте и роли интеллигенции в обществе – на поверхности общественной жизни нет ни места, ни роли, ни интеллигенции, ни общества. Главное – мимикрия. Все всё понимают, но это ровным счётом ничего не значит: деньги, страх и карьеризм полностью руководят

огромным числом людей. Логика тут простая – централизация власти может быть сколько угодно неэффективной экономически, демографически, социально, культурно, экологически – это второстепенные заботы власти. Главное – сосредоточение ресурсов для раздачи милостей и наказаний. Как говаривал В.И. Ленин «политика имеет приоритет перед экономикой». И вслед за ним партийные товарищи поднимали палец вверх: «это вопрос политический!» И все соображения о пользе или вреде, эффективности или наоборот, – снимались. Антураж изменился, суть осталась. ***Инициативное послушание*** **–** это новая государственная религия, люди поклоняются совершенно очевидно лживым выдумкам, заменившим реальность. Пропаганда вынесла мозги широким народным массам. Массовое сознание стало жертвой массового гипноза, организованного безвкусно и лживо, но очень эффективно. Все базовые ценности Просвещения отвергнуты, им на смену пришли соображения подневольного страха, недобровольной лояльности, холуйства и жестокости.

Контекст более или менее понятен. Вернёмся к журналу. Активная фаза выхода журнала – с 1993 по 1995 годы, затем годичный перерыв, связанный с моей стажировкой в Германии. Следующая фаза начинается с 1996 года. Времена, как все помнят, непростые. Слом всей «надстройки», если пользоваться прежней терминологией. Атаки на Академию. Месяцами не платили зарплату, и без того мизерную. Исход учёных из институтов. Лихорадило не только науку, но и весь общественный организм. Либеральные реформы и либеральные ценности стали ширмой, за которой творились кровавые дела. Естественно, это отражалось и на ситуации с журналом. То спад, то подъём. Каждый номер – победа в борьбе со многими трудностями. В 2003 г. – попытка возрождения, смена учредителей, надежда на поддержку, на подписку, которую мы осуществляли через каталог журнальных изданий.

Первые годы были самыми продуктивными. Здесь нет возможности подробно излагать историю журнала, да это и не входит в мои намерения – речь-то идёт не столько о журнале, сколько о расцвете и закате просветительских настроений, уже через призму журнальной истории. Но некоторый фактический материал все же необходим для понимания сути дела.

Уже во втором номере – он вышел в 1993 году – оглавление выглядело весьма недурно. Открыла номер статья Нины Степановны Юлиной «Ведение в философию: два подхода», задавая тем самым просветительско-педагогический вектор направленности журнала. Ей вторили статьи Ф.Т. Михайлова «Философские традиции и исторические практики», В.С. Степина и П.С. Гуревича «Философская антропология: очерк истории (программа курса)», французской исследовательницы Катрин Малабу «Преподавание философии во Франции: прошлое и будущее», разработка идеи культурно-образовательного центра как альтернативной образовательной стратегии командой под руководством Ф.Т. Михайлова. В рубрике «Философия в жизни» опубликованы статьи А.Ф. Зотова и Н.М. Смирновой «Метафизика свободы», последняя статья Юрия Александровича Замошкина «Бизнес и мораль» (увы, с некрологом), тексты Б.В. Дубина и А.В. Толстых, публикация в переводе трёх лекций К.Г. Юнга «Аналитическая психология и воспитание», статьи наших зарубежных коллег, которые продолжили сотрудничество с нами и в последующих номерах – это Евгений Ламберт с воспоминаниям о Борисе Пастернаке, Якоб Шер из Франции с программной статьёй «Россия – Восток или Запад?» Надо сказать, что многие темы потом стали предметом очень широких дискуссий в академической литературе, правда без ссылок на журнал. Сначала мы не обращали внимания на это – важен ведь не приоритет, а сам факт запуска тематики в научный оборот. Потом это стало огорчать, но не слишком. А вот когда обобщающие исторические сборники о текущей философской жизни вроде книги «Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры» [Философский журнал… 2017] вообще не упоминают о «Философских исследованиях», это неприятно удивляет.

В дальнейшем журнал пытался держать баланс между теоретическими статьями и прикладными исследованиями. Ну вот, например, в номере 2 за 1995 год была статья Ф.Т. Михайлова «Креативность самосознания: способ полагания проблемы». Это был сжатый про-

спект большой работы, которая потом превратилась в серию публикаций, в том числе и книжных. Моя статья «Подходы к исследованию сознания» была результатом работы над темой сектора Б.А. Грушина о реальности общественного сознания в нашей стране. А.И. Миракян в статье «Начала трансцендентальной психологии восприятия» изложил результаты многолетней экспериментальной работы своей лаборатории в Институте психологии по моделированию восприятия. Тот же Е. Ламперт, авторитетный английский мыслитель русского происхождения, дал очень глубокие размышления «О путях русской интеллигенции». М.И. Штеренберг размышлял «Об экономическом и духовном смысле истории». А чтобы не засушить читателя, мы придумали рубрику «Вероятное и неочевидное», в которой печатали рискованные, иногда завиральные статьи с парадоксальными идеями и мыслями.

Мне как главному редактору доводилось писать то вступительные статьи, то просто публиковать свои работы, среди которых мне больше всего запомнился перевод с английского (и с немецкого, я сверял тексты) книги Халила Джибрана «Пророк» (в № 2 за 1997 год.) Этот текст меня очень взволновал, я решил рассказать о нем свои детям, но увлёкся и решил его перевести целиком. Переводил его чуть не полгода, чтобы сохранить прелесть и колорит оригинала, ведь автор – ливанец, почти всю жизнь проживший в Америке, сам был как пророк, по крайней мере его считали просветленным. В этом же номере вышла и последняя статья Саши Толстыха, он внезапно умер в самом расцвете своей научной карьеры, был полон замыслов и надежд… Статья тоже очень важная для него – «Три грани личности», он собирался развивать свои схемы и в книги, и в эмпирические исследования по социологии образования.

Пробовали мы активные методы работы с авторами, такие, как круглые столы, приглашая видных специалистов с известными именами. Один такой круглый стол получил поддержку от фонда «Институт Открытое общество», в № 1 за 1999 год напечатан обзор круглого стола по философии образования. Там выступали Н.С. Юлина, В.П. Зинченко, Ф.Т. Михайлов, Н.Т. Абрамова, О.А. Воронина, В.В. Пирожков, другие учёные.

Было много и других интересных эпизодов в истории журнала, но не они служат предметом нашего интереса. Заметно было, что к концу десятилетия – 90-х гг. – издательская стратегия журнала начала буксовать. Несмотря на подписку через Роспечать, которая приносила какие-то деньги, их не хватало на типографские расходы, не говоря уже о том, чтобы печатать статьи авторов бесплатно. Идеологическая неангажированность журнала – принципиальная! – обернулась всеядностью, стремление демократизировать процесс публикаций привело к «демократизации» смыслового содержания текстов. Номера стали какими-то вялыми, невкусными, общая усталость и уныние проникли и на страницы «Философских исследований».

К концу тысячелетия мы столкнулись с проблемами. Появилось много новых журналов, куда более обеспеченных ресурсами, молодыми талантливыми сотрудниками, стали проявляться совершенно иные издательские стратегии и идеологии. Наверное, смысл нашего издания исчерпал себя, но мы – Л.А. Краснянская уже к тому времени уехала жить в Германию, – теперь мы были в компании с Т.Б. Дегатьковой – не поняли вовремя этих изменений. Журнал стал неинтересным, у него не было ни ВАКовского статуса, ни возможностей как-то привлекать качественные статьи. Последняя попытка спасти проект была предпринята мной кажется году в 2002–2003. Я собрал 45 подписей наших ведущих сотрудников из ИФ под письмом в ВАК, чтобы журнал включили в перечень ВАКовских журналов. К этому времени у нас уже была подписка через Роспечать[5], – это было одним требованием, затем другие условия заключались в том, чтобы у журнала были выпускающие инстанции, и у нас появи-

[5] Подписной индекс 82 947.

лась редколлегия[6] и редсовет[7], новый учредитель – Некоммерческое партнёрство «Пространство книги», то есть формальные требования были соблюдены. Но письмо осталось без ответа, а проект – без поддержки.

На смену просветительским иллюзиям, прекрасным, но не сбывшимся, пришли новые ориентации, которые мне казались – может быть и напрасно, может быть и необоснованно – эдаким родом философского пиратства, когда жадная погоня за новым – новыми идеями, новыми именами, новыми книгами – вытеснила прежние режимы и чтения, и писания, да и работы вообще. Карьерные соображения сами по себе совершенно естественны, даже можно и нужно их приветствовать, но их примат над самостоятельной, авторской, в каком-то смысле бессребренической работой меня коробил. Модными становились высокомерное самолюбование, птичий язык, нагромождение зауми и многозначительных метафор, чудовищного субъективизма, напрочь забывшего о дискурсивных обязательствах, ну и много чего другого. Но дело не в том, что творилось вокруг, дело в том, что идея журнала была исчерпана, а у нас не хватило ни возможностей, ни желания настаивать на продолжении банкета.

Гайденко П.П. 1987. *Эволюция понятия науки: формирование научных программ Нового времени (XVII–XVIII вв.)*. – М.

Грушин Б.А. 1987. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования*. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

Гусейнов А.А. 2022. Философия шестидесятников как общественное явление. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.

Интервью Наталии Деминой… 2019. Интервью Наталии Деминой с Юрием Борко. – *Троицкий вариант-Наука*. – № 14(283). – 16 июля 2019 года. – Доступно: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434796/Tak_sozdavalsya_INION. – Проверено: 23.03.2023.

Михайлов Ф.Т. 1990. *Общественное сознание и самосознание индивида*. – М.: Наука.

Мотрошилова Н.В. 2022. О моем поколении. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.

Ойзерман Т.И. 2005. *Оправдание ревизионизма* / Институт философии РАН. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». – 688 с.

Философские поколения… 2022. *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.

Философский журнал… 2017. *Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры*. Отв. ред.-сост. А.А. Гусейнов, Б.И. Пружинин, науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М., СПб. – 471 с.

[6] В.Л. Васюков, А.А. Воронин, А.В. Гобечия, Г.В. Гриненко, А.А. Гусейнов, Т.Б. Дегаткова, А.Л. Доброхотов, В.К. Кантор, Л.А. Микешина, И.К. Лисеев,, Б.В. Орешин, В.В. Пирожков, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин.

[7] В.И. Аршинов, Л.П. Буева, П.П. Гайденко, Е.Д. Горжевская, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, И.К. Меркулов, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, О.Ю. Фадина, Н.С. Юлина.

ВОСПРИЯТИЕ ШКОЛЬНИКОМ ИЗВЕСТИЙ ОБ АРЕСТОВАННОМ ДЯДЕ (ПО СОБСТВЕННЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

Н.А. Мининков
Южный федеральный университет

Аннотация: *Современное гуманитарное исследование предполагает необходимость активной эвристической работы, направленной на поиск личных воспоминаний. В нём особое внимание уделяется субъективному восприятию исторических событий, явлений и процессов. В частности, это относится к воспоминаниям детей, сознание которых начинало формироваться, и которые по-своему воспринимали ход исторических событий. В статье приводится фрагмент авторских воспоминаний известий о дяде, известном советском и российском историке Н.Н. Покровском, отбывавшим 6 лет по делу группы Краснопевцева-Ренделя.*

Ключевые слова: *мемуаристика, детские воспоминания, группа Л.Н. Краснопевцева-Л.А. Ренделя, историк Н.Н. Покровский.*

Воспоминания о детстве как источник знания о восприятии детьми исторических событий и явлений

Исследование в гуманитарных дисциплинах и в рамках проблематики по социологии, политологии, культурологии представляет собой не только анализ эмпирического материала, его генерализацию, построение концептуальных положений и выводов. Оно имеет исключительно значимую эвристическую часть, когда исследователь имеет дело с поиском материалов по архивам и по публикациям. Также к эвристике относится своего рода так называемая полевая работа, когда исследователь в поисках материала связывается с конкретным лицом – носителем интересной информации. Такое исследование представляет значительную ценность, поскольку такая информация, которая хранится в памяти определённого лица, дело временное. Носитель этой памяти может или не захотеть по каким-то причинам делиться с ней, или вообще не сможет быть достигаем для исследователя, или даже окончит свои дни. Поэтому, как показывает практика, со сбором такой информации следует торопиться. Она ценна, поскольку выражает субъективный взгляд на события в истории и культуре общества, то, как они воспринимались в сознании человека и в каком виде они сохранились в нем, ка-

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.8589

ковы тенденции рассказа этого носителя информации, какие смыслы, прямые и скрытые, этот рассказ содержит.

Не менее значимой в этом отношении может быть информация из личных воспоминаний, из дневников и писем. Не случайно поэтому за последнее время такой интерес историков и других представителей социально-гуманитарного научного знания направлен на эти источники, называемые нередко эго-документами. Ещё не столь уж давно субъективность их рассматривалась как недостаток, поскольку стояла на пути объективной оценки описываемых в них событий. Однако теперь исследователи видят в ней существенное достоинство. Она позволяет понять место человека в событиях истории, отношение его к этим событиям и событие сквозь призму личности, её сознания и судьбы, как особую форму культуры человека и общества [Источниковедение… 2015: 352]. Но в связи с таким интересом не менее важной является работа исследователя с носителем информации. Она представляет собой его расспрос, причём в наши дни на основе опыта подобной работы для неё уже выработаны определённые правила.

Как особенность современной исторической науки выступают попытки осуществления в трудах исследователей идеала тотальной истории, с которым выступили основоположники школы «Анналов» ещё накануне второй мировой войны [Гуревич 2014: 82]. Однако эта задача настолько многосторонняя, что она может быть осуществлена в целом ряде направлений научного исследования. Одним из таких направлений являются гендерные исследования, в которых факты, события, явления и процессы определённого исторического времени и определённой социокультурной среды рассматриваются в свете восприятия их женщинами этого времени. В меньшей степени, чем истории гендерной, истории газами женщин, уделяется внимание истории детской. Это, конечно, не случайно. Детское отражение действительности в сознании кажется наивным, неполным, избирательным в большей степени, чем в сознании взрослого человека, да зачастую оно так и есть. Также детские впечатления хуже отражены в традиционных источниках, в первую очередь в источниках письменных. Тем не менее, подобное направление в историческом и вообще в социально-гуманитарном познании исключительно актуально. Оно позволяет более полно представить картину жизни общества изучаемого времени, понять его сквозь призму сознания человека, личность которого находится в стадии формирования, и сознание которого начинает проникаться ходом истории [Арьес 2011: 10–15].

При работе по сбору воспоминаний о детстве следует учитывать, что в сознании взрослого человека детство вспоминается сквозь призму его собственного социального опыта. И поэтому следует учитывать, что в данном случае исследователь сталкивается с субъективностью особого рода, когда факты детского времени, отложившиеся в сознании, с неизбежностью переплетаются со знанием, которого ещё не было у ребёнка, и с тем, что для ребёнка было туманным будущим, для взрослого было уже прошедшим временем. Тем не менее, как справедливо отмечала современный исследователь М.В. Ромашова, «следы» детей можно обнаружить в любом «взрослом» документе, свидетельстве, так как детские практики неразрывно связаны со взрослыми» [Ромашова 2020: 172].

Авторские воспоминания о дяде и об известиях о его пребывании в советском лагере для политзаключённых

Все это, кажется, следует учитывать каждому при репрезентации своих детских воспоминаний. Поэтому и в моем сознании воспоминание о моем дяде, Н.Н. Покровском, тесно переплетается с обстановкой, с частным домом на ростовской Богатяновке, на спуске по Крепостному переулку, куда дядюшка приезжал в отпускное время на родину, к своей маме, а моей бабушке, Т.А. Прасоловой. Был он, как я помню, шумный и весёлый, рассказывал много интересных историй…

Но как-то, когда я уже пошёл в школу, заметил, что дядя летом не приехал, а затем и следующим летом. По обрывкам разговоров взрослых. бабушки, мамы, отца, я стал подозревать, что с дядей что-то неладно. И что он даже в тюрьме. В нашем районе Ростова сделать такой вывод было нетрудно. Время было, в общем, послевоенное, сидели по соседству многие, и, конечно же, по уголовным статьям.

Помню, как сейчас, новогодний вечер, я, второклассник, у бабушки на Крепостном. Вышли мы на веранду, шел обычный в Ростове зимний дождь. И я прямо спросил бабашку: дядя Коля сидит? И бабушка столь же прямо ответила: да. А затем разъяснила, что взяли его не за уголовку, как наших здешних, богатяновских. Но за политическое выступление со своими товарищами. Как я узнал, дядя был арестован вместе с группой своих товарищей и получил шесть лет лагерей.

На тему политики, репрессий при Сталине, я уже к тому времени наслышался дома. Меня эти разговоры уже в то время интересовали, кое-какие рассказы я слышал от бабушки. Например, она рассказывала, как через некоторое время после окончания Великой Отечественной войны её вызвали в местное отделение госбезопасности, поскольку знали, что в период гражданской войны она была связана с эсерами. Какой-то, говорила она, офицерик-эмгебешник предложил ей написать список ростовских эсеров, кого она знает. Она написала, и её отпустили. Через несколько дней её опять вызывают и спрашивают: что вы написали? Она сказала, что написала тех, кого знала. Да они же все уже умерли, сказал этот офицерик. А я больше никого не знаю, сказала бабушка. Они от неё добивались ещё сведений, но ничего не добились, и её отпустили. А время же было послевоенное и очень мрачное. Эта история произвела на меня впечатление. Она ещё более усилила недоверие и нелюбовь к компетентным органам, которая на Богатяновке как бы даже висела в воздухе, а выражение «протокольная рожа», которое я неоднократно слышал с детства от местных людей, очень хорошо отложилась в памяти.

Конкретных подробностей дела я тогда не знал, узнал о них позже. Но заметил, что бабушка каждый год покупала справочник движения поездов, поскольку летом ездила к дяде. Некоторые подробности поездок она рассказывала. В Рязани II с ростовского поезда, шедшего до Москвы, она делала пересадку и переходила на Рязань I, где поезда шли в сторону Волги и Урала, мимо Мордовской АССР, где находились известные ещё со сталинского времени лагеря. На одной из станций она пересаживалась на рабочий поезд и ехала в сторону лагерей, где находился дядя, и где разрешались свидания. Там они и виделись. Помню, одно лето она особенно была тревожна после приезда. Это было тогда, когда все проходившие по этому делу, в том числе дядя, держали голодовку [Матханова 2020: 75–76], что в дальнейшем отрицательно сказалось на его здоровье. Позже я узнал, что голодовка им ничего не дала, и высшее руководство Советского государства отказывалось обратить внимание на эту группу заключённых. Но после последующих поездок я уже её больше такой тревожной не видел. В одну из поездок она повезла дяде офицерский китель моего отца, который сохранился ещё с Великой Отечественной войны, как сравнительно тёплую одежду. Отец, конечно же, дяде глубоко сочувствовал. Дядя в нем, как рассказывала бабушка, некоторое время ходил, но затем у него эту одежду отобрали, поскольку заключённому в таком ходить не положено. После одной из поездок она рассказала, как в вагоне рабочего поезда перед выходом проходила колонна заключённых. Один из пассажиров, местный, при виде её сказал: «Вот она, хрущевская гвардия», конечно же, с сочувствием не к тюремщикам, но к заключённым. Такие рассказы глубоко западали в память школьника, в том числе и противоречием между жизнью и школьной программой.

Время шло. Ближе к 1963 г., когда дядя, отбыв шестилетний срок, вышел на свободу, я уже узнал о группе Краснопевцева-Ренделя, к которой принадлежали молодые преподаватели МГУ и других московских научных центров. Дядя к тому времени был уже кандидатом исторических наук, поскольку защитил под руководством академика М.Н. Тихомирова кан-

дидатскую диссертацию о черносошных крестьянских общинах севера Московского государства в XV–XVI вв. Я также узнал, что группа резко выступала против советского руководства и Н.С. Хрущева. Но не за критику сталинских преступлений, а за то, что этой критики было явно недостаточно, что все прикрывалось формулировкой с каким-то «культом» какой-то «личности», который, как говорилось в Постановлении 1956 г., не мог изменить природы советского социалистического строя. Говорили они и о том, что по своим интеллектуальным и моральным качествам Н.С. Хрущев не был готов к руководству партией и правительством, и что он не в меньшей степени, чем другие, виноват в преступлениях сталинского режима, когда занимал высший партийный пост в Украине. Я также узнал, что группой делались попытки вести работу с теми, кто прибыл на фестиваль молодёжи и студентов 1957 г. в Москву.

Несомненно, что известия о дяде, которые привозила бабушка из ежегодных поездок на свидания с ним в Мордовию, сказывались на формировании уже в более старших классах моего мировоззрения. Во всяком случае, мои антисталинские настроения определились к тому времени вполне. Но я также не помню, чтобы на уроках истории наши учителя (Мария Павловна, Таисия Ивановна) допускали какие-то высказывания в защиту Сталина, его славословия, спасибо им за это.

Но это определило и мои расхождения с оценкой Н.С. Хрущева, которые давала группа Краснопевцева-Ренделя. Так, мне казалось, что было бы справедливо дать положительную оценку даже ограниченной критике Сталина, которая содержалась в материалах XXII съезда КПСС. При историческом же XX съезде КПСС, которое было лучшим событием всей послевоенной советской истории, я ещё был маленьким. И поэтому не мог быть в курсе того, о чем на этом съезде шла речь. Впрочем, и дядя в дальнейшем понял, что при Н.С. Хрущеве, на XX съезде КПСС, было принято исключительно важное решение, после которого массовые репрессии стали в стране невозможны.

Помню приезд дяди после освобождения в 1963 г. Конечно же, за это время он изменился внешне весьма сильно, выглядел постаревшим, даже значительно. Советский лагерь здоровья не прибавлял. Как рассказывала бабушка, их кормили хорошо, когда они были на тяжёлых работах. А обычно так себе, например, суп с селёдочными головами. Во всяком случае, заработал он в этом лагере в Мордовской АССР язву желудка. Но по-прежнему он был живым и общительным. Поскольку жить в столицах ему не было разрешено, то его учитель, М.Н. Тихомиров, помог ему устроиться в Суздальский музей. А через некоторое время в формировавшийся академический центр в Новосибирске. Он передал центру свою богатую библиотеку с условием принятия в штат сотрудников к.и.н. Н.Н. Покровского. Интерес свой к политике он при этом не утратил. И, как я помню, когда приезжал на родину, в Ростов, привозил с собой небольшой приёмник и слушал радиоголоса, кое-что рассказывал из того, что услышал. Это, конечно, не Youtube, который мы слушаем ныне, но кое-что могло доходить до советских людей сквозь глушилки.

В дальнейшем, в ходе своей работы, Н.Н. Покровский возглавил сектор археографии и нашёл в ходе своих экспедиций к сибирским старообрядцам в Горный Алтай, в Тувинскую АССР, немало ценных рукописей. Среди них, в частности, судный список Максима Грека и Исака Собаки, этот сибирский список дополнял сведения об этом деле, известные по списку, относящемуся в XVIII в. Но в этом известном ранее списке было начало рассказа о суде над Максимом Греком, включая обвинительную речь. Алтайский список был по объёму больше известного ранее. Он содержал сведения о не только об обвинении, но и о защитной речи самого Максима Грека, и некоторые подробности о его жизни в Московской Руси [Покровский 2013: 303]. История находки и изучения этого сборника конца XVI в. и начальной стадии её изучения рассматривается в статье Л.И. Журовой [Журова 2020: 88–98]. Подробности же самой экспедиции, история приобретения рукописи у алтайских старообрядцев, хода работы по её реставрации, а также общий анализ содержания излагались Н.Н. Покровским

[Покровский 1984: 84–109]. Принято считать, что в результате экспедиций во главе с Н.Н. Покровским произошло «археографическое открытие Сибири». Было найдено ещё немало рукописей, организованный им сектор археографии продолжает свою работу после его кончины в 2013 г., выпускает сборники, в том числе с публикацией найденного материала.

Детские воспоминания переходили в воспоминания старшего школьника, студента, а затем взрослого. Характерно, что противоречий между ними с возрастом не возникло. Появлялись только дополнительные сведения о группе, о судьбах идей, которые она вынашивала, и о судьбах некоторых людей, проходивших по делу. Казалось бы, идеи, с которой выступала группа, потерпели поражение. Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. Развернулась хозяйственная реформа, проводившаяся предсовмина А.Н. Косыгиным. В 1968 г. советскими танками была раздавлена Пражская весна. Помню, как резко он отзывался об этой интервенции, говоря, что всякое вооружённое вторжение в чужое государство незаконно и преступно. Поэтому крушение режима в 1991 г. он встретил положительно, с большой надеждой. Которая постепенно, после 2000–2003–2007 гг. стала улетучиваться. В дальнейшем иллюзий он уже не строил. И едва ли удивился бы чему-то, если бы вдруг оказался сейчас среди нас.

А детские воспоминания глубоки и прочны. И они помогают дополнить облик историка и археографа, вносившего свой вклад в науку и в борьбу за свободу, пока что безуспешную.

Арьес Ф. 2011. *Время истории* / пер. с фр. и примеч. М. Неклюдовой. – М.: ОГИ. – 304 с.

Гуревич А.Я. 2014. *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. – М.; СПб.: Университетская книга. – 432 с.

Журова Л.И. 2020. «Судные списки Максима Грека» в творческом наследии Н.Н. Покровского. – *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39)*. – Новосибирск, 2020. – С. 88–98.

Источниковедение… 2015. *Источниковедение: учеб. пособие* / И.Н. Данилевский, А.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: Изд-во ВШЭ. – 685, [3] с.

Матханова Н.П. 2020. Письма Н.Н. Покровского к матери (1950-е – 1965 гг.): Информационный потенциал и проблема достоверности. – *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39)*. – Новосибирск. – С. 66–87.

Покровский Н.Н. 1984. *Путешествие за редкими книгами*. – М.: Книга, 1984. – 191 с.

Покровский Н.Н. 2013. *Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках*. – Новосибирск: Православная гимназия имени Преподобного Сергия Радонежского. – 444 с.: цв. ил.

Ромашова М.В. 2020. Занимательное источниковедение: история детства. – *Вестник Пермского университета. История*. – Вып. 3 (20). – С. 172–178.

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ДИСКУССИИ

Ю.В. Синеокая
Институт философии РАН,
Н.И. Кузнецова
Институт истории естествознания и техники РАН,
Г.Л. Тульчинский
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация: *В данном разделе представлен конспект выступлений Ю.В. Синеокой, Н.И. Кузнецовой и Г.Л. Тульчинского на всероссийском онлайн-семинаре «Русская мысль и политика», состоявшемся 20–21 января 2023 г. и посвящённом теме «Феномен шестидесятничества в советской философии: интеллектуально-политический потенциал поколения».*

Ключевые слова: *философия поколения, шестидесятничество, советская философия.*

Своё выступление **Ю.В. Синеокая** (зам. директора Института философии РАН по научной работе, член-корреспондент РАН, профессор, доктор философских наук) начала с воспоминания о том, что идея книги «Философские поколения» возникла у неё ещё в 1990-х. Одним из импульсов к её созданию стала публикация в 1991 статьи Дмитрия Галковского в «Независимой газете», написанная в форме письма к Михаилу Шемякину по поводу издания книги о людях и культуре шестидесятых годов – «Энциклопедии Высоцкого». Автор «Бесконечного тупика» охарактеризовав шестидесятников «людьми с человеческим лицом… и булыжником вместо сердца» обвинял их в карьеризме, инфантильности, эгоизме, «нравственном дальтонизме», круговой поруке и корпоративности, в том, что они лишили карьерного роста следовавшие за ними поколения: «Шестидесятники были крепкими ребятами, забивавшими железными копытами насмерть всех и вся. Их детство и отрочество – да, кто же спорит, – были ужасны. Но по сути-то – это поколение победителей. Старшее – военное – было просто уничтожено, что создало неслыханные возможности для карьеры. Для людей, родившихся в 30–40-х, весь мир был у ног… Шестидесятники прошли по головам слабо сопротивлявшихся и малочисленных старших братьев и отцов, сожрали и изгадили золотой запас природы, капитал будущих поколений…». Желание разобраться в конфликте поколений и ответить на несправедливые претензии к поколению шестидесятников, звучащие в XXI столетии все чаще, во многом определили появление книги, представляющей собой

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.9094

собрание свидетельств от первого лица представителей разных поколений отечественного философского сообщества.

Анализируя поколение шестидесятников как «особый народ» (по А. де Токвилю) Ю.В. Синеокая выделила такие его отличительные черты как коммуникабельность, вера в товарищество, солидарность, открытость миру, убеждённость, что наука вообще, и философия в частности, дело коллективное. Она охарактеризовала это поколение как универсалистское и вселенское. Отметила, что возможность коммуникации, ощущение себя звеном в культурной традиции, делало жизнь шестидесятников реальной и полноценной. Опираясь на фактический материал она сделала вывод о том, что личная вовлеченность в культурную традицию и идеал свободного, открытого научного сообщества, главными критериями успеха в котором являются профессионализм и талант созидания новых смыслов, – были поколение созидающими ориентирами шестидесятников. Представителей этого поколения отличало искусство счастливо жить своей работой, умение видеть в потоке повседневности ориентиры будущего, талант жить в становящейся традиции, фиксировать и анализировать живые смыслы.

Обращаясь к философскому наследию шестидесятников Ю.В. Синеокая назвала ряд книг, ставших, по её мнению, «визитной карточкой» этого поколения, это – монография Пиамы Павловны Гайденко «Трагедия эстетизма. Опыт характеристики миросозерцания Киркегора», труд Эриха Юрьевича Соловьева «Непобеждённый еретик (Мартин Лютер и его время)» и трилогия Валерия Александровича Подороги «Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX века».

В заключение Ю.В. Синеокая обратилась к одному из последних интервью Нелли Васильевны Мотрошиловой студенческому журналу МГУ «Финиковый компот», в котором она размышляя над вопросом «Каков мог бы быть статус философов в выработке, если таковая необходима, современной идеологии в России?» говорит о том, что идеологию в современной России формируют сегодня не профессиональные философы, а политологи, общественные деятели, известные деятели культуры, и т. д., поскольку общественный запрос, предъявляемый к философам, никогда не был в России так мал, как последние годы. В то же время выработка фундаментальных идей и ценностей – задача философов. «Если идеологией занимаются не философы, мы приходим к варварству», – этот вывод Н.В. Мотрошиловой, подтверждённый новейшей историей, можно рассматривать как завещание поколения шестидесятников тем, кто пришел им на смену.

В своём выступлении **Н.И. Кузнецова** (главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, доктор философских наук, профессор), обращаясь к эпохе 60-х годов XX столетия, отметила, что одним из важнейших философских поисков того поколения, было страстное желание научиться *правильно мыслить* сложный социальный мир. Ключевым здесь выступало понятие рефлексии – казалось бы, давний историко-философский концепт, идущий от Локка и играющий решающую роль в Гегелевской системе при моделировании любого развития, идущего, что называется, «вверх», т. е. прогрессивно. Однако лидер Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкий в одном из публичных докладов решительно заявил: «Слово «рефлексия» было, но понятие построено не было. Теперь это наша задача». Для ММК в 60-е годы рефлексия стала повседневной мыслительной практикой, правилам которой обучали новичков. Казалось, что «оптимизировать» (рационализировать) любую деятельность – научную и практическую, а также собственную жизнедеятельность, – можно было только за счёт филигранного рефлексивного анализа. И ММК накопил огромный опыт в своём стремлении «отрефлексировать всё и всех». Одновременно шло обсуждение теоретических аспектов рефлексивного анализа. При этом «по умолчанию» было фактически запрещено понимать рефлексию как-то психологически (как сознание, осознание, самосознание и т. п.), следовало искать иную категоризацию.

Сегодня можно указать, что разработки ММК и близких к нему философов (В.А. Лефевра, трудившегося в те времена в так называемом «почтовом ящике», и М.А. Розова, который работал в Новосибирском Академгородке) можно разделить на три группы. Безусловно, сегодня можно зафиксировать: предложены три модели рефлексивного анализа, каждая из которых стремилась отразить «сложностность» различных социо-культурных, экономических и политических процессов. В модели Лефевра моделировались ситуации конфликта (в простейшем случае – спортивный поединок, скажем, двух шахматистов) и было показано, что «выигрывает» тот, кто сумеет мыслительно воспроизвести рефлексию обоих противников – как самого себя, так и другого. По крайней мере, именно такая работа и есть путь к «выигрышу». В дальнейшем Лефевру (который с 1974 г. работал в США) удалось показать, что ситуации непримиримых противоречий (принципиального непонимания) связаны с различной фокусировкой ценностей, а не только явно поставленных целей и задач. Рефлексивные модели могли и помогали воспроизвести «невидимые» компоненты наличной социокультурной деятельности. В моделях ММК ведущее место занимала задача проектирования различных социальных практик. Оптимизация деятельности связана с «рефлексивным выходом» из совершаемых действий, пересмотром на «рефлексивном табло» соответствия исходного материала, средств и операциональных процедур поставленным задачам. Реализуя «рефлексивный выход», методолог должен был далее совершить «рефлексивный вход» в наличную деятельностную практику и провести необходимые преобразования в ней. Модель ММК была «двухпозиционной» и, казалось бы, не допускала введения никаких дополнительных позиций. Однако М.А. Розов усложнил рассмотрение рефлексивных систем, указывая, что аналитик, прежде чем начать действовать практически, должен занять особую, исследовательскую (надрефлексивную) позицию, направленную не на то, чтобы изменить рефлексию и за этот счёт оптимизировать деятельность, а на то, чтобы *описать* рефлексию системы и её воздействие на функционирование системы. Его модель следует назвать дескриптивной, в отличие от проективной модели рефлексивного анализа ММК. Однако именно такая «трёхпозиционная» модель открывала возможность проанализировать ту социальную действительность, которая была представлена в таком романе, как, скажем, «1984» Оруэлла, и подобных ему. Модель М.А. Розова наглядно показывала, каким образом одно и то же действие может быть описано различным образом и как на одном и том же «материале действия» можно преследовать различные цели и задачи (реализуя так называемое рефлексивное переключение). Три модели рефлексивного анализа в какой-то мере дополняли друг друга, и все они подготовили мышление философских «шестидесятников» к интеллектуальной работе в крайне усложнившемся современном мире.

В выступлении **Г.Л. Тульчинского** (профессора НИУ-ВШЭ, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки РФ) обсуждалась проблема роли логики и методологии науки 1960-х гг. Он отметил, что при обсуждении темы шестидесятничества в отечественной философии обычно выделяются две линии развития, условно говоря – «марксистская» и «анти-марксистская». Первая связана с обращением к наследию К. Маркса в попытках формулировки как «аутентичного» марксизма, так и его применения к осмыслению социальной реальности второй половины XX столетия. Обращение к ранним рукописям К. Маркса, издание или широкое цитирование работ европейских неомарксистов, доступная информация о югославском эксперименте – все это создавало поле для острых дискуссий. Уникальные условия Академии наук с относительно спокойной рабочей атмосферой, без идеологического и административного прессинга, свойственного вузовской науке, создала предпосылки формирования таких оригинальных, самобытных мыслителей, как Г.Б. Батищев, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, С.Б. Крымский, М.К. Мамардашвили, М.В. Попович, Э.Ю. Соловьев и др.

Не менее важен был круг «нефилософской философии», реализующейся за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу. В отечественной философии много тому примеров: такие яркие и глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С.С. Аверинцев,

М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, Л.С. Выготский, Л.Н. Гумилев, С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.А. Любищев, Б.Ф. Поршнев, В.Б. Шкловский – не профессиональные философы, но их идеи входят в ткань общественной мысли, определяя содержание концептуализаций профессиональных философов. Для российской философии вообще характерна философская канонизация нефилософского философствования. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры – П.Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский, П. Савицкий и др. – не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В. Соловьев был отстранён от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой?

Помимо отмеченных двух линий шестидеятнической философии представляется важным выделить ещё одну – логико-методологическую. Речь идёт не только и не столько о ныне широко известном «московском логическом кружке» (1952–1958 гг.), идейными лидерами которого на разных этапах были А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий. МЛК сыграл исключительно важную и продуктивную роль катализатора, своего рода инкубатора в развитии логической и в целом интеллектуальной культуры послевоенного СССР. С ним связана начальная стадия деятельности М.К. Мамардашвили – пионера развития феноменолого-герменевтической традиции. Из кружка вышло целое движение методологов, связанное с кругом идей организационно-деятельностных игр Г.П. Щедровицкого, а также с идеями интеллектики и интеллектуальных систем И.С. Ладенко. Участники МЛК так или иначе участвовали в становления советской прикладной социологии (Б.А. Грушин), прикладной информатики (В.К. Финн, Д.Г. Лахути), активно сотрудничали с математиками, филологами и лингвистами, «тартусско-московской семиотической школой».

Идеологический нажим на интеллектуальную и духовную культуру, на философию прежде всего неизбежно способствовал росту привлекательности логики как рациональной интеллектуальной деятельности, приобретающей в атмосфере всеобщего полузнайства образ оазиса философского профессионализма. Сказывалась и популярность программы логического позитивизма в методологии науки. В результате логика приобрела статус чуть ли не единственной в философии ниши, относительно независимой от идеологии сферы профессиональной мысли. Иначе говоря, часть здоровой интеллектуальной элиты под воздействием специфических культурогенных факторов, прежде всего – мощного внешнего идеологического прессинга, и образовала весьма своеобразное научное сообщество, каковым была советская логика и методология науки 1950–1980-х, и для которого логика была «больше, чем логика».

В собственно философской среде очень быстро сложилось мощное направление исследований по логике и методологии науки (П.В. Копнин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, В.Н. Садовский, В.С. Степин и многие другие), идеологическим прикрытием которого стала критика неопозитивизма (логического эмпиризма), зарубежной аналитической философии и философии науки. Логическая проблематика выступила мощным катализатором самостоятельной, независимой мысли, интеллектуальной культуры в СССР второй половины XX-го столетия. В том числе – одним из источников советского и постсоветского инакомыслия (А.С. Есенин-Вольпин, А.А. Зиновьев) и либерализма.

Собственно же логика в советское время организационно сложилась в структуру, имевшую сравнительное небольшое, но сплочённое ядро, и разветвленную периферию. Ядро составляли отделы и секторы логики и методологии науки в институтах философии Академии наук (Москва, Киев, Новосибирск, Ереван), а также кафедры логики ведущих университетов (московского, ленинградского, уральского, ростовского, киевского и др.). «Периферию» же образовывали философы, получившие логическое образование и занимающиеся логической проблематикой, но работающие на кафедрах философских и других гуманитарных дисциплин, или в средней школе, или в каких-то научных учреждениях, или на производстве, в ор-

ганах управления. В результате вокруг «ядра» сложилась довольно развитая, глубоко эшелонированная система поддержки, обеспечивающая относительно спокойное развитие логической субкультуры.

Регулярно проводились всесоюзные конференции по логике и методологии науки. Также проводились тематические конференции и семинары: всесоюзные, региональные, межвузовские. Их материалы довольно систематически публиковались в сборниках тезисов, статей, в обзорах. С конца 1970-х годов начались все более интенсивные контакты с зарубежными коллегами-логиками Польши, восточной Германии, Финляндии.

И по мере развития отечественной логической философской культуры все более явным становилось удивительное, на первый взгляд, обстоятельство. С одной стороны, логическая научная субкультура была одной из наиболее устойчивых и развитых в советской философской культуре. Ежегодные масштабные конференции и конгрессы, множество публикаций. Имелись общепризнанные авторитетные лидеры. На логические циклы философских факультетов рекрутировались наиболее способные, активные и продвинутые студенты. Сложилась чрезвычайно развитая «неявная» структура сообщества, сложился широкий круг специалистов, получивших логическую подготовку, но занятых в других философских дисциплинах, тяготеющих к логике не только в проблемном, но и в коммуникативно-личностном плане. И вместе с тем, в условиях относительно спокойной и оживлённой научной жизни серьёзных новых результатов в советской логике получено не было. Наиболее продвинутые работы носили характер, по преимуществу, добротных систематизаций – не менее, но и не более. Отсутствовала даже научная периодика: если в Польше к тому времени было пять научных журналов по логике, то в СССР – ни одного.

Получалось, что собственно наука логика развивалась в как бы социально-культурном вакууме, в отрыве и даже в диссонансе с культурой советского общества. Востребованность логики предполагает несколько условий: свободу (относительную автономность личности, подкреплённую наличием у неё собственности); рынок (возможность отстаивать свои экономические интересы); демократию и определённую правовую культуру (возможности отстаивать свои гражданские интересы); межкультурные контакты (общение людей разной этнической, религиозной и т. д. принадлежности). В обществе закрытом, деспотическом логика как технология публичной аргументации просто не может быть востребована. Отечественная история – убедительное тому подтверждение. Самый эффективный довод – «механический»: жезл Ивана IV, дубинка Петра I, пистолеты и бомбы народовольцев, «диктатура пролетариата», заказные убийства, рэкет… Логика может быть востребована только свободными людьми и обществом, гарантирующим с помощью права их свободу и взаимоответственность – следствие, если оно построено не на «механике» выколачивания и выдавливания признаний и показаний, суд, если он не фарс, гражданское общество и правовое государство – живая среда логики.

Эта особенность отечественной логики сказалась в дальнейшем. Ослабление идеологического пресса, обеспечивавшего центростремительное воздействие на логическую научную субкультуру, породило мощный импульс центробежных сил. И логики разбежались. Кто полностью шел в политическую сатиру, кто на осмысление национальной культуры, кто в социологию и политологию, кто в культурологию и историю философии, а кто – в богословие и креационизм.

Однако не будет преувеличением сказать, что логико-методологическая линия философского шестидесятничества сыграла важную и долговременную роль в отечественной культуре, став питательной интеллектуальной средой и даже школой, важной для развития образования, науки, техники и информационных технологий до морали, права и политической культуры, объяснение природы и истории развития которых без учёта этой роли существенно затруднено.

Анализ идеологий

ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ ВРЕМЕНИ ПОСТМОДЕРНА И СПЕЦОПЕРАЦИИ[1]

А.И. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: *Смыслы в риторике «прошлого и настоящего» определяются историческим размером событий и интервалов. Если Модерн был временем идеологий, то Россия оказалась избранным местом и реализации тотальных проектов, и торжества марксизма как государственного мировоззрения с абсолютной критикой идеологического. Подобно конституированию политики Карлом Шмиттом через бинарную оппозицию «друг – враг», идеология конституируется в оппозиции «вера – знание», в спектре между «почти религией» и «около философией». Задача философии – вскрытие неочевидности якобы очевидного; миссия идеологии – массовое производство «очевидности». Преодоление узко политического редукционизма открывает идеологию в её предельном расширении, различает системы идей и системы институтов, а также форматы идеологии теневой, латентной, диффузной, проникающей и т. п.*

Ключевые слова: *идеология, исторический размер, постмодерн, очевидное/неочевидное, система идей и система институтов, идеология теневая, латентная, диффузная, «проникающая».*

В минимально строгих текстах риторика «прошлого и настоящего» все же помнит о дискретности интервалов. «Марксизм и деидеологизация», «Империя и русский мир», «Самодержавие и тоталитаризм», «Монархия и постмодерн»… Выбор такого рода оптики исходит из понимания *исторического диапазона и размера* событий, их теоретического масштаба [Орешин, Рубцов 1989]. Когда-то это называлось: «Блажен, кто посетил…».

Упражнения в высокой теории – неблагодарный труд, когда в реальном времени гибнут люди, а близкие общаются через прицелы холодной гражданской войны. Но если пережидать острые фазы, потом руины идеологических фронтов оказываются завалены обломками брошенных смыслов и споров, иногда непроходимыми. В пограничных состояниях удары по совести и психике тем более высекают вопросы, которые нельзя было и помыслить, не шагнув по ту сторону войны и мира. Другое дело, что эти вопросы можно вообще не ставить (как можно прожить жизнь, никого не убив и не покалечив и не пострадав в таких схватках самому). Но это не отменяет запроса конфликтов силы на предельно общие темы и решения.

[1] Опубликовано с изменениями: Вопросы философии. – 2023. – № 1. – С. 10–14.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.9599

Практическая и прикладная философия резко сближается с философией фундаментальной и теоретической и, начиная «искрить», лишь подтверждает выбор цели. По Кирхгофу нет ничего практичнее хорошей теории. Но и нет ничего патриотичнее честной философии.

Модерн в России больше, чем Модерн. Если в общей истории он стал *временем идеологий*, то в России ещё и избранным *местом* воплощения тотальных проектов, этих *исчадий рая*. Реализованных в натуру макеты «идеального» жизнеустройства сделали Россию авангардом преобразующей идеологии зрелого Модерна и реального опыта жизнеустроительных практик Высокого Модерна в особенности. (Аналогии с Германией слишком рискованны без специальных комментариев).

Такой масштаб времени определяет и габарит предмета. Что есть идеология в максимальном расширении, не сводимом к политике [Рубцов 2018; Рубцов 2019]? Универсализм репрезентаций (кто я?) и аксиоматики (на чем стою?) работает в макросоциальных и межличностных отношениях, в морали и деловой этике, в науке и искусстве, в постулатах эпохи, стиля, автора, «вещи» [Рубцов 2009]. «Чёрный квадрат» сделала знаком времени ударная идеология («переход через ноль» и проч.) Но проработав расширенный горизонт, мы и в контуры политики возвращаемся с другим, более объёмным пониманием самого политического.

Миссия философии – *вскрытие неочевидности всякого «очевидного»* как принимаемого вне критической рефлексии и непромысливаемого. Идеология же, напротив, опознаётся как ручное или массовое производство «очевидности» для самых разных нужд и с использованием бесконечных залежей *неочевидного*. Такая терминология предохраняет от политического редукционизма и бытового натурализма в демаркации философии и идеологии. Философским либо идеологическим может быть *один и тот же*, *добуквенно идентичный текст*. Набор слов сам по себе ничего не значит. Все решает интенция в отношении очевидности/неочевидности. Радикально рефлексивная установка направлена субъектом не на объект (как в политической критике), а *на самоё себя*. В этом смысле философия и идеология смотрят на одно и то же с разных сторон… и в разные стороны. Поэтому лучше избегать слов, спутывающих устоявшееся словоупотребление. В расхожих смыслах критика сама бывает и частью системы идейных постулатов, и даже собственно апологетикой (как вдохновляющая критика капитализма в СССР или как специфическая критика «идеалистической», «буржуазной» философии в «Белых сборниках» ИНИОН и даже целыми отделами ИФ РАН). Взгляды гениев великой русской литературы бывали апологетическими, что в принятом словоупотреблении не лишало и сейчас не лишает их звания философии – и философии именно русской. Слова *догматика*, *апологетика* и т. п. заранее окрашены у нас негативно, однако в расширенном подходе корпус постулатов и аксиоматика как таковые и на своём месте неизбежны и необходимы, методологически функциональны. Вопреки усилиям трёх позитивизмов такое идеологическое нельзя элиминировать даже из строго позитивной теории и знания в целом, но можно даже отнести именно к философичности. Это, кстати, многое объясняет в докладе Вадима Межуева «Философия как идеология» [Межуев 2017].

Полярность очевидного/неочевидного подводит к *конституированию идеологического* как «веры в упаковке знания». Если у Карла Шмитта политическое впервые конституировано оппозицией «друг – враг» (по аналогии с добром и злом в этике, прекрасным и безобразным в эстетике и пр.), то в идеологии эту роль может выполнять оппозиция «вера – знание» [Рубцов 2016].

Вместе с тем интеллектуальные вкусы явно смещаются от жёсткого бинаризма к более гибкой логике переходов и гибридов. Это смягчает «дуэльную» однозначность оппозиции «веры – знания» (faith – knowledge) в пользу спектра, континуального перехода между асимптотическими полюсами. Это как с магнитом, сохраняющим полюса, как бы его ни распили-

вали. В научной аксиоматике и метафизике всегда есть качество «верую»; в религиозной догматике, наоборот, «кредо» всегда чуть окрашено ересью знания как потребности или имитации. Максимализм «Credo quia absurdum», как раз и отражает предельность суждения, подрывающего претензии докетов или гностиков. Но и бытовая максима «О вкусах не спорят» лишь повторяет квазирелигиозные формулы «Достоверно, ибо нелепо», «Несомненно, ибо невозможно» и пр.

Этот переход по краям асимптотически приближается к полюсам «около философии» либо «почти религии». Идеолог-харизматик не просто свято верит, но и «знает», что говорит. Теология и проповедь также есть не просто изложение символов и постулатов веры, но и некоторым образом «теория», включающая элементы конструкции, размышления и рассуждения, доводы и выводы… В этом смысле идеология это не просто светские приходы, интеллектуальные конфессии, секулярные братства, мировоззренческие школы и целые религии со своими оплотами веры, но также и близкая к науке система просвещения и образования, инициации, поддержания стандартов, повышения квалификации. Но вместе с тем даже лекции «научных идеологов» не только слушаются, но и зачитываются и проживаются как проповеди, с элементами харизмы и суггестии. В конце концов и учёный может быть для сотрудников и последователей Учителем, а если надо – и Богом.

Более того, в эффектах *интеграции через непонимание* («негативной герменевтики») [Рубцов 2016] консолидирующим может быть не понимание (как признаётся феноменологической социологией), а именно активное «непонимание», бессознательное дробление между субъектами якобы общего смысла в едином субъектном поле. У Лессажа хромой бес «вскрывает» крыши домов и показывает студенту ночную жизнь горожан. Если бы можно было так же вскрывать и показывать фатальные различия сознания субъектов, по-разному понимающих одни и те же считающиеся общими каноны и символы веры, «идеологически единое» общество разорвалось бы, как старый снаряд. Это справедливо как в синхронии, в социальном пространстве, так и в диахронии: за почти целый век мы вовсе не зря пережили несколько достаточно разных марксизмов, не афишируя этих различий, наоборот, молясь именно на безоговорочную преемственность текстов и элементов доктрины. Пока мир менял целые философии, СССР упорно перечитывал и переосмысливал одну и ту же философию. Или «вчитывал», если воспользоваться термином Мандельштама. Марксизм не догма, руководство к ней.

Идеология в России – одновременно характер и драма. Нынешние поколения помнят колебания курса и самого отношения к идеологии в политике и философии, в морали и вкусах общества. Конфликт между соблазном и неприятием затронул миллионы пострадавших, многих «без права переписки».

В предыстории здесь были и «третий Рим», и «новый Иерусалим», но сама *идея идеологии* пришла к нам даже не от де Трасси, а прямо из марксовой критики злостных манипуляций «сознанием для другого» (или «за другого»). В истории не было философии, которая громила бы идеологию с воодушевлением марксизма, – и в мире не было страны, столь же беззаветно верившей в марксизм как в философию… и идеологию. Этот наш гибрид парадоксов и пароксизмов одновременно и отрицал, и воплощал мир иллюзий и обмана, ложных представлений и оправданий господства. Прямо под портретами Маркса вожди и генсеки котировались как классики идеологии, секретарь по идеологии был вторым человеком в государстве, идеологический отдел ЦК контролировал стратегию и политику, «Вопросы философии» считались номенклатурным идеологическим журналом, а издательство «Прогресс» – крупнейшим производителем идеологической литературы в мире.

И очень амплитудные графики. «Деидеологизацию» 1980-х встретили с энтузиазмом [Рубцов 1995] – и тут же ударились в фантазии «национальной идеи» и «государственной

идеологии», только что запрещённой в Конституции. Целым линейным министерствам весьма коряво пытались вменить идеологические миссии – и упирались в холодность политического руководства. Теперь радостно вспомнили, что война это «звёздный час идеологии»… и по законам военного времени часть действующей идеологии списывается в запас, а остальное остаётся под надзором уставной дисциплины, как минимум. Схема «мобилизация и на фронт» к идеологии тоже относится. Дан приказ ему…

Но не случайно именно в России, бывшей когда-то *местом Модерна*, так актуален сейчас поиск выхода из экстремального политического постмодернизма в перспективу постпостмодерна как своего рода Сверхнового времени.

Это уже не просто хроника, но что-то от самой природы данного типа сознания и культуры.

Соотношение идеологии как *системы идей* и *системы институтов* давно тянет на «основной вопрос идеологии». Но сейчас здесь царит особенная путаница – как в аналитике, так и в самой распадающейся предметности.

В связи идей и институтов есть скрытый конфликт между генерацией и воспроизводством смыслов – и собственными интересами того, что Альтюссер назвал «идеологическими аппаратами государства». Тема почти запретная. Сведение идеологии к идеям и ментальности проходит красной нитью от рождения термина через всю классику философии и политической истории до наших дней. Даже Дуглас Норт, один из столпов институциональной теории, заявляет в Нобелевской лекции: «Идеология – это то общее, что имеется в *ментальных* (курсив мой – АР) формах людей…» [Норт 1993]. Подходы к идеологии как к относительно независимой системе *институтов и практик* редки и не акцентированы. Тем не менее сюда входят, как минимум: весь установочный, программный дискурс власти, инфраструктура СМИ и пропаганды, образовательные и воспитательные институции, инструментарий культурной политики и пр., включая собственную экономику идеологии, инструменты права, контроль смыслов и цензуру, машинерию репрессий.

Наряду с аппаратами государства существуют относительно независимые идеологические институты гражданского общества и даже неформальные, нелегальные, но неплохо организованные группы – идеологические ОПГ на базе полуформальных «партий», клубов и электронных СМИ. Плюс «теневая» идеология – пространства, в которых идеологическая работа и борьба как таковые не афишируются, но привносятся контрабандой, скрытно. Государство в пикантных ситуациях тоже нередко действует как партизан на собственной территории, не брезгуя саботажем, демпингом, диверсиями и систематической подрывной работой.

При этом возможны как сильные идеи без институтов, так и, наоборот, идеологические институты, для которых идеи вторичны и заменяемы. Уже в симбиозе марксизма-ленинизма и КПСС партийная идеократия была скорее идейной *партократией* (как церковь бывает «выше» веры). Аппарат управлял ересями и даже командовал теорией, но не наоборот. Решавшая любую проблему формула «Это вопрос политический!» воплощала особый статус идеологии как конечной инстанции не по смыслу, но по факту.

Сейчас политическая конъюнктура тоже модифицирует идеи в зависимости от задач и потребностей курса, но теперь в один смысл (например, самосохранение власти) оказывается удобнее вписывать разные, порой взаимоисключающие идеи. Это раскачивает идеологический маятник с максимальной амплитудой и небывалой частотой.

Всепобеждающая сила коммунистической идеологии держалась не только на силе и аттрактивности идей, но и на сверхмощной инфраструктуре. Неограниченный ресурс должен был обеспечить нам подавляющие конкурентные преимущества на мировых рынках идеологий. Поэтому и деидеологизация означала здесь в первую очередь демонтаж институтов.

Идею добивали, сломав её экономику и механику. Сейчас этот аппарат восстанавливается, но не на месте «воронки», а часто в теневой зоне. Что же до попыток реконструкции старого идеологического каркаса, то здесь больше самодеятельности и конфузов. Тем более в военных контекстах: на этот счёт государства располагают особыми спецрезервами и целыми подразделениями, в том числе быстрого и сверхбыстрого реагирования.

Межуев В.М. 2017. Философия как идеология. – *Философский журнал | Philosophy Journal*. – Т. 10. – № 4. – С. 171–180.

Норт Д. 2004. Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года). – *Отечественные записки*. – № 6 (21). – Доступно: https://strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni. – Проверено: 23.03.2023.

Орешин Б.В., Рубцов А.В. 1989. Сталинизм: идеология и сознание. – *Осмыслить культ Сталина*. – М.: Прогресс. – Доступно: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/1995-2009/Stalinism/Stalinizm.html. – Проверено: 23.03.2023.

Рубцов А.В. 1995. Наказание свободой (Смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России). – *Полис. Политические исследования*. – № 6. – С. 10–31.

Рубцов А.В. 2009. *Российская идентичность и вызов модернизации*. – М.: Библиотека ИНСОР.

Рубцов А.В. 2016. *Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности*. – М.: ИФ РАН, 2016.

Рубцов А.В. 2018. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении. – *Вопросы философии*. – № 7. – С. 18–27.

Рубцов А.В. 2019. Идеология в структуре социума и личности. – Полилог/Polylogos. – Т. 3. – № 4. – Доступно: https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/. – Проверено: 23.03.2023.

КРИТИКА «РУССКОГО СЕВЕРЯНСТВА» В ЭМИГРАНТСКИХ РАБОТАХ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА

А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье исследуется вопрос об эволюции идейно-политических взглядов известного русского политика и литератора Василия Витальевича Шульгина (1888–1976). Будучи убеждённым «русским южанином» по своей идентичности, Шульгин активно критиковал односторонние проявления «русского северянства» (в «московский», а затем «петербургский» периоды), которые, по его мнению, в итоге привели к деградации российского правящего класса и краху традиционной русской государственности.*

Ключевые слова: *история России, национальная идентичность, национализм, «русское северянство», большевизм, эмиграция, Белое движение.*

В последние годы появились работы, исследующие влиятельную во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. концепцию «российской идентичности» – *«Россия как Север»* [Кара-Мурза 2016: 59–68]. Зародившись как полу-официальная доктрина в сочинениях императрицы Екатерины II и её ближайшего сподвижника, графа Н.И. Панина, концепция «русского северянства» получила блистательные литературные воплощения в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в героических одах Г.Р. Державина [Кара-Мурза 2017: 187–194; Kara-Murza 2018*a*: 88–98], а затем в поэтическом творчестве «молодой плеяды» – кн. П.А. Вяземского [Кара-Мурза 2017: 7–13], А.И. Дельвига, А.С. Пушкина. «Русское северянство» продолжало оставаться частью официоза в годы Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов, но затем, с изменением геополитических и идеологических приоритетов, постепенно сошла с авансцены, уступив, уже в николаевскую эпоху, место классической русской парадигме *«Россия между Западом и Востоком»* с её противостоянием западников и славянофилов.

Между тем, отголоски «русского северянства» слышны, иногда весьма отчетливо, в классической русской литературе XIX в. (например, у И.С. Тургенева [Кара-Мурза 2018*a*: 124–142; Kara-Murza 2018*в*: 434–443]), в культуре русского Серебряного века и пореволюционной эмиграции. Наряду со всплесками восторженной ностальгии по «славным временам», периодически накатывали и волны критики «северянства», проявления которого, якобы, поспособствовали деградации русской цивилизации и краху традиционной государственности.

Среди активных критиков «русского северянства» можно отметить Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) – крупного русского политика и литератора [Кара-Мурза 2019: 20–

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.100106

30]. Оппонируя «северянству», сам Шульгин всегда считал себя «русским южанином», полагая именно родной Киев не только *историческим*, но и *стратегическим* центром «русского мира». Идеи его, как теперь окончательно выясняется, не оправдались, но критика Шульгиным слабостей «русского северянства», безусловно, продолжает сохранять свою значимость и актуальность [см.: Кара-Мурза 2009; Кара-Мурза 2012: 27–44].

Мировоззренческой основой критики Шульгиным «северянства» является оригинальная концепция становления и развития «русского народа». «Под словом "русский народ", – писал Шульгин, – я не разумею одних только северян, то есть великороссов. Эти последние имеют, конечно, полное право называться русскими, ибо они бесспорно русские, но все же они имеют это право *не столь полное, как южане*. Эти последние имеют право на "русскость" *полнейшее*, ибо *слово "Русь" преимущественно связано с Киевом* (везде курсив мой. – *А.К.*). Разумеется, я отметаю все "украинские" россказни, как лживый вздор, который в своё время будет ликвидирован проснувшейся гордостью южнорусского населения. Оно не позволит, чтобы его обманывали, как малого ребёнка. Русским народом я считаю великороссов, малороссиян и белоруссов, а также и всех тех иных кровей, российских граждан, которые подверглись процессу ассимиляции и считают себя русскими» [Шульгин 1992: 45–46].

Итак, согласно Шульгину, в состав «русской расы» «вошло много нерусских кровей, и эта смесь ещё не совсем превратилась в сплав»: «Амальгамирование ещё идёт; и вот почему русское национальное самосознание ещё не очень твердо» [Шульгин 1992: 46].

Особую роль в этом процессе «амальгамирования», полагает Шульгин, играет институт политического лидерства. В этом смысле, в процессе трудного складывания единого русского народа имела место постоянная борьба за доминирование между «северянами» (царями московскими) и «южанами» (вождями русско-казацкими). Самого Шульгина, воспитанного отчимом, русско-казацким профессором-националистом Д.И. Пихно, всегда больше привлекали образы русских вождей-южан: «Некий устоявшийся образ русскости можно рисовать себе в москвичах эпохи Алексея Михайловича, если не принимать во внимание солидной доли финской и татарской крови, влившейся в северян. Но история говорит нам, что другое действующее лицо этой же эпохи, гетман Богдан Хмельницкий, смотрел на себя и на своих, как на *истинных носителей русского начала* (курсив мой. – *А.К.*). Южане напоминали Государю Московскому, что древнее гнездо воссоединяемого русского народа есть Киев и вся вообще "Малая Русь". И если на одну минуту задуматься над тем поразительным сходством, которое являют внешние образы Руси Киевской и Руси Запорожской (военного ордена, воевавшего с Стамбулом, как дружины Рюриковичей воевали с Византией; морских корсаров, так же ходивших по Серному морю, в тех же самых челнах, в каких "Русь" с X века терроризировала Царь-город), – то надо признать, что этого рода русскость, то есть древнюю русскость, Юг стойко хранил. Но *эта русскость, будем называть её южной, отличается от Московской, которую будем называть северной* (курсив мой. – *А.К.*)» [Шульгин 1992: 91].

В эпоху, непосредственно предшествовавшую «петровской», русскому народу предстояло совершить важнейший рывок на пути национально-государственной консолидации «русского Севера» и «русского Юга». Эту миссию мог возглавить только новый национальный вождь, но непременно вышедший из устоявшейся легитимной династии. «Поэтому недаром, – писал Шульгин в конце 1920-х гг., – Петр Великий, коему предстояло использовать великое дело своего отца (направившего "Московию" с пути местно-московского на путь общерусский), недаром Петр Великий стремился найти новое гнездо для удвоившегося в своих возможностях народа» [Шульгин 1992: 91].

«Москва для этого дела была тесна и провинциальна, – объясняет Шульгин логику вождя-реформатора. – Она не могла импонировать русскости южной; ибо эта последняя традиционно, от времён Владимира и Ярослава, протягивала щупальцы на Запад и тянула в себя завоевания культуры общечеловеческой» [Шульгин 1992: 91]. Итак, согласно Шульгину, недостатком «Московии» («русского Севера») было то, что она, в своём изоляционизме, от-

ринула многие заветы «русского европеизма», историческим центром которого когда-то был Киев [см.: Кара-Мурза 1993: 90–96].

Петр Великий, по Шульгину, верно рассчитал, что «из воссоединения двух братских племён, одинаково русских, но несколько разошедшихся в течение веков различной политической жизни, непременно должно было родиться "нечто третье", что не было бы ни древний Киев, находившийся в состоянии упадка, но хранивший варяжские традиции русского западничества; ни Москва, набравшаяся силы, но носившая на глазах повязку из чисто московских, "сепаратистических" от остального мира предрассудков» [Шульгин 1992: 91]. «Это третье, – продолжает Шульгин, – гениальным вожаком обоих русскостей, северной и южной, было найдено; и нарекли ему имя… Санкт-Петербург… При помощи прозревших "москвичей" и наследственно зрячих "киевлян" он стал тем котлом, где великолепно, можно сказать "блистательно", варилась каша из двух воссоединившихся племён русского народа» [Шульгин 1992: 91–92].

Некоторые историки петровского царствования справедливо полагают, что у юного Петра одно время были планы заложить новую русскую столицу именно на юге. Ещё в 1695 г., по дороге из Москвы на воронежские корабельные верфи и липецкие металлорудные заводы, на высоком берегу Ягодной Рясы в районе сельца Слободское, по приказу царя, был построен деревянный «путевой дворец». А в 1702 г. (за год до основания Санкт-Петербурга) Петр, собственноручно разработав план, основал здесь крепость по голландскому образцу, которой дал название «Ораниенбург», в честь недавно скончавшегося кумира и старшего друга Петра – Вильгельма III Оранского. Местные богатые земли были розданы ближайшим сподвижникам – Меньшикову, Лефорту и др. Впоследствии, за крепостью и выросшим городком закрепилось название «Раненбург» (сейчас это г. Чаплыгин Липецкой области).

Однако казус раннего петровского правления состоял в том, что, пытаясь синтезировать две части «русского народа», в стремлении освободиться от пороков провинциального московского «северянства» и привить к нему варяжско-космополитическую энергетику русского «юга», Петр вынужден был построить новую столицу… ещё далее к Северу. Новое «окно в Европу» было воссозданием «южного проекта», но «прорублено» оно было на русском «севере». К осмыслению этого «петровского парадокса» Шульгин неоднократно возвращался впоследствии: он считал тот шаг Петра – *вынужденным* (пробиться к тёплым морям не удалось) и – в исторической перспективе – *временным.* Будущая и окончательная столица «русской расы» – четвёртая по счёту, согласно Шульгину, будет непременно основана на Юге, возможно, – на Юго-Востоке воссоединенной державы [Бабков 2010: 180].

Заслуга Санкт-Петербурга, детища Петра Великого, согласно Шульгину, бесспорна. «Южанин» Шульгин, разумеется, не преминул особо отметить в этих достижениях роли «южнорусского» компонента: «Петербург поле под вишнёвыми садочками Полтавы превратил в ристалище, где разыгрался первый, со времён Владимира Мономаха, общерусский триумф»; «Петербург скромного хохла казака Григория Розума (будущего графа Разумовского. – *А.К.*) сделал супругом Императрицы Всероссийской – девицы Елисавет»; «Петербург осуществил давнюю мечту Киева "ногою твёрдой стать при море" – при теплом, южном, Чёрном море, с IX века называемого "русским"»; «Петербург бросил южнорусское казачество, хранившее варяжские традиции, на новые подвиги, показав ему ручкой Императрицы Екатерины II (ручкой, которую кузнец Вакула почитал не иначе, как сахарной) подножие Кавказа, именуемое Кубань»; «Петербург выковал новый русский язык, который был не московский и не киевский; который проходил выше того и другого, но стоял на этих двух местноречиях, как голова, вместилище развившегося разума, стоит на двух ногах» [Шульгин 1992: 92].

В итоге, «Петербург из двух русских племён варил сладкий мёд, который обещал досыта накормить пищей животной и духовной огромные пространства Русской Империи. Воз-

можности, отсюда проистекавшие, не давали жить соседям; и потому сначала шведы, потом поляки и, наконец, немцы поспешили в этот кипящий мёд подбросить ложку дёгтя, которая испортила бочку. Этим дёгтем была украинская идея» [Шульгин 1992: 92].

Однако со временем, согласно Шульгину, «петербургская Россия» (Шульгин предпочитал употреблять более «южное», на греческий манер, слово – «Петрополь») подверглась очевидной деградации, связанной с «заражением» синтетической по замыслу Империи «северянскими» атавизмами старой Московии и постепенной утратой «южной» энергетики. Имперское продвижение на «север» и «восток» сопровождалось ослаблением русского национального чувства: «Национализм почти совершенно исчезает в Сибири, пока не утыкается в Японию, которая является огромным аккумулятором национальной энергии» [Шульгин 2012: 226].

«Северянская» часть России, по мнению Шульгина, «никогда не знала внутренней национальной борьбы и потому оказалась совершенно неустойчивой в этих вопросах и очень легко поддающейся, подавляемой всяким чужим национализмом. Как это не звучит дико и странно, но в период, предшествовавший катастрофе в России, самым денационализированным элементом были сами русские (главным образом великороссы). Поэтому вопросы взаимного сожительства национальностей, их взаимоотношений, их борьбы, сознательной, а главным образом бессознательной, совершенно не входили в поле зрения нашей *северной московско-петроградской политической школы*» [Шульгин 2012: 226]. Шульгин утверждал, что «*северная русская интеллигенция* к концу XIX века совершенно *утеряла русский национализм*»: «Это сказалось с поразительной ясностью в Японскую войну, когда пораженчество, желание, чтобы Япония разбила Россию, было весьма распространенным явлением в Москве и Петрограде. Вследствие этих своих качеств *северная русская интеллигенция* страшно легко подпала под еврейское влияние (курсив везде мой. – *А.К.*)» [Шульгин 2012: 227].

Очная встреча с потерявшим свою энергетику Петербургом была для «южанина» Шульгина, представлявшего в Государственной Думе дворянство Волынской губернии, тяжёлым потрясением. Характерны слова, вырвавшиеся у него в письме к В.А. Маклакову от 10 декабря 1924 г.: «Поверхность же наша русская с той минуты, по крайней мере, когда я, человек провинциальный и необразованный, стал наблюдать лик столь высоко ценимой на юге Северной Пальмиры, показалась мне собранием, если это выражение не оскорбит Вас, недоносков и выродков» [Будницкий 2012*б*: 211]. «И думаю я посему, дорогой Василий Алексеевич, – писал тогда Шульгин Маклакову, – что причина постыдного поведения нашего в 1917 году кроется гораздо глубже, чем в особенностях политического правления нашей родины, и таится она там, где и всегда на протяжении истории таилась: …в *вырождении физическом и душевном классов, предназначенных для власти* (курсив мой. – *А.К.*), ибо власть требует наличности некой материи, некой субстанции, не особенно удобно определяемой, но весьма ясно мною ощущаемой субстанции, я бы сказал, имеющей нечто общее с ощущением силы и молодости» [Будницкий 2012*б*: 211; см. также: Будницкий 2012*а*: 7–50].

Между тем, в начале XX столетия у России, согласно Шульгину, появился шанс на «оздоровление»: «Нашёлся Столыпин» – представитель, несомненно, «южной», «энергичной» русскости. «Столыпин, – писал Шульгин, – по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, "пушкинской", складки; по дарованиям и темпераменту – природный "верховный главнокомандующий", хотя он и не носил генеральских погон» [Будницкий 2012*б*: 48]. «Правда, – добавляет Шульгин, – за Столыпина стало меньшинство интеллигенции (та, по его мнению, была уже сильно заражена декадентским «северянством» – *А.К.*), но уже с этой поддержкой, а главное, черпая свои силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию» [Будницкий 2012*б*: 48].

Столыпин давал России шанс на мирную эволюцию, и «разумные» депутаты русского парламента (к ним Шульгин относил и себя) понимали это. «Мы, провинциалы, – писал Шульгин в автобиграфической книге "Дни", – твердо стали вокруг Столыпина и дали ему

возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли "через волю" они не получат, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведёт к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли…, и, наконец, что "волю" народ получит только "через землю", т. е. не прежде, чем он научится её, землю, чтить, любить и добросовестно обрабатывать, ибо только тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином» [Шульгин 2017: 54].

Столыпин, по мнению Шульгина, «заплатил жизнью за то, что он раздавил революцию, и, главным образом, за то, что он указал путь для эволюции»: «Выстрел из револьвера в Киеве – увы, нашем Киеве, всегда бывшем его лучшей опорой, – закончил столыпинскую эпоху… Печерская лавра приняла пробитое пулей Богрова тело…» [Шульгин 2017: 54–55].

Убийство русского премьера в решающее для страны время сделало место «национального вождя» не просто вакантным – оно обнажило огромную зияющую дыру в русском правящем классе. Шульгин-парламентарий вынужден был констатировать: «Будет беда. Россия безнадёжно отстаёт. Рядом с нами страны высокой культуры, высокого напряжения воли. Нельзя жить в таком неравенстве. Такое соседство опасно. Надо употребить какие-то большие усилия. Необходимы размах, изобретательность, творческий талант. Нам надо изобретателя в государственном деле. *Нам надо социального Эдисона* (курсив мой. – *А.К.*)» [Шульгин 2017: 55; см. также: Жукова 2013: 179–188].

Первая мировая война, по мнению Шульгина, сделала очевидными слабости российской монархии, все более тяготеющей к изоляционистскому «северянству», лишённого творческой энергетики и национального «иммунитета». Решающей ошибкой было то, что Россия оказалась *одновременно* втянутой в борьбу с двумя мощнейшими «мирами»: «германской нацией», с её склонностью к военной экспансии, и «революционным еврейством», разлагавшем Россию изнутри. «Сатанинско-разлагающее» влияние Распутина на правящую элиту лишь довершило дело [Шульгин 2012: 96–107].

Огромное впечатление на страну произвела антиправительственная речь Шульгина в Государственной думе 3 ноября 1916 г.: её эффект, как представляется, был на порядок выше аналогичных выступлений «старых оппозиционеров» (например, знаменитой речи «глупость или измена?» кадетского лидера П.Н. Милюкова). На это раз против «Власти» выступил консерватор, националист и монархист, и этот факт Шульгин подчеркнул в самом начале своего думского выступления: «Я не принадлежу к тем рядам, для которых борьба с властью есть дело, если не сказать привычное, то, во всяком случае, давнишнее. Наоборот, в нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластья, эта мысль занимает почётное место» [Шульгин 2015: 110].

Трагический парадокс ситуации, продолжил свою мысль Шульгин, состоял в том, что в глазах думающей части русского общества германский главнокомандующий стал представлять меньшую опасность, чем новоназначенный (по наущению Распутина) премьер Российской империи: «Произошло то, что люди, которые бестрепетно смотрели в глаза Гинденбургу, затрепетали перед Штюрмером (*Смех слева*; *голоса:* правильно; *рукоплескания в левой части правой, в центре и слева*)» [Шульгин 2015: 110].

Шульгин выразил распространённые в обществе опасения, «что это только заглавие к той сатанинской грамоте, в которой будет изложена программа позора и гибели России» [Шульгин 2015: 113]. «И вот, чтобы этого не случилось, господа, – сделал вывод Шульгин, – Государственная дума должна стоять здесь на своём месте и бороться за безопасность России… У нас есть только одно средство: бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдёт (*Продолжительные и бурные рукоплескания центра, левой и в левой части правой; голоса: браво*)» [Шульгин 2012: 111, 113].

В этом контексте выглядит абсолютно естественным и символичным, что «монархист» Шульгин стал одним из тех посланцев Временного комитета Государственной думы, кто 3 марта 1917 г. принял отречение Государя Николая II.

После большевистского переворота В.В. Шульгин принял активное участие в Белом движении: в 1919 г. его особенно вдохновило наступление на «северянскую» Москву «южных добровольцев» генерала А.И. Деникина («царя Антона»): был момент, когда «северный дуумвират» Ленина и Троцкого отдал распоряжение эвакуировать большевистское правительство дальше на север, в Вологду. То, что войска «белых», дошедшие аж до Орла, вынуждены были потом отступать до Одессы, затем, уже при Врангеле, перебраться в Крым, а после его сдачи вообще уйти за пределы России, – стало для Василия Шульгина, потерявшего в борьбе с «красными» двух сыновей (третий, младший, отступил с русским флотом в тунисскую Бизерту) огромной личной трагедией.

Тем более серьёзный смысл имеет главный вывод Шульгина – политика и политического аналитика: «белые» проиграли потому, что по пути к российской власти «загрязнились», а «красные», наоборот, одержали верх только потому, что взяли на вооружение главные принципы своих противников: во-первых, идею профессиональной армии и, во-вторых, – идею Единой и Неделимой России…

Более того, согласно Шульгину, большевики, опиравшиеся при своём прорыве к власти на анархию, теперь не только восстанавливают «военное могущество России» и «границы Российской державы до её естественных пределов», но и «подготовляют пришествие самодержца всероссийского»: «Придёт Некто, кто возьмёт от них их "декретность"… Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям…» [Шульгин 2015: 113].

Именно так, полагал Шульгин, будет, наконец, воссоздано задуманное Петром Великим «национальное тело» России – единство «русского Севера» и «русского Юга».

Бабков Д.И. 2010. Проблемы территориальной реорганизации России в постреволюционное время в мировоззрении В.В. Шульгина. – *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. – Т. 16. – Вып. 19 (90).

Будницкий О.В. 2012а. В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья-противники. – *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* (ред. О.В. Будницкий). – М.: РОССПЭН.

Будницкий О.В. 2012б. (ред.) *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг*. – М.

Жукова О.А. 2013. Субкультура власти и социальный порядок в России. – *Полис. Политические исследования.* – № 2.

Кара-Мурза А.А. 1993. Что такое российское западничество? – *Полис. Политические исследования.* – № 2.

Кара-Мурза А.А. 2009. *Свобода и порядок*. – М.

Кара-Мурза А.А. 2012. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. – *Философский журнал*. – № 2 (9).

Кара-Мурза А.А. 2016. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин. – *Философские науки*. – № 11.

Кара-Мурза А.А. 2017. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности). – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 3.

Кара-Мурза А.А. 2018а. Рим Ивана Тургенева (1840). – *Философские науки*. – № 7.

Кара-Мурза А.А. 2018б. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности). – *Вопросы философии*. – № 3.

Кара-Мурза А.А. 2019. «Вождистская» политическая субкультура в России в поисках исторических альтернатив (В.В. Шульгин). – *Философские науки*. – № 7.

Шульгин В.В. 1992. *«Что нам в них не нравится…». Об антисемитизме в России*. – СПб.

Шульгин В.В. 2012. По поводу одной статьи. – *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг*. – М., РОССПЭН.

Шульгин В.В. 2015. *Россия, Украина, Европа: избранные работы* (ред. А.В. Репников). – М.

Шульгин В.В. 2017. Дни. – *Шульгин В.В. Дни. 1920 год*. – М.

Kara-Murza A. 2018a. Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as «The North». – *Russian Studies in Philosophy*. – Vol. 56. – No. 3.

Kara-Murza A. 2018в. Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev`s 1840 Trip to Rome. – *Russian Studies in Philosophy*. – Vol. 56. – No. 5.

МАРКСИЗМ КАК ПСИХОКОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

М.В. Черников
Воронежский государственный технический университет

Аннотация: *В настоящей статье выдвигается гипотеза, согласно которой своей популярностью и влиятельностью в европейском революционном рабочем движении (по крайней мере конца XIX – начала XX вв.) марксизм обязан не столько своей ценности в качестве научной теории, сколько другим обстоятельствам. Рассматривается и обсуждается допущение, что марксистская социально-политическая теория, не являясь истинной с научной точки зрения, представляет собой успешно закамуфлированное под истинную научную теорию концептуальное образование, которое, будучи индоктринировано в массовое общественное сознание могло бы выступить в виде своего рода «психоконцептуального оружия», способного направить массовое коллективное действие в сторону достижения тех целей, которые ставили перед собой распорядители данного «психоконцептуального оружия».*

Ключевые слова: *идеология, марксизм, политика, индоктринация, массовое сознание, психоконцептуальное оружие.*

Марксизм – оружие, революцьонный метод
Применяй умеючи метод этот.
В. Маяковский

Введение

В 2022 году в Воронеже, в издательстве ВГТУ вышла в свет научная монография: М.В. Черников «Разбираясь с марксизмом». Представленный в этой монографии (основанный на многолетних исследованиях) концептуальный анализ позволяет сделать выводы о, мягко говоря, некорректности с точки зрения современного уровня социально-гуманитарных наук многих основополагающих представлений марксизма. И трактовка Марксом материалистического понимания истории, и диалектика, позиционируемая как универсальная теория развития природы, общества и мышления, и учение о прибавочной стоимости, основанное на радикально трактуемой Марксом теории трудовой стоимости, и теория капиталистической эксплуатации человека человеком – все эти базовые концептуализации марксистской теории – утверждается в монографии – отнюдь не являются в достаточной степени верными.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.107122

Соответственно, не является верной (не может достичь поставленных целей) и метода, которую Маркс рекомендует в качестве преодоления ужасов и несправедливостей капитализма – а именно, пролетарская Революция, направленная на создание Социализма как общества, в котором ликвидируется частная собственность на средства производства, а, тем самым, (якобы) ликвидируются классы, ликвидируется даже возможность эксплуатации человека человеком.

Такое (обосновываемое в монографии) утверждение о существенных научных некорректностях марксизма для традиционного отечественного обществоведения, привыкшего считать, что марксистское учение «всесильно, потому что верно» – запредельно неприятно и вызывает ожесточённые возражения. Но мы сейчас не будем ввязываться в концептуальную дискуссию о научной верности марксизма, в дискуссию, для появления только надежды на победу в которой пришлось бы воспроизводить весь текст монографии. В настоящей статье мы позволим себе коснуться лишь одной – весьма парадоксальной – гипотезы, возникающей в случае, если мы признаем научную слабость марксисткой социально-политической теории.

Действительно, если мы признаем последнее, поневоле возникает вопрос: но почему же тогда марксизм, будучи слабой с научной точки зрения теорией, оказался столь победоносным, почему проект Марксизм – оказался столь успешным?

А ведь проект Марксизм (выдвижение (и продвижение) марксистской концептуальной картины мира, имплицирующей соответствующее социально-политическое действие) нельзя не признать успешным.

Как минимум, один раз проект Марксизм «выстрелил». На рубеже XIX–XX веков марксистки ориентированная концептуальная картина была столь успешно внедрена в массовое общественное сознание, что имплицируемое этой концептуальной картиной социально-политическое действие получило своё историческое воплощение: в 1917 году в России произошла победоносная социалистическая революция и в масштабе государства, занимающего 1/6 часть суши планеты Земля, было начато строительство социалистического общества.

Успешная реализация проекта Марксизм в России 1917-го года (как стало принято считать) верифицировала истинность марксизма как теории, доказав, по крайней мере, плодотворность последней. Победа большевистской Революции в России, а также несомненные успехи, достигнутые первым в мире социалистическим государством – СССР, которое позиционировало себя как руководствующееся марксистской теорией, способствовали невиданной популярности идей марксизма. И до сих пор марксизм имеет огромное число как своих прямых адептов, так и просто сочувствующих в самых разных регионах мира,

Как же объяснить причины столь грандиозного успеха проекта Марксизм?

Стандартной стала следующая объяснительная схема.

Гениальные мыслители своего времени К. Маркс и Ф. Энгельс, нацеленные, главным образом, на поиск истины о мире, обществе и человеке, разрабатывают глубокую научную теорию общества и открывают истинные законы общественного развития. На основе этой теории и выстраивается метода преодоления капитализма, которая вскоре становится программной для социал-демократического движения, в целом, и для Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), в частности. Научная истинность марксисткой теории и обеспечивает успех вытекающей из неё методы преодоления капитализма, что и было доказано большевиками в Октябре 1917-го.

Сегодня, однако, правомерность стандартной объяснительной схемы успеха проекта Марксизм вызывает серьёзные сомнения.

Во-первых, есть весомые основания утверждать, что марксистская теория сущностно, на уровне своих фундаментальных основоположений не является настолько верной, чтобы быть всесильной.

Во-вторых, представляется крайне сомнительным, что победа большевиков в 1917 году может служить верификацией истинности марксисткой теории. Да, конечно, в 1917 году в России произошло то, что и рекомендовалось марксизмом, что непосредственно (как считали, по крайней мере, большевики во главе с Лениным и Троцким) вытекало из марксизма, а именно – пролетарская Революция и Переход к построению социализма – строю, в котором обобществлены все средства производства и уничтожена частная собственность.

Однако попытка непосредственно воплотить в жизнь идеи марксизма поставила перед большевиками, захватившими власть в стране, такие колоссальные проблемы, что до сих трудно понять, как страна сумела выжить, а большевики сумели сохранить своё правящее положение.

Действуя по Марксу, большевики, например, решили сразу после Революции обобществить все средства производства и уничтожить частную собственность. Но это привело к вопиющей экономической деградации и такой хозяйственной разрухе, что, правящей партии пришлось срочно вводить НЭП (идти на поклон буржую) – надо было хоть как-то восстановить лежащую в руинах экономику.

Уже на этом этапе обнаружилось, что управлять страной по Марксу получается плохо. Но и отказаться от марксисткой идеологии большевики уже не могли.

Так и сложилась та марксистская химера, которая стала поистине проклятием СССР.

Реальная жизнь, реальное управление обществом в СССР проходили отнюдь не по Марксу. Но все деяния правящей партии и правительства обосновывались, можно сказать – освящались, марксисткой (позже её стали называть марксистко-ленинской) риторикой.

Отстранение от Маркса в партии большевиков проходило весьма постепенно. Собственно говоря, его начал уже В.И. Ленин, считавший себя правоверным марксистом.

Важно отметить, что сама Октябрьская Революция 1917-го года в России прошла и «по Марксу» и «не по Марксу». По Марксу – в том смысле, что осуществляемый пролетариатом революционный переход к социализму (именно под этим лозунгом осуществлялась большевистская революция) – это главная, центральная идея всего марксистского учения.

С другой стороны, Маркс полагал, что пролетарская революция должна произойти не в отсталой, а только в передовой по капиталистическим меркам стране, так что – с этой точки зрения – большевики действовали не по Марксу, о чем им постоянно твердили меньшевики – другие апологеты Маркса из РСДРП [Плеханов 1991: 170–178].

Ленин, однако, утверждая, что марксизм «не догма, а руководство к действию» и призывая творчески относиться к марксистской доктрине, вполне успешно парировал упрёки меньшевиков, развивая теорию о революции в России как только запале по отношению к мировой пролетарской революции. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови – господи благослови!»

Но уже Сталин, убедившись в бесперспективности идеи мировой революции и, в то же время, понимая, что продолжение интернационалистски ориентированной политики Ленина (и Троцкого) по отношению к России ведёт к окончательному угроблению последней, решительно уходит от классического марксизма, выдвигая тезис о построении социализма в одной отдельно взятой стране. Теперь все реальные управленческие действия большевиков начинают определяться, главным образом, геополитической и социально-экономической целесообразностью, прикрываясь, однако, марксистко-ленинской риторикой. Декларативная опора на марксизм (марксизм-ленинизм) при фактическом игнорировании марксизма на уровне реальных управленческих действий – характернейшая черта первого в мире социалистического государства.

Сложившись ещё при Сталине, такая ситуация имела место в течении всего периода существования СССР. И испытание такой жизнью «в раскоряку», когда правда реальных действий принципиально отличалась от официально декларируемой – СССР не выдержал. И хотя у нас на основе мощнейшей государственной поддержки был выращен целый класс обще-

ствоведов, «виртуозно» (М. Вебер) пытающихся найти концептуальные возможности приспособить марксистскую теорию для решения реальных политико-социально-экономических задач, и, в этом смысле, обелить учение марксизма-ленинизма, ставшего в СССР, можно сказать, государственной религией, в позднем Советском Союзе преобладающим в народе стало убеждение, что ни КПСС, в частности, ни марксизм-ленинизм, в целом, не заслуживают доверия.

Однако «разочарование» в марксизме, наступившее в СССР сначала только на уровне реальной управленческой политики, а потом и на уровне преобладающих в народе настроений, возникло уже много позже произошедшей под эгидой марксизма Революции. Сама же Революция и переход к Социализму произошли в России как раз на основе очарования марксизмом. В этом смысле, проект Марксизм вполне продемонстрировал свою успешность, поскольку выполнил свою задачу – имплицируемое проектом социально-политическое действие – Революция и Переход к социализму, как обществу в котором ликвидируется частная собственность – состоялись.

Другое дело, кому был нужен, кому пошёл на пользу успех проекта Марксизм? России или геополитическим соперникам России? Второй вариант представляется гораздо более вероятным.

В связи с этим и возникает своего рода «сумасшедшая» гипотеза: а не было ли особого типа интересантов, которые определенным образом инициировали оформление и раскрутку проекта Марксизм, используя последний как «поведенческое оружие», которое применяется для того, чтобы заставить население страны-мишени совершать (конечно, преследуя, в конечном счёте, самые благородные цели!) самоубийственные для этой страны действия, ввергая её в, по сути дела, геополитическую катастрофу? [Ларина, Овчинский 2015: 27–34; Черников, Филатов, Букреев 2020: 32–41].

Насколько правомерна такая гипотеза? Об этом и пойдёт речь в настоящей статье.

Обсуждение

Давайте ещё раз вспомним время, когда жили и писали великие основоположники марксизма – К. Маркс и Ф. Энгельс. Надо отчётливо понимать, что это было время, когда в рамках капиталистической мир-системы достигает особого напряжения борьба за мировое господство – борьба за власть, информацию и ресурсы. Причём, начиная, по крайней мере, с XVIII века роль лидера и главной атакующей силы в это борьбе принадлежит «англосаксам».

Следует, однако, уточнить – кто такие «англосаксы» и каким образом ведут они свою борьбу за мировое господство?

В трактовке этого сюжета мы опираемся на позицию, пожалуй, лучшего нашего специалиста по вопросам мировой борьбы в рамках капиталистической мир-системы – А.И. Фурсова.

«Англосаксы, – пишет Фурсов – это Великобритания, затем к ней присоединились США. Но дело не только в государствах… Дело также в ориентирующемся на Англосферу финансовом капитале и закрытых наднациональных структурах мирового согласования и управления, представленных почти до самого конца XIX века масонством» [Фурсов 2017: 5].

Последним надо уделить особое внимание, как в силу их слабой освещённости в научной литературе, так и – это главное! – в силу их специфического и в то же время предельно значимого влияния на ход исторических событий.

Важно понимать, что закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления возникают как прямое следствие развития капитализма и капиталистических отношений. «Наднациональное управление – пишет по этому поводу Фурсов – не иллюзия,

не блажь, не роскошь, не выверт истории, а средство снятия одного из важнейших противоречий капитализма. Экономически капитализм – цельно-мировая система, мировой рынок, тогда как политически это не целостность, а совокупность, сумма государств. Отсюда тройное противоречие – между капиталом и государством, целым и суммой, мировым уровнем и национально-государственным.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у её финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ – своих и чужих. И реализовать эти интересы можно только нарушая законы – своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причём речь идёт не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено» [Фурсов 2014]. Учтём также, что на уровне наднационального управления, как пишет Фурсов, «нужно уже не огнестрельное, а организационное оружие особого типа, которое, решая задачи верхушки мирового капиталистического класса, снимало бы противоречия между капиталом и государством, наднациональным экономическим и национальным политическим интересом и, наконец, между мировой экономической целостностью и мировой государственно-политической суммарностью.

Структуры, в виде которых существует такое оргоружие, должны быть:

- наднациональными (надгосударственными);
- закрытыми («тайными»);
- долгосрочными по типу и принципу деятельности, поскольку, помимо прочего, выражают целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса» [Там же].

По мнению историка, первые – возникшие на рубеже XVII–XVIII вв. – закрытые структуры наднационального уровня управления в капиталистической мир-системе были созданы на базе уже достаточно развитых к этому времени масонских лож.

Практически до конца XIX века именно масонские ложи обеспечивали управляемость капиталистической мир-системы на наднациональном уровне. В таком управлении ведущую роль играли т.н. островные – расположенные на территории Англии – регулярные масонские ложи, которые, будучи сами предельно законспирированными, фактически полностью контролировали т.н. континентальные регулярные масонские ложи и, по сути дела, руководили последними.

При этом, как отмечает Фурсов, «идеология островных лож исходно носила патриотический, национально ориентированный характер, упирала на исконно английские традиции, следуя принципу "right or wrong, my country"».

И наоборот, «установка континентальных лож была диаметрально противоположной… – космополитизм, подрывавший государственность, традиции и религию (прежде всего католицизм) континентальных государств в интересах Великобритании; в одних случаях это была установка на "самоопределение наций", в других – "объединение наций" (например, Германии и Италии под контролем лож)» [Там же].

Оба типа лож осуществляли глобальные управленческие действия наднационального типа, но островные ложи выполняли основную – дирижерскую – роль, заставляя континентальные (более или менее осознанно) исполнять требуемую от них дирижёром «партию» в том «оркестре» мнений, интересов, социальных и политических движений, которые и наполняли собой, и вели за собой всю капиталистическую мир-систему.

Позже, на рубеже XIX–XX вв. наднациональный уровень управления в масштабах капиталистической мир-системы, по-прежнему играя определяющую роль в функционировании и развитии последней, переместился с масонских лож на другие «площадки», но это уже особая история.

Главное для нас в данном случае подчеркнуть, что возникновение наднационального управления в рамках капиталистической мир-системы привело к тому, что, как формулирует это Фурсов, «появились и обрели характер жёсткой реальности проектно-конструкторские практики влияния на исторические события и процессы, так что с определённого момента развития капиталистической мир-системы её история стала носить проектируемый характер» [Там же].

Возможности реализации такого рода глобальных проектов требуют выполнения ряда условий. По мнению Фурсова, к их числу следует отнести наличие:

- организации, которая обладает соответствующим геополитическим и геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;
- адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской исторической деятельности;
- финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;
- контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или, как минимум, его верхов;
- наличия структур рационального знания, анализирующих закономерности истории, массовые процессы и поведение социальных групп в качестве объектов, и средств реализации проектно-конструкторской деятельности [Там же].

Все эти условия, как отмечает Фурсов, в рамках капиталистической мир-системы оказались в достаточном объёме выполненными уже в XVIII веке, когда «произошло ещё одно изменение кардинального порядка – резко, качественно выросла роль определенным образом организованной («упакованной», структурированной, обобщенно-каталогизированной, декодированной и т. п.), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого Порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием конспироструктур в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.» [Там же].

Примером такого информационного «психоисторического» оружия в истории капиталистической мир-системы, по мнению Фурсова, стал, в частности, знаменитый проект эпохи Просвещения, который получил название «Энциклопедия».

«Энциклопедия» – пишет Фурсов – продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну, социально ориентированная, идейно заряженная и структурированная информация (информация специального и политического назначения), каково её влияние на элиты, ставящее их под воздействие определённого информпотока и открывающее их таким образом влиянию внеположенным их интересам конспироструктур или даже превращающее во внешний круг последних. По сути «Энциклопедия» – это первый пример успешной психоисторической войны эпохи Модерна» [Там же].

Мы практически полностью солидаризируемся с вышеизложенными позицией и соображениями А.И. Фурсова. Заметим только, что в рамках того видения, которое предлагает уважаемый историк, «Энциклопедию» корректнее было бы назвать не «психоисторическим», а «психоконцептуальным» оружием.

Таким образом, следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что уже к XIX веку «англосаксы» – «трёхглавый монстр, эдакий западный Змей-Горыныч: государство (Великобритания) – финансовый капитал (Ротшильды) – закрытые структуры наднационального уровня управления (масонство)» [Фурсов 2017: 5] в своей борьбе за мировое господство вели, как сейчас принято говорить, гибридную войну, используя самые различные виды оружия, в том

числе и оружие «информационное», как открыто пропагандируемое – идеологическое, так и скрыто-индоктринируемое – психоконцептуальное.

Причём главная геополитическая задача, которую в XIX веке решал этот «трёхглавый монстр англосаксов», заключалась в максимальном ослаблении и, в конечном счёте, ликвидации континентальных империй с монархическим типом правления: германской, российской, австро-венгерской. В рамках решения этой задачи и применялось выработанное англосаксами «информационное» оружие.

Основным идеологическим оружием в борьбе против национально-ориентированных монархий для «англосаксов» становится либерализм – претендующая на универсальность и всеобщую применимость идеология, акцентирующая принцип свободы и прав индивида, самодостаточную роль рынка, и делающая основной упор на Просвещение и эмпирическое знание.

«Либерализм – пишет по этому поводу А.И. Фурсов – с его принципом свободы (без равенства) и соревнования (в котором побеждает сильнейший, то есть тот, у кого деньги и власть) оказывался мощным оружием англосаксов, причём вдвойне. Во-первых, он работал на сильного, то есть на гегемона. Во-вторых, он ослаблял слабого, так как навязывал ему те ценности, идеи и правила игры, которые сформулированы сильным в его интересах, отражают его уникальный опыт развития, который англосаксы представили в виде универсального как в плане целей, так и в плане средств. Всем остальным предоставлялось лишь имитировать его, т. е. участвовать в игре на заведомый проигрыш» [Там же: 74].

Облучая идеологией либерализма (в первую очередь) элитные группы страны-мишени (для чего использовались как средства открытой пропаганды, так и структуры закрытого типа – главным образом, масонские ложи), «англосаксы» готовили в этой стране своих агентов влияния, свою «пятую колонну».

Сегодня хорошо известно, что именно этой «пятой колонне» Россия обязана февральской революцией 1917 года. «Англосаксам» удалось эффектным ударом завершить свою вековую борьбу против русской монархии, воспользовавшись условиями, сложившимися в ходе первой мировой войны. (В марте 1917 года на дебатах в британском парламенте ирландский представитель прямо заявил: «Наши лидеры… послали лорда Мильнера [Альфред Мильнер – крупнейшая фигура закрытых структур наднационального управления, Великий Надзиратель Великой ложи Англии, с 1902 года глава могущественной тайной англосаксонской группы "Круглый стол", которая в дальнейшем в Британии стала называться "Королевское общество международных отношений", сменив затем это название на "Чатем Хаус" (Chatham House). В США общество "Круглого стола" носит название "Совет по международным отношениям" (CFR)] в Петроград, чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице» [Алексеева 1989: 145]) Не будем, однако, развивать этот сюжет. Во-первых, он для нас факультативен, и, во-вторых, уже получил достаточно хорошее освещение в научной литературе.

Гораздо менее разработан сюжет о роли «трёхглавого монстра англосаксов» в подготовке (скажем так) варианта Б революционного свержения монархии. Речь идёт об использовании для этого уже не столько элитных групп страны-мишени (вариант А), сколько её простонародья, её низов, её, как сказал бы Маркс, наиболее угнетенного, наиболее эксплуатируемого класса.

Однако для мобилизации класса эксплуатируемых на требуемое интересами «англосаксов» социально-политическое действие – революционное свержение власти в стране-мишени – потребовалась и новое [соответствующее условиям XIX века] «информационное» оружие. Как представляется, именно в рамках решения этой задачи «трёхголовый монстр англосаксов» обратил внимание на публицистические и научные работы уроженца немецкого города Трир Карла Маркса.

Есть веские основания утверждать, что уже ко времени написания «Манифеста коммунистической партии» (1848 год) Марксом – весьма эрудированным мыслителем, блестящем полемистом и, в целом, весьма пассионарной личностью – заинтересовались «серьёзные люди».

Сегодня, благодаря, в частности, работам Э. Саттона (американский исследователь, сумевший получить доступ к работе с ранее закрытыми материалами в архиве Госдепартамента США) мы уже гораздо больше знаем о поддержке проекта Марксизм со стороны «англосаксов» [Саттон 1995; Саттон 1998; Саттон 2004].

Так, например, Саттон опубликовал данные о том, что «Манифест», который должны были написать Маркс и Энгельс, непосредственно субсидировался Жаном Лаффитом – авантюристом и пиратом, выполнявшим в то же время роль представителя банковских кругов США, от которых он и получил указание содействовать написанию «Манифеста».

Сохранилось письмо Лаффита от 29 сентября 1847 года, написанное им своему другу художнику де Франку, проживавшему в городе Сент-Луисе штата Миссури. В письме содержится информация о финансовой помощи, оказанной Марксу. Лаффит, в частности, пишет:

> «Из Брюсселя я отбываю в Париж. Через три или четыре недели я прибуду в Амстердам, а оттуда возьму курс на Америку. Я предостаточно пообщался с господами Марксом и Энгельсом, хотя отказался принимать участие в конференциях по составлению манифеста. Я не хочу присоединяться к их дебатам.
> Господин Энгельс собирается вместе со мной в Париж. Таким образом, я заблаговременно смогу подготовить календарный план по финансированию господ Маркса и Энгельса. Они смогут возобновить работу над рукописью "Капитала и труда".
> С самого начала мне казалось, что двое молодых людей талантливы и наделены незаурядным умом. И я твёрдо в этом убеждён. Это подтверждается анализом статистики в открытии «La Categoric du Capital», стоимости, цены и прибыли.
> Они вторглись в тёмный век безудержной эксплуатации человека человеком. Они показывают, что эксплуатация является корнем всего зла – от крепостного, этого феодального раба, до наёмного раба.
> Понадобились многие годы, чтобы подготовить "Манифест для рабочих мира". На этом пути возникали продолжительные прения между двумя молодыми людьми и их сторонниками из Берлина, Амстердама, Парижа и даже из Шведской Республики.
> Я прихожу в восторг, когда думаю о манифесте, а также других перспективах на будущее. Я помогаю этим двум молодым людям искренне. Я надеюсь, что их планы воплотятся в целостную доктрину, которая сокрушит основы светских династий и предаст последние пожиранию низшими массами. И я молюсь на это» [Саттон 2004: 19].

Информация о финансировании Маркса и Энгельса в период подготовки «Манифеста» содержится также в «Дневнике» Лаффита. [Как пишет Саттон: «Замечательная история дружбы Карла Маркса с Жаном Лаффитом – пиратом, содействовавшим изданию «Манифеста Коммунистической партии», – описана в книге Жоржа Блонда «Histoire de la Filibuste». Как эти данные попали к Блонду?

В оригинале они содержатся в двух книгах, изданных частным образом Стэнли Клисби Артуром в Новом Орлеане. Книги называются «Жан Лаффит – господин Морской Разбойник» и «Дневник Жана Лаффита».

Запись в «Дневнике» от 24 апреля 1848 года гласит:

> «Мои встречи были короткими, но плодотворными. В Париже я жил дома у господина Луи Бертильона и реже в гостиницах. Я встречал господ Мишеля Шевреля, Луи Брайля, Огюстена Тьерри, Алексиса Токвиля, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Дагера и многих других…

> Никто не знал истинных причин моего пребывания в Европе. Я открыл счёт в парижском банке – кредит на хранении для финансирования двух молодых людей: господ Маркса и Энгельса. Им нужно было помочь в осуществлении революции рабочих во всём мире. Они сейчас над ней работают» [Саттон 2004: 20].

При этом, очень похоже, что к написанию «Манифеста» Маркс [насколько нам известно, основным автором «Манифеста» был Маркс; Энгельс, в лучшем случае, ассистировал] относился как к своего рода заданию и, выполняя его, достаточно цинично использовал уже имеющиеся тексты.

«Основные положения "Манифеста" – читаем мы у Саттона – заимствованы из "Принципов социализма" малоизвестного французского социалиста Виктора Консидерана, опубликованных в 1843 г.

Второе издание работы Консидерана было издано в Париже в 1847 г. – за год до публикации "Манифеста Коммунистической партии" и как раз в то время, когда Маркс и Энгельс проживали в Париже.

Факт плагиата был установлен малоизвестным писателем В. Черкесовым и подробно расписан в его «Страницах социалистической истории». Вот небольшое извлечение:

> «Я был, мягко выражаясь, изумлён и даже уничижён, когда около года назад имел возможность ознакомиться с работой Виктора Консидерана "Принципы социализма: манифест демократии девятнадцатого столетия", написанной в 1843 г. и изданной во второй раз в 1847 г.
>
> И на то были основания. В брошюре, состоящей из 143-х страниц, Виктор Консидеран с присущей ему непринуждённостью подробно излагает основы марксизма, этого "научного" социализма, который парламентарии желают навязать всему миру.
>
> Строго говоря, теоретическая часть, где Консидеран рассматривает основополагающие вопросы, не превышает первые пятьдесят страниц. Остальные страницы посвящены судебному преследованию журнала фурьеристов "La Democratic pacifique" со стороны правительства Луи Филиппа – журнал был запрещён присяжными заседателями Сены.
>
> Но на этих пятидесяти страницах известный фурьерист, как истинный знаток своего дела, приводит множество глубоких, ясных и блестящих обобщений. И даже ничтожная выборка его идей исчерпывающе раскрывает все марксистские законы и теории, включая концентрацию капитала и все принципы "Манифеста Коммунистической партии".
>
> Таким образом, вся теоретическая часть, заключённая в первые две главы, которые Энгельс именовал как "в конечном счёте, не потеряющие своей актуальности никогда", попросту заимствована.
>
> "Манифест Коммунистической партии", эта библия революционной демократии, – крайне бездарное изложение отрывков из "Принципов социализма" Консидерана. …
>
> Строка за строкой, – продолжает Саттон – Черкесов разоблачает Маркса и показывает, что он обычный вор. Великий и обожаемый Маркс на поверку оказался не более, чем троечником!
>
> Никто не оспаривает того огромного влияния, которое Карл Маркс и Фридрих Энгельс оказали на мировую историю. Но в то же время, деланное естество марксизма всегда скрывалось» [Там же: 19].

Не будем, однако, углубляться в вопрос, насколько самостоятельно был написан Марксом «Манифест Коммунистической партии». Для нас сейчас важнее другое. Оказывается, что идеи, проводимые в «Манифесте», получили финансовую поддержку со стороны элитных групп тогдашнего (не будем забывать – капиталистического) общества. И в дальнейшем субсидирование трудов основоположника марксизма (да и всей его жизни! – Маркс ведь, несмотря на то, что попадал временами в полную нищету, никогда не нанимался на работу, никогда не был в положении пролетариата, имея, таким образом, о положении своего главного

«героя» сугубо теоретическое представление) со стороны этих элитных групп не прекращалось.

Кто же входил в эти группы? Откуда у Маркса были средства на жизнь?

По этому поводу Э. Саттон пишет:

> «Проведя изыскание, мы обнаруживаем, что средства поступали из четырёх основных источников, и все четыре источника были связаны с властной элитой Германии и Соединённых Штатов.»
> Первым источником Саттон называет Жана Лаффита, среди подвигов которого – отмечает Саттон – «можно выделить шпионаж в пользу Испании и агентурную работу на группу американских банкиров».
> «Вторым источником финансирования Карла Маркса из Америки – продолжает Саттон – был редактор "Нью-Йорк Трибьюн" Чарльз Андерсон Дана. Газета принадлежала Хорасу Грили.
> Оба, как Дана, так и Грили, были связаны с Клинтоном Рузвельтом и его манифестом, призывавшим к построению авторитарного государства…
> Дана привлёк Маркса к написанию статей для "Нью-Йорк Трибьюн". В промежутке с 1851 по 1861 гг. было опубликовано пятьсот работ Маркса».

В качестве третьего (уже германского) источника финансирования Маркса Саттон называет Фридриха Энгельса. В книге «Истоки зла» со ссылкой на Институт Маркса и Энгельса утверждается, что общая сумма, которую Энгельс потратил на поддержку Маркса, составляет 6 миллионов французских франков золотом.

Наконец, деньги поступали Марксу и со стороны прусской элиты в лице семейства фон Вестфаленов. Как известно, Женни фон Вестфален вышла замуж за Карла Маркса. В то же время брат Женни – барон Фердинанд фон Вестфален был министром внутренних дел Пруссии, надзиравшим полицейский департамент, причем Маркс как раз находился под «наблюдением» данного департамента.

> «Иными словами, – пишет Саттон – шурин Маркса отвечал за расследование подрывной деятельности, в то время, как на протяжении многих лет семья фон Вестфаленов материально поддерживала Маркса. В течение сорока лет услуги служанки Маркса Демут оплачивались семьёй фон Вестфаленов. Более того, Демут была нанята лично баронессой Каролиной фон Вестфален.
> Два эссе из ранних работ Маркса в действительности были написаны в поместье фон Вестфаленов в Кройцнах. А средства от поместья были завещаны Марксу» [Там же: 20–21].

Но если элитные группы капиталистической мир-системы финансировали Маркса, значит они так или иначе, были заинтересованы в Марксе, они, так или иначе, но использовали творческий гений Маркса.

Какие же идеи Маркса должны были вызывать наибольшее сочувствие у мировой элиты?

С высоты сегодняшнего дня представляется (как это на первый взгляд – но только на первый! – ни парадоксально), что этими идеями были как раз центральные идеи марксизма о Революции и Переходе к обществу без частной собственности.

Главная задача, которая (устами Энгельса) ставится перед Марксом – написать фундаментальный труд, в котором была бы научно обоснована историческая неизбежность пролетарской Революции и Перехода к обществу, в котором отменена частная собственность на средства производства.

И (так трудно, так долго, с такой неохотой писавшийся Марксом) «Капитал» реально нацелен на решение этой задачи, хотя при этом и потребовалось где-то пожертвовать требованиями научной истинности.

(Показательно в этом плане недоумение Бём-Баверка (учёного-экономиста, одного из основателей маржиналистской теории), разобравшего с предельной ясностью ошибки Маркса в трактовке трудовой теории стоимости. Бём-Баверк просто поражался: как же мог Маркс, действительно – признавал Бём-Баверк – могучий ум и кладезь знаний, сделать «детскую ошибку», утверждая, что только «живой труд» способен приносить прибавочную стоимость?! И не только утверждать, но и строить на этом утверждении колоссальную по использованию фактологического материала теорию капитала [Бем-Баверк 2002].

Ситуацию, вызвавшую такое недоумение Бём-Баверка, можно, однако, прояснить указанием на то, что устранение Марксом отмечаемой Бём-Баверком «детской ошибки» повлекло бы за собой и изменение марксисткой трактовки теории прибавочной стоимости и, главное, изменение теории капиталистической эксплуатации человека человеком. А такие изменения (если бы их пришлось сделать) не позволили бы Марксу рекомендовать пролетариату в качестве «руководства к действию» Революцию, направленную на Переход к обществу, в котором отменяется частная собственность.)

Но зачем мировой капиталистической элите революционные и антикапиталистические идеи Маркса?

Определённое понимание возникает, если мы учтём, по крайней мере, два обстоятельства.

Во-первых, надо понимать, что образующаяся в недрах капитализма его высшая управленческая верхушка или, т.н. властная элита приобретает, в конечном счёте, не столько капиталистический, сколько сверхкапиталистический характер.

Сверхкапитализм решает управленческие задачи в глобальном масштабе и нацелен на установление своего господства уже не в рамках отдельных государственных образований (классический капитализм), а в рамках всей мировой хозяйственной системы.

Сверхкапитализм – это уже (как говорили большевики) земшарная республика, в которой стёрты национальные границы, в которой нивелированы исторически сложившиеся традиции и обычаи, в которой все «скованы одной цепью», поскольку имеют одинаковые ценности, одинаковые культурные привычки, одинаковые стандарты потребления и организации досуга.

Сверхкапитализм – это массовое (в масштабе всего мира) производство на основе использования всех мировых ресурсов (как природных, так и человеческих) и соответствующая утилизация всего произведённого плюс амортизация использованных ресурсов.

Сверхкапитализм – это тот самый Новый Мировой Порядок, который так пропагандировал Г. Уэллс – не только всемирно известный писатель, но – что существенно более важно – один из ведущих идеологов «англосаксов», член целого ряда закрытых структур наднационального управления, высокопоставленный представитель британского разведывательного сообщества [Перетолчин 2015; Перетолчин б/г]

Декларируя самые благородные цели – мир без войн, в котором становится возможным достигать всё новых уровней процветания и могущества – Г. Уэллс (как считается, автор самого термина – НМП или новый мировой порядок) указывает, что это возможно только в космополитично устроенном («едином в политическом, социальном и экономическом отношении») обществе, управляемом т.н. мировым правительством, которое способно осуществлять «эффективный мировой контроль не только за вооружёнными силами, но и за производством и перемещением предметов широкого потребления, а также за миграцией и ростом населения» [Уэллс 2021: 42–43].

Но взять на себя функции такого мирового правительства – это и есть главная мечта, главное целедостижение мировой капиталистической элиты, становящейся на уровне осуще-

ствления своей мечты, то есть в рамках установления нового мирового порядка – сверхкапиталистической.

А сверхкапиталистическая элита уже тяготится классическим капитализмом, в котором объявляется священным право частной собственности. Массовый человек в сверхкапиталистическом обществе (новом мировом порядке) должен быть предельно эффективно управляем и (можно сказать) предельно эффективно эксплуатируем. Но для этого массовый человек должен быть освобождён от частной собственности

Действительно, (соответствующим образом обеспеченное) право частной собственности позволяет человеку самостоятельно воспроизводить собственную жизнь, то есть быть (относительно) независимым. Отмена же права частной собственности, наоборот, делает человека предельно зависимым от тех, кто фактически распоряжается обобществлённой собственностью на средства производства. Теперь только в их руках судьба конкретного, «голого» (то есть лишённого прав собственности) человека. Любое проявление нелояльности со стороны последнего будет теперь весьма эффективно пресекаться. Соответственно, «голый» человек уже ничего не может противопоставить воле «партии и правительства» (партия сказала «надо», комсомол ответил «есть»). Управлять «голыми» людьми куда как проще, а степень эксплуатации «голых» людей может достигать самого высокого уровня.

С учётом этих соображений, вполне можно допустить, что ориентированная на построение сверхкапитализма или нового мирового порядка мировая капиталистическая элита уже в XIX веке более или менее сознательно (как минимум, на уровне своего «классового» инстинкта) видела определённый потенциал для реализации своих фундаментальных интересов за счёт использования в своих целях социалистического (левого) движения, прокламирующего Переход к обществу без частной собственности, и именно поэтому (по крайне мере, финансово) поддерживала как Маркса, так и его социалистические (коммунистические) идеи.

Надо сказать, что подобным образом рассуждает и Э. Саттон. Резюмируя свою трактовку целей ориентированной на сверхкапитализм мировой капиталистической элиты Саттон пишет:

> «Для каких целей элита финансировала Маркса?
> Цель одна – всей мощью марксистской философской канонады обрушиться на средний класс и таким образом добиться господства элиты.
> Марксизм – это средство для упрочения власти элитой. Он не ставит своей задачей облегчить страдание бедных или способствовать прогрессу человечества. Это всего лишь план элиты, как та утопия, «наивная и незамысловатая» [Саттон 2004: 23].

Но идеи, развиваемые Марксом, интересовали мировую капиталистическую элиту не только в плане достижения их стратегических целей, связанных с установлением общества сверхкапитализма или нового мирового порядка.

В не меньшей (если в не большей) степени мировая капиталистическая элита в лице «трёхголового монстра англосаксов» была заинтересована и в решении своих тактических задач по свержению национально ориентированных континентальных монархий, для чего явно не лишне было бы иметь в своём арсенале и психоконцептуальное оружие, имплицирующее Революцию как радикальное свержение укоренённого в данной стране порядка.

Есть достаточно серьёзные основания утверждать, что изначально Маркс заинтересовал «англосаксов» именно как идеолог Революции.

Соответствующий историкографический материал систематизирован и приведён в достаточно обстоятельной работе В.В. Мартыненко «Марксизм на службе империализма». Именно на эту работу мы и будем опираться в дальнейшем изложении.

Как считает Мартыненко, главным посредником между мировой капиталистической элитой в лице «англосаксов» и Карлом Марксом был «неразлучный друг» и соавтор последнего Фридрих Энгельс.

Неполиткорректную (если не неприемлемую) с точки зрения принятой в отечественном (как в советском – что, конечно, не удивительно, так и постсоветском – что уже выглядит более странным) обществознании информацию о Фридрихе Энгельсе русскоязычный читатель получил после появления в Сети перевода книги Л. Ларуша «Что вы на самом деле хотели бы знать об экономике» (книга опубликована в США в 1984 году, русский перевод появился в 1992 году, в Сети книга – с 2006 года). Книга Ларуша посвящена изложению его экономических взглядов, так что фактографическую информацию о Марксе и Энгельсе Ларуш даёт как бы вскользь, но даёт как вполне уже установленную.

В частности, Ларуш пишет:

«Энгельс был британским агентом группировки лорда Пальмерстона и работал в качестве ревизора Карла Маркса (который для британских спецслужб представлял в то время целое состояние), разделяя эту работу с такими британскими официальными лицами, как известный Давид Уркхарт и др. … Лорд Пальмерстон контролировал заговорщиков из "Молодой Европы" Джузеппе Мадзини. Маркс же был орудием Мадзини до тех пор, пока хозяева последнего не приказали ему бросить Маркса в 1869 г. После смерти Маркса Энгельс придумал легенду о своей дружбе с ним, что было преувеличением, если не сказать больше» [Ларуш 1984].

Комментируя вышеприведённые слова Ларуша, Мартыненко сообщает:

> «Это утверждение первоначально показалось нам слишком надуманным. Как известно, большинство исследователей оценивают Энгельса как друга и соратника Маркса, хотя и отмечают, что отношения Маркса и Энгельса были непохожи на отношения Маркса со всеми остальными его друзьями…
> Не слишком большое значение мы придавали и тому факту, что после революции 1848–49 годов среди ведущих европейских стран только Англия согласилась предоставить Марксу, как и большинству других революционеров, политическое убежище.
> Несколько большее недоумение вызывал, конечно, тот факт, что, хотя К. Маркс более тридцати лет (с 1849 г. и до своей смерти в 1883 г.) жил в Лондоне, где и написал свой "Капитал" (1867), его первое издание на английском языке состоялось только после смерти Маркса, в конце 1886 года: через 20 лет после появления "Капитала" в Германии. К этому времени "Капитал" уже 15 лет существовал также в изданиях на французском и русском языках.
> Отметим и тот факт, что в предисловии к английскому изданию Ф. Энгельс написал, что теория Маркса "представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, … это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами". Между тем из текста "Капитала" этот вывод не вытекает.
> Большее удивление вызвал тот факт, что и произведение Ф. Энгельса "Положение рабочего класса в Англии", написанное им во время его первого пребывания в этой стране (1842–44), было опубликовано впервые в Германии на немецком языке. Первое же его издание на английском языке состоялось только спустя 50 лет, то есть, когда те, о чьём положении писал Энгельс, отошли в мир иной.
> Более того, при жизни Маркса ни одно из его "классических" произведений (впрочем, как и работ Энгельса) не было опубликовано в Англии. За два года до смерти Маркса английский экономист Дж. Рай (1845–1915) в статье, опубликованной в "Contemporary Review" ("Современном обозрении") заметил: "Удивительное, но весьма значимое обстоятельство заключается в том, что Карл Маркс меньшего всего был известен в стране, где жил и работал последние 30 лет. Его слово облетело весь мир и вызвало в определённых местах

> такие отголоски, которые правительства не могут ни допустить, чтобы они продолжали звучать, ни заглушить их; но здесь, где оно было произнесено, его голос был едва слышен".
> Эти факты, а также дальнейшее изучение работ, жизни и деятельности Маркса и Энгельса заставили нас более внимательно отнестись к заявлению Л. Ларуша» [Мартыненко 2005: 102–125].

В конечном счёте, уже на основе собственных изысканий (подробнее см. указанную работу) Мартыненко солидаризируется с Ларушем, полагая что, действительно, Ф. Энгельс был завербован британскими службами и, с учётом уже их интересов, занимался кураторством по отношению к К. Марксу.

Своего рода пакт о совместной деятельности Энгельс и Маркс заключили на своей, ставшей уже легендарной встрече в августе 1844 года, когда в течении 10 дней и ночей два молодых человека, выпив огромное количество красного вина, не покидали парижскую квартиру Маркса.

При этом Мартыненко полагает: «главное, что, скорее всего, привлекло внимание к Марксу британских спецслужб и Энгельса была уже во многом определившаяся к этому времени идеология Маркса. Энгельс, вероятно, прекрасно понял, что она могла быть с успехом использована в рамках предполагаемой революционной деятельности и захвата власти, прежде всего, в Германии (британские власти, вероятно, устраивала просто дестабилизация государственной власти и ослабление их континентальных конкурентов)» [Там же].

Действительно, уже в первых двух своих серьёзных работах, опубликованных в 1844 году в «Немецко-французском ежегоднике» («О еврейском вопросе» и «К критике гегелевской философии права. Введение».) Маркс выдвигает идею о политической предназначенности пролетариата стать господствующим классом. В частности, в «К критике гегелевской философии права» Маркс, ставя вопрос о возможности захвата власти в современном ему обществе, даёт такой ответ: «…нужен класс, по определению закованный в цепи, класс гражданского общества, не принадлежащий к гражданскому обществу, класс, который является распадом всех классов… Этим распадом общества в форме специфического класса является пролетариат» [Маркс 1955: 427].

Причём революционную роль пролетариата в этой ранней своей работе Маркс обосновывает следующим образом: «каждый класс, вступая в борьбу против вышестоящего класса, оказывается вовлечённым и в борьбу с классом, стоящим ниже его. Так князья борются с королями, бюрократы с аристократами, а буржуазия против них всех, в то время как пролетариат уже начинает борьбу против буржуазии» [Там же: 428]. Цепь подобных противостояний прервётся только тогда, когда победу одержит самый низкостоящий класс, которым и является пролетариат. Только тогда завершится перманентная классовая борьба и «восторжествует всеобщее освобождение».

Так уже молодой Маркс сумел заявить о себе как об идеологе пролетарской Революции, идеологе революционного движения, в которое вовлечены и которое должно проводиться низшими слоями общества.

И хотя позже Маркс обосновывал революционную роль пролетариата, пользуясь уже другой логикой, самое главное было произнесено – захват власти пролетариатом. Этой темой Марксу придётся заниматься всю жизнь. Во многом ещё и потому, что именно за разработку этой темы Маркс получал соответствующее финансирование.

«Вероятно, в течение совместно проведённых десяти дней, – пишет Мартыненко – Маркс и Энгельс определили и согласовали свои возможности и функции для реализации идеи захвата политической власти в Германии с помощью революционного переворота (и, очень возможно, с надеждой на поддержку британских спецслужб). В рамках их совместной команды Марксу, похоже, была отведена роль основного идеолога и теоретика, а Эн-

гельсу – роль его главного помощника и финансиста, а также координатора отношений с различными политическими силами (в том числе и в международном аспекте)» [Мартыненко 2005: 102–125]. Многое и в последующих событиях, и в совместной деятельности Маркса и Энгельса становится более понятно, если мы признаем правомерность высказанной Мартыненко гипотезы.

В частности, становится понятной внутренняя логика написания Марксом своих научных трудов. Нельзя не видеть, как пишет Мартыненко, что «идея пролетариата как могильщика буржуазии появилась не в результате глубокого экономического анализа и выявления законов исторического развития общественно-экономических формаций, как это стало преподноситься и Энгельсом (после выхода «Капитала» Маркса), так и всеми последующими марксистами. Это идея не явилась (как обычно бывает в науке) итоговым результатом «научной» деятельности Маркса. Наоборот – проведённый Марксом экономический анализ, фактически, являлся подгонкой под уже выработанную с самого начала философски спекулятивную идею победы пролетариата как низшего и последнего класса гражданского общества.

Причём именно Энгельс – добавляет Мартыненко – поставил перед Марксом задачу представить её расширенное экономическое «подтверждение» для обоснования захвата политической власти пролетариатом (точнее – привлечения пролетариата для захвата власти) и заняться изучением политэкономии» [Там же].

Долго и трудно выполнял Маркс поставленную перед ним задачу. Только в 1859 году Маркс предоставил, как он говорил, первую часть своего фундаментального политэкономического труда, которая называлась «К критике политической экономии». Несмотря на то (а, может быть, и благодаря тому), что появлению этой работы предшествовала мощная рекламная компания – рекламировался выход книги, которая произведёт переворот в политэкономии – работа Маркса впечатления не произвела. «Ещё ни одна книга так сильно не разочаровывала» – вспоминал позже Вильгельм Либкнехт.

Действительно, собственно экономическое содержание «К критике политической экономии» весьма малосодержательно, так что ни о каком «перевороте в политэкономии» в рамках этой работы говорить не приходится.

Правда, Маркс обещал уже к концу 1859 года представить и вторую часть, которая, собственно, и должна была произвести тот самый переворот. Но своё обещание Маркс (что в общем то было для него вполне характерно) не сдержал. Прошло ещё долгих восемь лет, прежде чем Маркс выполнил обещанное. Только в 1967 году был опубликован первый том «Капитала» (конечно, не в Англии, где жил и работал Маркс, а в Германии, которая для Англии играла в то время роль геополитического противника).

Но и выход «Капитала», несмотря на мощную рекламную поддержку, которую организовывал Энгельс, прошёл практически незамеченным. Тяжеловесный политэкономический труд, который к тому же содержит фундаментальные научные некорректности, вряд ли мог сам по себе кого-то заинтересовать. Для простых людей (не говоря уж о пролетариате) он был слишком заумен, для научного сообщества он был малоубедителен.

Однако «Капитал» никак нельзя рассматривать «сам по себе». «Капитал» был встроен в тот «пазл» рабочего революционного движения, который бережно и тщательно складывали «англосаксы». В рамках этого «пазла» «Капитал» занял краеугольное место, служа, как стало принято считать, мощным научным обоснованием правомерности и даже исторической необходимости совершения пролетарской революции, обеспечивающей смерть капитализма и возвещающей наступление новой – коммунистической – эры.

Именно благодаря «Капиталу» было произведено фундирование марксизма как научной теории и осуществлена научная легитимация марксисткой идеологии.

Пазл сложился – марксизм получил своё окончательное оформление, соответствующее психоконцептуальное оружие поступило на вооружение. Проект Марксизм смог начать свою бурную деятельность.

Заключение

Нельзя не признать, что раскрутка проекта Марксизм принесла впечатляющие плоды. Марксизм стал научной и идеологической платформой для большого числа социал-демократических и рабочих партий по всей Европе, марксизм под видом научно обоснованной идеологии был успешно индоктринирован в массовое общественное сознание (при этом стало принятым подвергать диффамации всех тех, кто мог позволить себе усомниться в научной истинности и верности марксистской теории). Марксизм, будучи, несмотря на свои откровенные слабости, весьма устойчивым – индифферентным – к любого типа критике, уже оказал и продолжает оказывать мощное психоконцептуальное влияние на огромное число людей во всем мире. И трудно даже сказать, когда этому – совершенно неоправданному с научной точки зрения – влиянию будет положен конец.

Алексеева И.В. 1989. Миссия Мильнера. – *Вопросы истории*. – № 10. – С. 143–148.

Бём-Баверк О. 2002. *Критика теории Маркса*. – Челябинск: Социум. – 283 с.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. 2015. Новая военная стратегия США и поведенческие войны. – *Информационные войны*. – № 3. – С. 27–34.;

Ларуш Л. 1984. *Вы на самом деле хотели бы все знать об экономике?* – Доступно: https://booksonline.com.ua/view.php?book=9437. – Проверено: 25.01.2023.

Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. Введение. – Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. в 50 т. – Т. 2*. – М.: Государственное издание политической литературы.

Мартыненко В.В. 2005. Марксизм на службе империализма. – *Наука. Культура. Общество*. – № 3. – С. 102–125. – Доступно: http://www.martynenko.info/index.html?currart=caldera. – Проверено: 25.01.2023.

Перетолчин Д.Ю. 2015. *Мировые элиты и Британский рейх во второй мировой войне*. – М.: Книжный мир. – 459 с.

Перетолчин Д.Ю. б/г. *Неизвестный Уэллс*. – Доступно: https://zavtra.ru/blogs/neizvestnij_uells. – Проверено: 25.01.2023.

Плеханов Г.В. 1991. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен. – *Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка*. – М.

Саттон Э. 1995. *Как Орден организует войны и революции*. – М.: Паллада. – 128 с.;

Саттон Э. 1998. *Уолл-стрит и большевицкая революция*. – М.: Русская Идея. – 400 с.;

Саттон Э. 2004. *Власть доллара*. – М.: ФЭРИ-В. – 236 с.

Уэллс Г. 1928 (2021). *Открытый Заговор*. – М: «Кислород». – 126 с.

Фурсов А.И. 2014. *Психоисторическая война*. – Доступно: http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/. – Проверено: 25.01.2023.

Фурсов А.И. 2017. *Мировая борьба. Англосаксы против планеты*. – М.: Книжный мир. – 517 с.

Черников М.В., Филатов Д.А, Букреев В.А. 2020. Принципы ведения поведенческих войн: современный научный подход. – *Информационные войны*. – № 3 (55). – С. 32–41.

Кафедра

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ[1]

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Публикуемый текст представляет собой лекцию, которая была прочитана автором в 1992 г. для слушателей Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ростовском государственной университете, а затем издана отдельной брошюрой. Рассматриваются проблемы социальной структуры, её явных и скрытых элементов, элит и групп давления, клик, мафий и родственно-земляческих связей. Основанием для републикации служат два факта: изложенные в лекции 1992 г. идеи развиты коллегами и привели к квалификации современного политического порядка в России как кликократического; к автору до сих пор обращаются с просьбами прислать материал тридцатилетней давности.*

Ключевые слова: *социальная структура, её явные и скрытые элементы, элиты и группы давления, клики, мафии, родственно-земляческие связи.*

Любое развитое общество представляет собой систему, состоящую из множества различных элементов. С точки зрения величины можно выделить: микроэлементы (индивиды), миниэлементы (социальные группы) и макроэлементы (классы, нации). Из этих элементов состоит социальная структура.

В рамках каждого общества можно выделить население как некое множество индивидов, определить их число и социально-демографические свойства. НО при исследовании социальной структуры нельзя концентрироваться лишь на индивидах. И не потому, что люди разные и отличаются друг от друга. Причина в том, что люди в своей единичности и неповторимости не являются непосредственными элементами социальной структуры.

Такими элементами выступают множества индивидов, которые сформировались в обществе в процессе совместной жизни и взаимодействия. Эти множества образуют данное общество. Отдельные индивиды существуют в социальной структуре только опосредованно – через участие в различных социальных множествах, выполняемые в них функции и социальное положение, которое определяется названными функциями.

В зависимости от принятых методологических предпосылок социологическое исследование общества может рассматривать классы, нации, сословия, слои, малые группы и т. п.

[1] Впервые опубликовано: Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. – Ростов-на-Дону, Изд-во «Логос», 1992. – 18 с.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.123133

К настоящему времени в мировой социологии существуют два главных подхода к изучению социальной структуры: марксистский и структурно-функциональный. Марксистский подход традиционно сосредотачивался на изучении классов, наций и других больших социальных групп. Представители структурно-функционального подхода главным объектом анализа обычно считают социальные группы. За последние десятилетия в отечественной социологии пробили себе дорогу (разумеется, с громадным запозданием и издержками) тенденция к сближению обоих подходов. В статьях и книгах о социальной структуре теперь речь идёт в основном о социальных группах.

Возникает вопрос: есть ли нечто общее между марксистским и структурно-функционалистским подходами к исследованию, если пренебречь методологической и страноведческой спецификой генезиса того и другого? Я думаю, общее заключается в том, что несмотря на все различия между марксизмом и структурно-функционалистским подходом к изучению социальных явлений, они фиксируют и делают предметом анализа лишь явные элементы социальной структуры. И пренебрегают её скрытыми элементами, хотя последние имеют большое значение в формировании общественной жизни и потому заслуживают не меньшего внимания, чем классы, нации, социальные группы и др.

Характерно и то, что скрытые элементы социальной структуры фигурируют либо в уголовной хронике, либо в политической публицистике, либо в юридических и психологических работах о «девиантном поведении». Но практически не затрагиваются в публикациях, посвящённых социальной структуре общества. Программы социологического обучения в стране также обходят эту тему. Данный факт тоже заслуживает размышления, однако не входит в задачи лекции.

Если мы говорим о социальной структуре в рамках целостного восприятия общества (методологические аспекты этой целостности или тотальности также могут быть предметом особого разговора), то обычно имеем в виду не просто множество различных элементов, из которых состоит общество, но нечто большее. Социальная структура есть такое множество его составных частей, которые в своём существовании, поведении и действии обнаруживают присущую им организацию. Последняя соединяет указанные части и формирует их взаимодействие в соответствии с целями данного общества.

Если нам требуется более подробное знание о социальной структуре, то мы должны учитывать как её явные элементы, так и скрытые, увидеть которые иной раз трудно, хотя мы ощущаем их не только интуитивно. Скрытые элементы социальной структуры обычно не бросаются в глаза и существуют наряду с официально признанными. Те и другие определяют данную структуру, поэтому их изучение важно с теоретической и практической точек зрения. Одним словом, такое знание необходимо, если мы ставим перед собой серьёзную цель что-то существенно изменить в обществе и пытаемся соответствующие политические, правовые или экономические решения.

Общие рассуждения о классах, нациях, слоях и этносах уже не настолько продуктивны, чтобы дать какое-то новое знание о социальной структуре. На основе абстрактных констатаций нельзя сформировать конкретные программы преобразования или формирования общества. Не исключено, что исследование скрытых элементов социальной структуры может продвинуть вперёд не только социологию, но и политологию, этнографию, не говоря уже о практическом взаимодействии социолога со структурами власти, которые сопротивляются или соглашаются с программами социальных преобразований.

Чтобы выполнить эту задачу, попытаемся указать различие между явными и скрытыми элементами социальной структуры.

К явным элементам принадлежат все те составные части общества, которые настолько институционализованы и формализованы, что считаются самоочевидными и не требуют ни

особых доказательств, ни социологического или политологического профессионализма. Явные элементы порождают официальное представление о данном обществе, которое обычно широко тиражируется и преподаётся.

Явные элементы социальной структуры включают:

1. Классы и классоподобные образования (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция).

2. Политические группы (партии, общественно-политические и профессиональные образования и движения).

3. Территориально-региональные группы, которые можно вычленить по географическим, этническим или социально-экономическим критериям (типа Поволжья, Дона, Кубани, Урала, Сибири и т. п.), а также в соответствии с административным делением страны (область, край, республика и т. д.).

4. Вероисповедные группы: большие (типа православных, католиков, магометан, буддистов) и малые (религиозные секты и подпольные церкви).

5. Демографические группы, которые выделяются по критериям пола, возраста, образования, профессии, социального происхождения и проч.

В практике общественной жизни все перечисленные элементы выделяются с точки зрения определённых критериев, которые важны не только для теории. Каждый из названных критериев в той или иной степени связан с конкретными правами, обязанностями и чувствами людей. В этом смысле они не тожественны социальной статистике, поскольку могут быть субъектами социально-значимых действий. Конечно, данные элементы не исчерпывают всех составных частей социальной структуры. Но они настолько важны, что без них не может обойтись ни социологическое исследование, ни мало-мальски нормальное управление обществом.

Поскольку все явные элементы достаточно хорошо известны, более пристально присмотримся к скрытым элементам социальной структуры.

В любом обществе наряду с явными социальными образованиями существуют «невидимые» на первый взгляд, однако влияющие на социальную жизнь достаточно сильно элиты, группы давления («лобби»), клики, мафии и родственно-земляческие связи или группировки. Нельзя отрицать тот очевидный факт, что указанные элементы непосредственно и опосредованно формируют общество и влияют на него. Непосредственное влияние заключается в прямом воздействии на главные сферы общественной жизни – экономику, политику и идеологию. Опосредованное влияние происходит через уклады или констелляции интересов, которые существуют в обществе и в его отдельных частях.

Названные элементы являются скрытыми не только потому, что они не зарегистрированы социально и по своим размерам меньше явных элементов социальной структуры. Они труднее фиксируются социологическим анализом, так как нередко сознательно скрывают своё существование, хотя оно не всегда противоречит праву. Этим объясняются причины их недостаточной социологической изученности.

Обычно скрытые элементы социальной структуры существуют неофициально, поскольку сам факт их наличия может не одобряться обществом. Тогда как в соответствии со стандартами бюрократизированной науки существует то и только то, что признается официально. Например, если многообразные ведомственные и политические лобби или мафиозные группировки не зарегистрированы, то они официально вроде бы не существуют. По этом причине рутинно мыслящий социолог или политолог пренебрегает их исследованием.

В то же время из истории многих обществ, включая советское, хорошо известно, что упорное замалчивание тех или иных фактов и явлений не приводит к их ликвидации. Всякие барьеры на пути к обладанию социологически-беспощадной информацией порождают то,

что данные социальные явления получают возможность трансляции независимо от социальных изменений, сколь бы революционными они не были. Факт наличия скрытых элементов социальной структуры требует заново обсудить проблему социальной нормы и социальной патологии.

В каждом обществе *нормальные* и *патологические* явления устанавливаются чисто конвенционально, ибо провести границу ними чрезвычайно трудно. Поэтому всякие разговоры об определённых социальных явлениях как о «пережитках» или «родимых пятнах» теоретически бесплодны, а политически-опасны. Например, Маркс конструировал такое представление об обществе, в котором связи между людьми являются прозрачными по той причине, что устанавливаются рационально или по любви. Но достаточно прочесть письма основателя новой идеологии к своему будущему зятю, чтобы уяснить, основоположник новой концепции социального устройства был ничуть не свободен от типично бюргерской заботы о своих «чадах и домочадцах». А поскольку рациональность в марксовом понимании предполагает только революционный акт освобождения пролетариата от всей мерзости старого общества, то марксова забота о своих собственных детях оказывается в той же степени «нормальной», что и «ненормальной».

Приведу ещё один пример. Революционные элиты России давно проповедовали презрительное отношение к семье, так как (по определению основоположника марксизма) семья есть самая абстрактная характеристика человека. Однако эта проповедь ничуть не помешала тому, что браки между революционерами и революционерками заключались в сравнительно узком кругу. Тем самым чисто идейные или политические связи на деле могут способствовать тому, что на вершине власти транслируется типично традиционалистская структура семьи, а вслед за нею – весь старый хлам социальной исключительности и мезальянса. Что здесь следует считать нормой, а что патологией?

Короче говоря, некоторые социальные связи и факты существуют независимо от нашего одобрения или неодобрения. Поэтому свободная от бюрократического подхода к действительности наука должна заниматься не только тем, что обрело официальную санкцию существования и одобрения, но и теми явлениями, которые таких санкций не имеют, но объективно существуют.

Рассмотрим подробнее скрытые элементы социальной структуры.

Элиты и группы давления. В повседневном языке под элитой понимается определённое множество людей, которые отличаются от остальных с точки зрения реальных или приписываемых свойств. Нередко элиты отождествляются с начальством разного ранга.

В социологии термин *элита* тоже не однозначен. По мнению В. Парето, элита – это руководящая группа, которая противостоит массам [Pareto 1955, 161–163]. Аналогичным образом определял элиту Ортега-и-Гассет: «Элита есть множество индивидов, обладающих особой интеллектуальной квалификацией и осознающих свою индивидуальность. Тем самым элита противостоит массе как множеству обычных рядовых людей» [Ortega y Gasset 1955: 71]. Нередко под элитой понимается множество людей, выполняющих руководящие функции в социальной, экономической, политической, научной или культурной жизни [Dreitzel 1962: 231].

В самом общем виде элитой признается множество людей, занимающих высшее положение в обществе с точки зрения установленных правил престижа или авторитета. Легитимность элит обычно оправдывается наличием у них определённых свойств, которые высок оцениваются в данном обществе. К их числу относятся: аристократическое происхождение, богатство, высокие достижения в различных сферах профессиональной деятельности, степень влияния в экономической, социальной и политической жизни. Р. Дарендорф считает,

что элиты есть группа носителей ведущих позиций в институционализованных структурах политики, экономики, образования, права, армии, религии и культуры [Dahrendorf 1961: 79].

Приведённые определения элит должны быть соотнесены с конкретно-историческими формами общества. Например, при изучении феодального общества (или кастовых обществ Востока) становится ясно, что принадлежность к элите была связана с принадлежностью к привилегированным сословиям. Сам факт рождения («родовитость», «знатность») в привилегированном сословии означал право наследования собственности и социального положения родителей. Через эти механизмы социальной трансляции можно было войти в состав руководящих групп общества, из которых рекрутировались политические, военные, идеологические и иные руководители. Так понятая элита была замкнутой группой династического или олигархического характера [Manneim 1966: 101–106].

По мере становления капиталистического общества, ликвидации сословий и развития демократии концепция династических и олигархических элит теряет свою эвристическую и методологическую ценность. Появляются концепции элит, существующих по принципу «свободной игры сил». В капиталистическом обществе в состав элиты может войти каждый, и каждый может быть из неё исключён – в зависимости о достигнутых успехов или понесённых поражений в конкуренции с другими. Этот принцип поддерживается всеобщим образованием и равенством граждан перед законом.

Ясно, что доступ в понятую таким образом элиту не был усеян розами. Беспардонная конкурентная борьба – основной принцип существования капиталистического общества. Буржуазное общество ликвидирует все ограничения, вытекающие из феодальных привилегий, зато привилегия обладания собственностью стала главной. Право собственности при капитализме определяет переход имущества, средств производства, капиталов и иных благ из рук одного поколения в руки другого. То же самое можно сказать о социализме. Несмотря на все усилия анархистов ликвидировать право наследования, сделать это до сих пор не удалось. Поэтому право собственности переплелось с феодальным правом наследования и определяет положение индивидов в современных капиталистических и социалистических (хотя сами названия стали уже чисто условными) обществах.

Иными словами, постфеодальное общество заменяет наследование феодальных титулов наследованием собственности или должности. Вместо родовых олигархий появляются финансовые, политические и управленческие олигархии, влияние которых значительно шире, нежели влияние древних феодальных олигархий, связанных с царствующими династиями посредством браков или ленов. Влияние постфеодальных сплошь и рядом выходит за рамки данного общества или государства.

На определённом этапе развития индустриальных обществ возникает разделение функции управления и права собственности. Промышленное производство и государственная машина усложняются и требуют особых кадров руководителей и специалистов. Под влиянием таких изменений преобразуются способы управления хозяйством и государством, появляется мощный слой экономической, политической и идеологической бюрократии. Серьёзные исследователи единодушны в том, что в социалистическом обществе этот слой становится новым классом. Возникают противоречия между собственно капиталистическими олигархиями и принципами демократии.

Как правило, шансы преодоления этих противоречий усматривались в реализации следующих принципов:

Всеобщее образование населения включает развитую систему знаний о правах и обязанностях гражданина, которую должен усвоить каждый, кто собирается заниматься политикой и управлением государством.

Разделение труда порождает блок специальных знаний о различных сферах общественного производства. Из специалистов формируются руководящие элиты и органы общества, способные выражать стремления и интересы его наиболее многочисленных и влиятельных классов и слоёв. Избирательная система, выполняющая указанных функции, должна находиться под постоянным контролем общества.

Отбор руководящих органов из всех классов и слоёв общества осуществляется на основе критериев специализации и социально-этических требований. Это необходимо для того, чтобы преодолеть негативные последствия циркуляции элит путём постоянной смены караула на руководящих постах.

Однако опыт XX в. показал, что вся приведённая система критериев может стать основанием для появления новых привилегий и элит типа номенклатуры и социалистических странах. Она выполняет функции правящего, эксплуататорского и привилегированного класса общества. Никаких радикальных средств для предотвращения данного процесса социальная наука и практика пока предложить не может. Видимо, он просто свидетельствует о неизбежном загнивании индустриального общества независимо от его капиталистической или социалистической окраски.

В отечественном обществоведении проблема элит при анализе социальной структуры практически не затрагивалась, за незначительными исключениями [Нарта 1977]. Официальная наука партийного и советского строительства оперировала понятием *кадры* для конструирования идеальной модели политика и управленца. Сочинялись горы идеологической макулатуры о *кадрах революционеров*, *партийно-хозяйственном активе*, *идеологическом активе* и т. п. По сути дела, данная терминология скрывала проблематику, которая с мировой политологии связана с анализом элит. Мало того, что термин *кадры* менее строг, чем понятие *элита*. Слуги политического режима, существовавшие до недавних пор в СССР и других странах Восточной Европы, обычно избегали этого понятия, потому что оно разработано в буржуазной социологии. Разумеется, нельзя отрицать идеологическое содержание любого понятия социальной науки. Но проблема мистифицированного смысла любой политической идеологии, включая марксистскую, у нас тоже изучена слабо.

Однако последовательные марксисты XX в., целиком или частично несогласные с ленинско-сталинской версией марксизма (Л. Троцкий, М. Джилас, Д. Бернхем, М. Восленский и др.), вполне детально обосновали идею: значение классов в социальной структуре ничуть не мешает существенно отличаться от роли классов. Развивая эту идею, можно сказать: отрицание существование элит в нашем обществе тождественно такой мыслительной процедуре, когда мы отрицаем существование палочки Коха, поскольку не разделяем его взглядов на происхождение туберкулёза. Аналитический подход к социальной структуре предполагает учёт всех её составных частей, а не только главных или ведущих.

Элиты современного общества можно выделять по горизонтали – и тогда мы получаем набор экономических, политических, военных, идеологических, научных, культурных и т. п. элит, и по вертикали – и тогда объектами анализа становятся люди и группы, имеющие общесоциальное, региональное и локальное значение. Такой подход намечен в исследованиях Р. Миллса и других учёных [Миллс 1959]. При этом обычно одни делают акцент на происхождение, другие – на внутреннюю дифференциацию элит.

Функционирование элит тесно переплетено с существованием различных групп давления или лобби. Эти группы прежде всего защищают свои собственные интересы, но попутно могут защищать интересы тех слоёв общества, которые являются источником их реальной или мнимой силы. Группы давления влияют на партии, парламенты, различные звенья власти и управления, а также на общественное мнение. Главное средство такого влияния – угроза призвать к действию те социальные слои, которые за ними стоят и интересы которых они

выражают в конкретной ситуации. При этом выражение данных интересов обычно переплетено с текущими интересами групп давления.

К важнейшим группам давления относятся те, которые не борются прямо за власть, но настаивают на учёте своих интересов. Речь идёт о профессиональных союзах, промышленных, торговых и ведомственных группах, профессиональных военных, женщинах, ветеранах, казаках, учёных и т. д. В принципе, все общественные организации – от профсоюзов шахтёров до литераторов клуба «Апрель» – могут быть причислены к группам давления. Они стремятся держать в постоянной готовности своих сторонников для того, чтобы в любой момент времени поддержать свои мнения и предложения массовыми акциями или другими формами протеста. Кроме того, группы давления пользуются лобби для достижения своих интересов.

Первоначально лобби формировались в системе буржуазной демократии как неформальные кулуарные образования. Как правило, они действуют на внепарламентском уровне в целях влияния на различные звенья аппарата власти в интересах определённых слоёв, групп и организационных структур. Средства такого влияния могут быть политическими (поддержка на выборах) и экономическими (подкуп заинтересованных лиц, введение их в состав учредителей тех или иных обществ). Историки и социологи считают, что генезис системы лобби относится к XIX в. В парламентских демократиях (Англия, США) данная система обрела все права гражданства и стали одним из факторов коррупции власти.

С некоторыми модификациями сказанное можно отнести к истории России и СССР. Здесь воздействие на вершину власти осуществлялось только через различные звенья государственной бюрократии. На мой взгляд, становление парламентской системы в России приведёт к переплетению ведомственно-бюрократических лобби с законодательно-парламентскими. Образование парламентских фракций и групп – первый публичный шаг на этом пути. Он просто закрепил существующую практику. Конечно, до недавних пор группы давления в СССР не могли пользоваться публичной поддержкой тех или иных групп населения. Поэтому их влияние на сферу «высокой политики» было незначительным. Однако во всех остальных сферах социальной жизни (экономика, культура, наука) их роль была традиционно высокой, хотя изучением этих групп учёные практически не занимались.

Сочетание личного произвола конкретного руководителя с практикой народнохозяйственного планирования отражало закулисно-бюрократический способ решения социальных проблем и выражения интересов определённых групп. Вследствие этого большое количество региональных и ведомственных инвестиций становилось соответствующей статьёй государственного бюджета в результате действия лобби. То же можно сказать о практике управления культурой, образованием, спортом, обороной, промышленностью, социальной сферой и т. д. Все упомянутые явления пока находятся вне сферы систематического научного анализа.

Последние годы обнажили ещё один приём деятельности лобби, тесно связанный с работой пропагандистского аппарата: систематическое пре5увеличение значимости одних лиц или институтов и замалчивание или демагогическая борьба с другими. Видимо, данный способ тоже будет возрастать по мере перехода страны к демократической системе управления.

Таким образом, нет оснований отрицать наличие групп давления и лобби в советской и постсоветской социальной и политической практике.

Клики, мафии, родственно-земляческие связи – наиболее известные скрытые элементы социальной структуры.

Клика – это малая группа, которая существует в рамках большой, возникает спонтанно и стихийно и потому принадлежит к системе неформальных связей, типичных для любых

институционализованных структур общества. Такие группы обычно стремятся с помощью закулисных действий так сформировать социальную и организационную структуру, чтобы занять в ней господствующее положение и получить наибольшую материальную пользу. Цель клики – полное господство над структурой без её изменения.

Анализ российских и советских клик пока концентрируется на происхождении партократии и накоплении первичного эмпирического материала о деятельности и связях людей, образующих вершину власти в различные периоды истории СССР [Авторханов 1991; Медведев 1990]. Средний и низший уровни государственной пирамиды до сих пор не изучены. Тем больший интерес представляет типология политических и управленческих клик, которую предлагает М. Дальтон на основе сравнительного исследования систем государственного управления США, Англии, Канады, Франции и Италии с 1900 по 1975 год [Dalton 1979, 194–201]. Он выделяет пять типов клик:

Симбиотическая клика с вертикальной структурой. Как правило, её организатором является лицо, занимающее высокое положение в социальной и политической иерархии. Через систему взаимных поддержек и протекций она привязывает к себе лиц, занимающих средние и низшие посты в аппарате управления. Такая клика использует следующие виды взаимных услуг: начальник снисходительно относится к слабостям подчинённых, а последние ведут в его пользу внутренний шпионаж, информируют о различных опасностях, поддерживают при выборах, организуют общественное мнение в его пользу и т. п. Поскольку услуги сторон являются взаимными и примерно равными, клика квалифицируется как симбиотическая.

Паразитическая клика с вертикальной структурой. С точки зрения генезиса и структуры она аналогична предшествующей. Но отличается от неё неравенством услуг. Некоторые из подчинённых выступают фаворитами начальства, которое таким образом покупает их преданность и с помощью фаворитов подчиняет всех остальных. Вокруг фаворитов создаётся ореол особых возможностей и влияний, что вызывает удивление и страх со стороны рядовых граждан, не являющихся членами клики. Такая клика действует по древнему принципу: «Разделяй и властвуй».

Защитная клика с горизонтальной структурой. Она обычно возникает в период глубоких социальных и политических реформ, связанных со сменой политического курса правительства. В этом случае члены государственного аппарата решают объединить свои силы, чтобы солидарно противостоять любым изменениям при помощи саботажа, чисто формальной и символической деятельности и т. п.

Агрессивная клика с горизонтальной структурой появляется в результате перекрещивания различных интересов. Она имеет своей целью изменение существующего уклада социальных, политических или организационных сил, а не удержание его в прежнем положении. Члены такой клики занимают примерно одинаковое положение в социальной и организационной структуре и имеют общие интересы. Для их достижения они поддерживают друг друга в борьбе за власть.

Случайная клика возникает на основе знакомства или дружбы и вытекающих отсюда обоюдных удовольствий, связанных с потребностями, желаниями и вкусами людей, её образующих.

Указанная типология политических и управленческих клик в значительной степени пересекается с типологией служащих государственного аппарата СССР [Курашвили 1988].

Идейный работник отличается адекватным пониманием природы государственного управления. Смысл своей жизни и работы он видим в служении обществу и потому не противопоставляет себя управляемым. Необходимые ограничения интересов членов общества для него неотделимы от самоограничения. Такому человеку обычно нужны реальные результаты, а не формальные показатели. У него есть концепции, он готов брать на себя ответ-

ственность, нагружает себя и подчинённых сверх всякой меры и способен жёстко спросить с тех, кто трудится не в полную меру. Такого типа работники бывают хорошими организаторами, однако не считают себя незаменимыми и готовы уступить место более сильным работникам. Карьерные соображения сами по себе им чужды, хотя иногда бывает желание продвинуться по службе для организации вынашиваемых замыслов. В то же время идейные работники обычно пассивны в служебной самореализации.

У *честного служаки* тоже есть все перечисленные качества, за исключением творческой энергии. Такой человек может быть энергичным исполнителем, а не новатором. И остаётся им даже тогда, когда занимает руководящий пост. Но едва это становится правилом (которое типично для государственной бюрократии), политический и управленческий потенциал государства снижается. Если задача стабилизации социальной и организационно-управленческой систем становится основной, то такое снижение происходит в массовых масштабах. Поэтому политическое эпигонство становится главной характеристикой людей, занятых в аппарате управления.

Это эпигонство выражается в деятельности *добросовестного бюрократа* – следующего типа государственных служащих. Данный тип убеждён в ненужности любой инициативы граждан и верит в творческую мощь государственной машины. Этатистски истолкованный общий интерес становится ведущим мотивом его деятельности. Добросовестный бюрократ – сторонник максимального огосударствления общественной жизни и централизации управления. При таком подходе управление становится разновидностью технологического процесса, а граждане – слепыми исполнителями.

Своекорыстный бюрократ – наиболее часто встречающийся тип государственных служащих. В своей жизни от руководствуется своекорыстием, властолюбием и стремлением к духовному господству. Ему одинаково безразличны интересы общества и его членов. Ни в какую самостоятельность граждан он не верит, но для достижения собственных целей может вызвать их инициативу и использовать её. Все социальные цели он рассматривает как средство достижения своих личных целей и целей той группы, к которой он принадлежит. Своекорыстный и властолюбивый бюрократ – мастер политической и закулисной манипуляции. Никаких идей у него нет, зато он умело осваивает и присваивает чужие. Такие люди обычно делают карьеру во всяком стабилизованном обществе и аппарате управления.

Вернёмся к вопросу о типологии политических и управленческих клик. По мере движения от идейного работника к своекорыстному бюрократу вероятность их существования возрастает от 0 до 1. Поэтому при анализе конкретных социальных, политических и управленческих структур трудно определить, имеем ли мы дело с кликой или коллективом как совокупностью людей, связанных между собой солидарностью, сотрудничеством и стремлением к общим целям. В качестве предварительных критериев можно предложить такие:

Клика стремится к достижению своекорыстных и властных целей, не заботясь о средствах, но в то же время избегает нарушений уголовного кодекса. Коллектив стремится реализовать цели данной организации с учётом норм морали и права.

Члены клики объединены предметными связями и взаимозависимостями (типа организационно-управленческих схем деятельности), которые направлены на достижение её целей. Тогда как члены коллектива связаны социальной или идейной близостью.

Клика обладает более или менее жёсткой иерархической структурой, хотя последняя не всегда заметна и обычно переплетается со способом возникновения и принципами данной организации. Коллективы обладают такой структурой, которая вытекает из организационных схем и является публичной.

Указанные характеристики клик связывают их с мафиозными и гангстерскими группировками.

Мафия – это группа лиц, которая стремится к достижению своекорыстных и властолюбивых целей не только в рамках определённой организации, но и общества в целом. Любая мафия руководствуется классическим принципом: «Цель оправдывает средства». Мафии связывают людей, принадлежащих к различным организациям в обществе, хотя их деятельность не всегда оказывается преступной. Гангстерские группы отличаются от мафии лишь тем, что вполне сознательно ставят перед собой преступные цели.

Мафии и гангстерские группы обычно действуют конспиративно и этим отличаются от клик. Члены клик обычно не имеют склонности к конспирации и любят афишировать свои связи, влияния и возможности. Тем самым клика постоянно заботится о возможных сторонниках и нейтрализации возможных противников. В любом случае она стремится скрыть такие подробности и принципы своего существования, которые угрожают её деятельности.

Родственно-земляческие связи – следующая разновидность скрытых элементов социальной структуры. В чистом виде она встречается в деревне и маленьких городах, хотя и большие от неё не свободны. В каждой деревне или небольшом городке существует круг людей, которые занимают ключевые позиции в сфере хозяйства, управления, культуры. Сам характер деятельности вынуждает их вступать в различные контакты и оказывать взаимные услуги. Подобные контакты могут поддерживаться независимо от различия в мировоззрении, политических взглядах, социальном происхождении и принадлежности, образовании и богатстве. Этот круг людей может быть назван группой местных нотаблей, которые по причине своего положения, образования, влияния или имущества играют главные роли в экономической, политической и культурной жизни данной местности.

Указанные группы существуют в любом обществе, независимо от его исторической, социальной и политической специфики. Г. Зиммель на основе изучения первобытных и аграрных обществ предложил называть такие группы малыми социальными кругами, которые слабо дифференцированы с функциональной точки зрения, зато отличаются непосредственными взаимоотношениями и целесообразным способом поведения. Р. Миллс при анализе современного американского общества указывает на существование в каждом городе и штате местных приятельских кругов. В отечественной социологии используется термин «родственно-земляческие связи», однако специальные исследования на эту тему мне неизвестны.

Нельзя отрицать существование подобных связей. Они не ограничиваются чистым потребительством или совместным проведением отдыха. Любой контакт между людьми связан с обменом взглядов относительно общих дел в данной местности, предстоящих назначений на те или иные посты в аппарате местной власти и управления, собственных потребностей и возможностей, взаимных услуг и согласованных действий. Правда, в русской литературе от А. Грибоедова до В. Маяковского и И. Сельвинского царит отрицательное отношение к этим связям, российское общество не смогло их преодолеть. Данные группы могут влиять на общественное мнение и организовывать взаимную поддержку. Благодаря им могут преодолеваться существующие противоречия между индивидами, которые входят в состав различных социальных классов и слоёв. Поэтому родственно-земляческие связи модифицируют социальную структуру и вытекающие их неё социальные, экономические и идеологические следствия.

В заключение подчеркну, что для адекватного отражения социальной структуры необходимо учитывать её явные и скрытые элементы. Одни и те же классы могут быть правящими в различных обществах, но отсюда не следует идентичность их возможностей преобразования социальной структуры и реализации власти. Осуществление классового господства зависит от того, с кем делит свою власть данный класс и над кем её реализует. В этом процессе

оказываются значимы все описанные социальные структуры, выключая социальные институты, идеи и символы, за которыми всегда стоят определённые люди.

Истинность этого тезиса можно подтвердить многими фактами современной жизни. Весьма показательна ситуация в Закавказье. Социальные конфликты здесь зависят не только от классовой и национальной структуры различных республик и вытекающих отсюда противоречий, но и от существования различных политических и религиозных групп, мафий, элит, клик и родственно-земляческих связей, которые своими действиями модифицируют социальные детерминанты и обостряют конфликты. Поэтому анализ скрытых элементов социальной структуры необходим для адекватного отражения социальных противоречий и выработки надлежащей политики.

Авторханов А. 1991. *Происхождение партократии*. – М.

Курашвили Б.П. 1988. *Борьба с бюрократизмом*. – М.

Медведев Р. 1990. *Они окружали Сталина*. – М.

Миллс Р. 1959. *Властвующая элита*. – М.

Нарта М. 1977. *Теория элит и политика*. – М.

Dahrendorf R. 1961. Uber einige Probleme der sociologischen Theorie der Revolution. – *European Journal of Sociology*. – № 2.

Dalton M. 1979. *Man Who Manage*. – Wiley.

Dreitzel H. 1962. *Elitebegriff und Socialstruktur*. – Stuttgart.

Mahnheim K. 1966. *The Man and Society in an Age of Reconstruction*. – London.

Ortega y Gasset J. 1996. *Gesammelte Werke*. – Stuttgart/München: Deutsche Verlags-Anstalt.

Pareto V. 1955. *Allgemeine Sociologie*. – Tubingen.

Переводы и комментарии

ГЛАВЫ 3–5 ИЗ КНИГИ «ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ С КОМПАРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»[1]

Станислав Андрески

Определения и аргументация при изучении революций[2]

Нет ничего сложнее формулировок общих положений относительно исторических событий, которые были бы новыми и истинными одновременно. Поэтому немногие на это решаются. Большинство из тех, кто желает заниматься теоретическими рассуждениями об обществе, избегает использовать исторические данные и остаётся в сфере смутных тавтологий, закрытых для сопоставления с фактами, или же придаёт банальностям статус научного жаргона. Ярослав Крейчи – один из немногих социологов и политологов-теоретиков, взявших на себя крайне трудную задачу попытаться обобщить общие положения, опираясь на индуктивную основу исторических данных. Его книга переполнена подробной информацией о фактах, однако цель книги не сводится к описанию фактов. Напротив, она заключается в выявлении образца, общего для шести великих революций: гуситской (Чехия), пуританской (Англия), буржуазной (Франция), большевистской (Россия), национальной (Турция) и коммунистической (Китай), которые анализируются.

Книга Крейчи написана строго, лаконично и беспристрастно. В отличие от множества других авторов, пишущих о революциях, автор не высказывает априорных положений относительно желательности или нежелательности революций. К сожалению, даже такая установка не гарантирует достоверности формулируемых автором общих положений, поскольку ещё никому не удалось выдвинуть теорию такого масштаба, которая не подлежала бы оговоркам и уточнениям. Более того, очевидные и серьёзные ошибки можно обнаружить даже в работах величайших мыслителей, подвизающихся в этой области.

На мой взгляд, содержание книги можно разделить на три категории: основная часть состоит из тематических исследований вышеуказанных революций; краткий, но строго определённый обзор теорий других исследователей; изложение теоретического вклада самого автора. Я немногое могу сказать о фактических данных, за исключением того, что их массив впечатляет и, насколько могу судить, почти не содержит ошибок. Однако я бы оспорил некоторые аспекты в представленном лапидарном обзоре различных объяснительных теорий. На

[1] См.: Andreski 1992: 36–47.

[2] Обзор книги Ярослава Крейчи «Сравнение великих революций: поиск теории» [Krejci 1983].

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.1.134141

мой взгляд, Крейчи слишком мало использует идеи Парето и переоценивает Маркса. Правда, Парето написал много скучного и бесполезного, используя при этом нелепые термины, которые надо заменить, чтобы раскрыть его действительные идеи. Крейчи делает это в какой-то степени, но, на мой взгляд, здесь можно добиться большего. С другой стороны, он согласен с мнением Маркса о том, что революции вызваны противоречием между производительными силами и способом производства, хотя и не считает это неизменной причиной. Однако «противоречие» – это такая связь между безличными силами или процессами, которая способствует персонификации. Не существует противоречия между центростремительными и центробежными силами или между спросом и предложением. Во-вторых, если под «противоречием» мы имеем в виду такую структуру общества или государства, которая препятствует техническому прогрессу или росту благосостояния, тогда нет никаких оснований полагать, что эта борьба не может продолжаться бесконечно. Прогресс в истории встречается редко и дискретно, тогда как стагнация является правилом человеческого общества. Самая устойчивая политическая система в истории человечества была в Древнем Египте. Техническая отсталость редко (или вообще никогда) мешала правителям удерживать в подчинении своих подданных, хотя часто служила препятствием для сопротивления нападению. Крейчи отмечает, что парадигма Маркса наиболее применима к России и Китаю. Однако в обоих случаях старые монархии были уничтожены иностранцами.

В книге содержится много интересных и разумных замечаний, но всеохватывающим тезисом служит «морфологическая модель», согласно которой любая революция отличается колебанием, которое обычно сначала увеличивается по амплитуде и уменьшается до точки схода, расположенной где-то рядом с центром. Несмотря на моё уважение к высокой степени учёности автора и ощущение того, что он занимается чем-то крайне важным, у меня к нему возник ряд возражений. Первое из них связано с авторской концепцией революции: её предельно широкое и произвольное определение может освободить теорию от опровержения (или «фальсификации», если автор предпочитает термин Поппера, который, как я полагаю, способствует обеднению языка). Многие известные писатели попали в ловушку тавтологии. Например, Арнольд Дж. Тойнби говорит, что цивилизация развивается, когда она успешно отвечает на вызов, но не говорит ничего о том, как выяснить, был ли этот ответ успешным, кроме того факта, что за ним последовало развитие. Похоже, что Крейчи считает завершением революции тот период времени, когда колебания (которые он выявил, по его мнению) остановились в центре континуума. Если это так, то утверждение, что в каждой революции такие колебания завершаются в центре, предрешено. С этой точки зрения не существует никаких причин против установления даты Французской революции в период с 1780 по 1880 гг., Русской с 1700 по 1980 гг. и Турецкой с 1700 по 1980 г.

Ещё более фундаментальный вопрос относится к характеру континуума, в котором происходят колебания. В случае с Гуситской, Английской, Китайской и Французской революциями автор принимает континуум «левая против правой». Но может ли это служить континуумом? Что означают эти слова? Они могут быть уместными в качестве названий для обозначения групп на политической арене в определённых странах в определённое время, но мы не должны понимать пространственную метафору буквально и воображать, что она обладает свойствами геометрической линии. Люди могут формировать группы и «усваивать» в определённом времени и мете идеологические наборы, обозначенные как «правый» и «левый», «красный» и «белый», «красный» и «синий». Однако, едва мы сравним временные и культурные границы, то увидим, что элементы этих наборов можно сортировать более чем одним способом. Даже в тех случаях, когда указанные ярлыки обеспечивают некоторую направленность, могут существовать партии или фракции, не соответствующие ни одному из них. Так обстоит дело в Британии с Народным фронтом: хотя иногда его называют «крайне

правым», это единственная партия в Британии с действительно пролетарским членством и лидерством. В Веймарской Германии аграрную, католическую и социал-демократическую партии можно условно охарактеризовать как «правую», «центральную» или «левую», но национал-социалистическая рабочая партия Гитлера в этот континуум вообще не вписывалась. Как говорил Грегор Штрассер (автор нацистской идеологии): «Мы должны взять правый национализм без капитализма и левый социализм без интернационализма».

Подобные сомнения возникают также в отношении революций, анализируемых в книге. Не исключено, что правление Вильгельма и Марии можно расположить в промежутке между левеллерами и кавалерами с точки зрения полномочий Короны. Однако, что касается неравенства классов, то полный круг был бы более точной метафорой, учитывая повышение привилегий высшего класса, а не понижение, как во времена правления Стюартов. С другой стороны, был ли Кромвель «слева» от Вильгельма и Марии? Вообще, да, если брать в качестве критерия оценки объем аристократических привилегий. По критерию власти парламента он был не просто ближе к Стюартам, но превзошёл их: как абсолютный правитель с большой и покорной постоянной армией он достиг того, о чем они только мечтали.

Применительно к Франции ярлыки «правый» и «левый» не столь двусмысленны. Это неудивительно, поскольку они были изобретены именно во Франции в начале Великой революции. И все же правильно ли располагать Наполеона посередине между якобинцами и монархистами? Что касается его отношения к старым привилегиям, то это возможно, но по отношению к идеалам воспроизводства, конечно, нет. Его влияние на неравенство классов было двойственным: он не был левеллером (не хотел выравнивать пирамиду привилегий), но в то же время весьма способствовал продвижению людей по иерархической лестнице. Ещё более спорным является размещение Наполеона III «слева» от Наполеона I.

В случае России континуум имеет два полюса – Евразийская основа и европейский трансплантат, которые, на мой взгляд, намного более расплывчаты, чем термины «правый» и «левый», что было бы лучше, поскольку в этом случае график колебаний мог бы быть оправдан (по крайней мере, со ссылкой на нынешнее столетие), если рассматривать исключительно отношение к неравенству классов. На основе этого критерия можно было бы обосновать расположение сталинской и постсталинской систем посередине между обществом под властью царей и социалистическими идеалами или уравнительным рвением ранних большевиков. После этого возник новый правящий класс, но его дистанция от своих подданных – измеряемая уровнем жизни, статусом, наследованием должностей и эндогамией – была значительно короче той пропасти, которая существовала между князем и «мужиком» в старой Руси. Напротив, критерий европеизации приводит к неоднозначной оценке. В этом смысле принудительной индустриализацией Сталин уменьшил различие между Россией и Западной Европой. Восточные традиции деспотизма играли решающую роль в развитии советской системы, но непредвиденные последствия доктрины, завезённой с Запада, были не менее важными. Советский тоталитаризм – это нечто действительно новое, которое нельзя отнести к азиатскому наследию, особенно в связи с тем, что подобная система возникла в развитой форме в Германии, в первичной форме в Италии. По нетерпимости и репрессиям Ленин намного превзошёл последнего царя, в то время как даже Иван Грозный немного уступал сталинским действиям. В настоящее время репрессии против инакомыслия примерно столь же жёсткие, как при Николае I (написано в 1985 г.).

На мой взгляд, можно было бы получить более надёжные результаты при наличии нескольких более строго определённых переменных, то есть, чтобы обеспечить возможность представить каждую революцию в нескольких графиках. Настоящая модель объединяет переменные, варьирующие независимо друг от друга, а не вместе. И все же идея Крейчи

открывает многообещающие перспективы для дальнейших исследований, хотя, возможно, и недостаточно в её нынешнем виде.

Никакое теоретическое положение об исторических процессах не может быть более чем правдоподобным. Но только с помощью таких положений можно извлечь уроки из истории, которые могут иметь ту или иную ценность в качестве оснований для прогнозирования вероятных последствий будущих действий. Таким образом, любая серьёзная индуктивная работа заслуживает уважения, даже если её результаты не могут быть приняты в качестве окончательных, потому что (как и в процессе исследований) редко кому удаётся сразу найти лучший путь. Кто-то должен первым проложить и опробовать первопуток. Одна из многих трудностей состоит в том, чтобы найти наиболее полезный уровень абстракции, строгости и общности. Дилемма здесь чётко выражена в высказывании Поль Валери о том, что «ничто простое не может быть истиной, а ничто не может быть полезным».

Я знаю лишь ещё одну книгу о революциях, основанную на схожих масштабах и глубине исторических знаний – это *«Анатомия революции»* Крейна Бринтона. Охват случаев и методы анализа этой книги и книги Крейчи различны. Если их читать и сравнивать, они обеспечат наилучшую доступную основу для любого общего курса по революциям. Никому, кто серьёзно интересуется этим вопросом, не помешает внимательно изучить книгу Крейчи.

Четыре метафоры для анализа причин революций

При обсуждении феномена революции метафора котла может помочь нам избежать упрощённого представления о существовании некого определённого уровня недовольства или напряжённости, неизбежно приводящего к краху системы, поскольку взрыв котла зависит не только от внутреннего давления, но и от прочности конструкции. Таким же образом мощный аппарат контроля может «выдержать» гораздо больший объем социального недовольства и мятежных склонностей, чем его потребовалось бы для разрушения более слабой структуры власти. Подобно всем остальным уравнениям и неравенствам, в данном случае не имеет значения, с какой стороны баланса мы размещаем этот фактор: например, считаем ли мы недовольство солдат элементом силы взрывного устройства или элементом слабости сдерживающего аппарата.

Нельзя также упускать из виду популярную метафору пороховой бочки и искры. Она напоминает, что основные условия могут создать значительный взрывной потенциал, и что ничего подобного не случится, пока не произойдёт событие, способное послужить причиной. С другой стороны, гораздо меньший потенциал может привести к множеству небольших взрывов, если вокруг летает множество искр.

Метафора котла указывает на вероятность того, что протесты и демонстрации (и даже беспорядки, взрывы, расстрелы) ещё не доказывает того, что в государстве, где они происходят, должно быть больше недовольства существующим положением, чем там, где они не происходят. Возможно, это действительно так. Однако не менее правдоподобно также и другое объяснение: авторитарное государство может подавить степень недовольства, достаточную для выведения из строя и даже разрушения более либеральной системы.

Чтобы не путать устойчивость с прочностью, можно использовать другую метафору: различие между цементом и резиной, причём первый из них труднее разрезать и легче разломать, а вторую легче разрезать и труднее разломать. Точно так же диктатура может навязывать жёсткий порядок, пока она не рухнет внезапно (например, как это произошло в Венгрии в 1956 г.), в то время как более слабый режим может пострадать от частых беспорядков и всё же выжить.

Следующая и последняя метафора, способная пролить свет на нашу проблему, несколько сложнее и, возможно, заслуживает более объёмного названия модели. Представим себе политическое сообщество, строго разделённое на два класса – высшее руководство и подчинённая сторона – и возьмём в качестве переменной сплочённость внутри каждого класса. Хотя в реальном мире сплочённость всегда зависит от степени, пока не будем обращать внимания на градации и, рассматривая только полярные противоположности, охарактеризуем класс с точки зрения объединения или разъединения (или, если вы предпочитаете, сплочения или разобщения). Тем самым мы получаем четыре комбинации:

Высшее руководство	Подчинённая сторона
1. Сплочённые	Разобщённые
2. Разобщённые	Сплочённые
3. Сплочённые	Сплочённые
4. Разобщённые	Разобщённые

По вопросу о вероятности возможности свержения высшего руководства подчинённой стороной можно сделать однозначные выводы только на основе асимметричных комбинаций 1 и 2, в то время как последствия симметричных комбинаций неоднозначны. Если высшее руководство объединяется, а подчинённая сторона разделяется, вероятность революции становится нулевой, даже если другие важные переменные (такие как объем недовольства или высокое численное отношение подчинённой стороны к высшему руководству) могут привести к беспорядкам. Если подчинённая сторона объединяется, а высшее руководство разъединяется, режим становится очень хрупким и может быть свергнут под воздействием даже относительно небольшого количества недовольства ввиду слабых сдерживающих сил. С другой стороны, кажется, ничего нельзя вывести из симметричных комбинаций 3 и 4. В этих случаях лишь оценка относительных степеней единства или разобщённости и других важных факторов позволила бы сделать какие-либо выводы. Эта метафора может лишь привлечь внимание к важности влияния таких комбинаций на стабильность политической системы.

Данные метафоры предполагают, что любая эмпирически обоснованная теория причин революций напоминает собой нечто вроде «техники» составления балансового отчёта, а не простое правило, описывающее инвариантную последовательность событий.

О революционных тенденциях в Латинской Америке[3]

Эта книга Дж.В. Барретта содержит тезис в первоначальном смысле этого часто злоупотребляемого слова. Фактическая информация, большую часть которой невозможно найти ни в одной другой книге о Латинской Америке, приводится в поддержку аргументов, а не для описания какой-либо конкретной области или периода. Хотя книга понятна любому интеллигентному и образованному читателю, она всё-таки будет наиболее ценной для тех, кто уже знает основные факты и рад новому взгляду на некоторые важные вопросы. Сам автор обращается к двум всеохватывающим вопросам: «почему так много латиноамериканцев жаждут революции?» и «почему наиболее вероятным результатом такой революции станет тоталитаризм?»

Столь непростые вопросы всегда влекут за собой другие вопросы. Наиболее очевидные из них таковы: является ли фактическая посылка правильной? действительно ли стремление

[3] Обзор книги Джеффри В. Барретта «Импульс к революции в Латинской Америке» [Barrett 1985].

к революции настолько широко распространено и сильно? Автор полагает, что это так, а затем пытается это объяснить. Учитывая, сколько интересного он может сказать о последнем пункте, и учитывая, как много написано о первом, такая структура кажется вполне удовлетворительной.

Ненавистный установленный порядок может быть изменён либо путём мирных реформ, либо путём революции. Поэтому вывод о том, что первый путь невозможен, каким-то образом объясняет привлекательность второго. Тезис Барретта заключается в том, что неспособность Латинской Америки двигаться к достатку и стабильной демократии не обусловлена сложно изменяемыми политическими или экономическими обстоятельствами, а преобладающими и глубоко укоренившимися взглядами, которые он называет «ценностями, препятствующими модернизации». Рассматривая историю политико-экономических идей в Латинской Америке, он различает две точки зрения – «ценностный подход» и «структурный подход». Первый фокусируется на характере людей, второй – на институциональных механизмах как основной причине отсталости. Автор достаточно искушён, чтобы не рассматривать это различие в качестве дизъюнкции, но больше всего интересуется первым подходом и утверждает, что в последнее время им неоправданно пренебрегали.

Некоторые заявления о «ценностях, препятствующих модернизации» сводятся к утверждению того, что написанное некоторыми из ранних и решительных латиноамериканских мыслителей о характере своих стран остаётся верным до сих пор. Его собственное пристрастие главным образом состоит из акцента роли зависти и всепроникающего агрессивного и эксплуататорского поведения. Не отрицая того, о чем часто говорят – эксплуатации бедных богатыми, Барретт утверждает, что эксплуатация и жестокое обращение с бедными по отношению друг к другу одинаково важны.

Это не единственная точка зрения в книге, которая оскорбит как обычных «левых», так и «правых». «Левых» также будет раздражать его описание кубинской системы как тоталитарной диктатуры, в то время как «правые» будут возражать против его суждения: большинство кубинцев одобряют Кастро или, по крайней мере, предпочитают его правление тому, что было раньше. Даже люди, считающие себя умеренными демократами и либералами, будут возмущаться мнением о том, что безжалостный диктатор может пользоваться лояльностью подданных. Объяснение Барретта этого нежелательного открытия аналогично оправданию Гоббсом абсолютной монархии: неограниченную власть одного обычно предпочитают «войне всех против всех». Согласно автору, большинство кубинцев более счастливы под постоянным игом тоталитаризма, чем в условиях полной незащищённости, подверженных гангстеризму и другим видам бесконечной беспорядочной агрессии. Это объяснение связано с его определением «ценностей, препятствующих модернизации».

По мнению автора, одним из аспектов латиноамериканского варианта Гоббсовской картины общества является навязчивая борьба за превосходство, вызванная различными сочетаниями тщеславия, зависти, недоверия и страха. Барретт называет этот кластер диспозиций «иерархическим представлением о человеческом порядке», которое крайне сомнительно. Британское выражение *“one-upmanship”* («умение превзойти других») является более подходящим ярлыком для обозначения одержимости добиться преимущества. Иерархический взгляд исключает непрекращающееся умение превзойти других, поскольку он влечёт за собой признание стабильного места в устойчивой иерархии и готовность подчиняться и уважать начальство, а также ожидание подчинения и уважения со стороны подчинённых. Кроме того, ошибочно полагать, что иерархическое отношение несовместимо с экономическим прогрессом, политической стабильностью или организационной эффективностью.

Оценивая нации по иерархическому показателю, я бы поставил японцев на первое место, немцев – на второе, а британцев – на третье. Под маской эгалитарности это отношение

гораздо более распространено в Соединённых Штатах, чем в Латинской Америке. Умиротворение, вызванное исключительно страхом или соблазном выгоды, не следует путать с верностью и искренним уважением. Пристрастие к титулу, которое автор воспринимает как признак «ценностей, препятствующих модернизации», по крайней мере, столь же заметно в Германии, как в Латинской Америке, в то время как в Великобритании тоже есть титулы лордов, сэров и дам.

Не зная об этом, автор несколько этноцентричен в отношении нечетко определённой концепции «модернизации» (которую я нахожу слишком широкой в любом случае). Более того, даже контраст с Соединёнными Штатами, на котором автор делает свои выводы, больше соответствует прошлому, чем настоящему. Произошёл большой скачок от независимых и приверженных равенству фермеров-янки, ремесленников и торговцев (как это изображено де Токвилем) и людей, ориентированных на получение статуса, описанных Рейссманом, Паккардом и Уайтом. Последние функционируют больше как винтики в крупном бизнесе и правительственных иерархиях, чем их латиноамериканские коллеги. Почему?

Я согласен с автором в том, что навязчивое умение превзойти других помогает поддерживать беспорядки в Латинской Америке, но не согласен с тем, что латиноамериканцы больше зависимы от поиска статуса, чем люди в любой другой части мира. Видимо, тщеславие и честолюбие – постоянные свойства человека. В некоторых обществах или кругах в игру *«one-upmanship»* играют в соответствии с довольно строгими правилами, которые способствуют сотрудничеству, в то время как в других местах они могут быть расплывчатыми, непоследовательными, обычно игнорируемыми или способствующими разрухе, что делает сотрудничество более трудным, а открытый конфликт более возможным, что в свою очередь препятствует экономическому прогрессу.

Кроме того, я согласен с общим тезисом автора о том, что различие в ценностях (то есть в преобладающих отношениях или национальном характере) в значительной степени объясняет успех Севера («Севером» Барретт называет Запад вопреки географии) и отсталость Юга. Я бы сказал, что это различие уменьшается из-за упадка гражданских качеств, трудовой этики и честности на Севере в последние десятилетия. Тем не менее верно то, что исторические различия породили контрасты сегодняшнего дня, говоря о «важности отправных точек». В этом контексте я бы упомянул демографический фактор, которому автор уделяет мало внимания. Гражданские и экономические добродетели позволили Северу накопить богатство, которое сделало дальнейшее накопление безболезненным и, следовательно, больше не требует этих добродетелей. Кроме того, как это было до больших достижений в медицине, раннее развитие позволило Северу добиться спонтанного перехода от пар с высокой рождаемостью и высокой смертностью к парам с низкой рождаемостью и низкой смертностью, таким образом избегая бума населения, охватившего все латиноамериканские страны, кроме Аргентины и Уругвая. Никакое количество «ценностей, способствующих модернизации» не может обеспечить процветание и демократию перед лицом нынешнего демографического взрыва. Если он не будет отрегулирован, борьба за существование должна усилиться и дать импульс к революции и тоталитаризму.

Авторское объяснение привлекательности тоталитарных идей для элит, стремящихся модернизировать свои страны, является неожиданным и иконоборческим. По его словам, приверженность демократическим и либеральным идеям предполагает веру в то, что основная часть нации имеет хорошую репутацию и достаточно просвещена для того, чтобы знать, что для них хорошо. Если вы считаете, что они настолько развращены, что никогда не смогут излечить себя от своих вредных пороков, то, вероятно, решите, что принуждение – единственная надежда, чтобы изменить их характер, как в случае с наркоманами. И если вы считаете, что эти пороки очень распространены и глубоко укоренились, вам понадобится

столь же всепроникающая, полная сила. Автор приводит очень интересную документацию в поддержку своего вывода о том, что большинство латиноамериканских революционеров и реформаторов придерживаются этой точки зрения под тонкой вуалью популистских лозунгов.

Рассматривая Кубу с этой точки зрения, автор проводит некоторые аналогии с Пуританской революцией Кромвеля. Предостережения и советы, которые повторяются в речах Кастро, больше напоминают ему Бенджамина Франклина, чем Маркса. По словам Баретта, марксизм на Кубе функционирует как декоративная и волшебная фраза, в то время как практические идеи, которые фактически направляют действия Кастро и его помощников, исходят из непризнанного и неопровержимого источника – итальянского фашизма, в котором цели воссоздания национального характера в направлении экономической и военной эффективности сформулированы более убедительно.

Перевод с английского А.Г. Акопян

Andreski St. 1992. *Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint*. – London: Frank Cass.

Barrett J.W. 1985. *Impulse to Revolution in Latin America*. – New York: Praeger.

Krejci J. 1983. *Great Revolutions Compared: The Search for a Theory*. – Brighton: Wheatsheaf Books.

НАШИ АВТОРЫ

Воронин Андрей Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН (г. Москва, Россия) (andreialexeevitch2011@yandex.ru)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН (г. Москва, Россия) (a-kara-murza@yandex.ru)

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия) (cap-cap@inbox.ru)

Лекторский Владислав Александрович – академик Российской академии наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, главный редактор журнала «Философия науки и техники» (г. Москва, Россия) (v.a.lektorski@gmail.com)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) (vpmakar1985@gmail.com)

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) (namininkov@sfedu.ru)

Неклесса Александр Иванович – руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН (г. Москва, Россия) (neklessa@intelros.ru)

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН (г. Москва, Россия) (abaelardus@mail.ru)

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, доцент, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (г. Москва, Россия) (vporus@rambler.ru)

Рац Марк Владимирович – доктор геолого-минералогических наук, профессор, независимый исследователь (г. Иерусалим, Израиль) (Ratz.Mark@gmail.com)

Розин Вадим Маркович – действительный член Академии педагогических и социальных наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (г. Москва, Россия) (rozinvm@mail.ru)

Рубцов Александр Вадимович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН (г. Москва, Россия) (h.puck@mail.ru)

Синеокая Юлия Вадимовна – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор РАН, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, руководитель сектора истории западной философии Института философии РАН (г. Москва, Россия) (jvsineokaya@gmail.com)

Слепцов Борис Георгиевич – Doctor rerum naturalium (Германия), независимый исследователь (г. Леверкузен, Германия) (sleptsovb@gmail.com)

Сухарев Михаил Валентинович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН (г. Петрозаводск, Россия) (suharev@narod.ru)

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург, Россия) (gtul@mail.ru)

Черников Михаил Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета (г. Воронеж, Россия) (mv.chernikov@gmail.com)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. State Interest as a System of Dissent: Michel Foucault's Military-Diplomatic Model

Summary: The modern Russian state is parasitic. But its dominant minorities still talk about a certain "special role" of Russia in European and world history, although many unforeseen and negative consequences of the ideology of the "special way" have already been established. For more than a hundred years, there have been five versions of the domestic history in Russia – statist, liberal and Western, nationalist, civilizational, postcolonial. Each of them cannot be refuted based on the study of historical sources. So, the truth of all is about the same, and each has the right to exist. However, an updated version of the textbook "state school" has been introduced into the practice of school education, in which the history of Russia is viewed as an uncontested process of transformation of the Moscow Principality into the Russian Empire and the Soviet Union. Thereby, the government consciously narrows the intellectual and political horizons of the younger generations and the entire population. In addition, under the influence of color revolutions the government began to cultivate a negative assessment of revolutions, although its representatives themselves admit that "the export of color revolutions is our Kremlin propaganda invention." Over the past thirty years, Russia has been promoting a counter-revolutionary ideology, which manifests itself in foreign policy and domestic political rhetoric, and (according to officials) corresponds to the state interests of the country. In fact, the country and the world are offered an archaic version of political domination. Therefore, it is necessary to master and develop new concepts in which a different version of state interests is proposed. The article presents a reconstruction of one of the fragments of M. Foucault's political theory.

Keywords: state interest, Michel Foucault, dissent and politics, essentialist and analytical concept of politics.

Sukharev M.V. Ideomaterial Polysystems and Politics

Summary: The article proposes a theoretical concept of social ideomaterial polysystems (SMPS), considers its applications in the field of political science. The highest type of SMPS are civilizations, the most complex systems in the universe. IMPS is a complex of ideomaterial systems (IMS). SMPS are holistic sociocultural systems that make up a developed society. A feature of such systems is that some of the elements of these systems are material, and some are ideal, many of them do not have clear boundaries, the strength of interactions in these systems and between them varies from weak and unstable to strong and constant. Ideomaterial systems of people, artifacts and, in some cases, animals and plants form an integrity due to the system of ideas that unites them. It gives meaning to social IMPS, unites the community, determines its behavior and direction of development. IMPS are very diverse: they can be scientific communities in which science brings together scientists, scientific instruments, theory, texts, social institutions, buildings; it can be religions in which faith unites priests, parishioners, temples, sacred texts and attributes, there can be

simpler communities, like sports fans, there can be large and small non-profit organizations united by some social goals. The complex of ideas on which these systems are based is of a holistic character. Humans and other material elements also form holistic systems. These systems are necessarily self-reproducing, that is they must reproduce the people who carry the ideas, making them, respectively, scientists, believers, chess players, fans, music lovers, and so on. Each of these people can simultaneously be an element of other ideo-material systems, giving them part of the time of their lives. These systems often have fuzzy boundaries, they are also in a network of regular and sporadic, synergistic and antagonistic interactions with each other. They compete for the time of people, their carriers. A huge number of interacting IMSIs create systems of systems: modern civilizations. For the analysis of complexes and conglomerates formed by ideo-material systems located in a network of fuzzy interactions, the concept of polysystems by I. Even-Zohar was used. The largest ideomaterial polysystems include ethnic groups, nations, states, world religions and global ideologies. Based on a few existing scientific approaches, the central of which is the sociology of knowledge, the general principles of organization and self-reproduction of such unifying systems of ideas are analyzed. As a measure of the power of ideomaterial polysystems, it is proposed to use the total time spent by the communities of these systems to maintain their functioning. Possible directions of application of the concept of ideomaterial polysystems in political research are considered.

Keywords: community, ideomaterial system, polysystem, ideal, nation, evolution, institutions, culture, state, sociology of knowledge, paradigm.

Lektorskiy V.A. About The Philosophical “Sixtiers”

Summary: The article is not about the age of those who make philosophy, but about the emergence of a new philosophical perspective and a new attitude to philosophy itself, an understanding of its cultural role, what is called a “philosophical way of life”. The dramatic history of the life and activities of a generation of people who began to define the philosophical life of the country since the late 1950s is investigated. The author analyzes the results of the activities of this generation and substantiates the thesis that under the sign of this generation, the paternal philosophy developed throughout the second half of the twentieth century and that representative of this generation significantly influenced the philosophical life of our countries for the past two decades of the twentieth century. The modern significance of the ideas put forward by the representatives of this generation is shown.

Keywords: philosophy of generation, theory of cognition, philosophical anthropology of the science of man, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, «Questions of Philosophy».

Porus V.N. Doomed Renaissance

Summary: The author proposes to evaluate the processes and results of the activities of philosophical six-year-olds through the prism of the famous work of E.V. Ilyenkov “About idols and ideals”. He believes that the philosophical renaissance was doomed to extinction since the process of the revival of philosophy was imbued with ideology, which played a significant role and determined the course of philosophical discussions. Many Sixtiers considered themselves more “righteous” Marxist-Leninists than their ideological overseers. Therefore, borrowing the ideas of Western philosophy was epigonism. This is especially true for research on social philosophy where fragments of the previous paradigm have long been side by side with elements of a different methodology and alien axiological “innovations”.

Keywords: subjective impressions of the philosophical Sixtiers, the causes and consequences of the imaginary revival of Soviet philosophy.

Neretina S.S. Turning Time

Summary: The article will focus on the beginning of the dissident movement, the sprouts of which appeared at the end of World War II, and on the difference between the first opposition groups to the dissident movement of the 1960s. The first groups are the student "Brotherhood of Beggars of Sybarites" which appeared in 1945 and a group of professional historians Krasnopevtsev-Rendel who tried to theoretically deal with the processes taking place in the USSR. In this sense, the novel by N.N. Williams "The Island of GNIPI" and the article by Krasnopevtsev "The main points of the development of the Russian revolutionary movement" are of interest. The dissident movement that emerged in the Sixties differed from the first opposition groups in that it was essentially moral and ethical, deeply personal, not systemically theoretical. In this regard, between the movement of the late 50s and 60s of the twentieth century. there is no continuity, and therefore it seems wrong to bring both under the general term "dissidence": although both of them disagreed, they proceeded from different principles. It's more of a generational gap.

Keywords: thought process, morality, dissidents, Nikolai Nikolaevich Williams, "The Island of GNIPI", abstract, Krasnopevtsev, autocracy, leadership, generational gap.

Rosin V.M. Polemical Dispositives of The Philosophers of The Sixtiers (Theory of Activity and Phenomenology)

Summary: If the theory of activity was formed under the influence of Marxist ideas and psychology, then phenomenology – existentialism and the theory of consciousness. The evolution of the views of G.P. Shchedrovitsky and M. Foucault, who chose Marxism and built, the first, a theory of activity and methodology, the second – a doctrine that includes an analysis of discourses, institutions and power is compared. But if Shchedrovitsky struggled with psychologism and subjectivism all his life, Foucault eventually overcomes Marxist influence and returns to the study of personality outlining in the last period of his life the main ideas of the philosophy of subjectivity. Although phenomenologists polemize with methodology denying the latter, the author argues that phenomenology is also a certain area of methodology, but fundamentally different from Shchedrovitsky's "pan-methodology".

Keywords: activity, consciousness, methodology, phenomenology, thinking, action, research, formation, subjectivity, personality.

Neklessa A.I. The Sixtiers as a Potential Subject of Social Prefiguration

Summary: The problematic of the speech is the comprehension of the complex and ambiguous phenomenon of the 60's generation, its intellectual and political potential and effectiveness. The analysis of the problem is related to the question: why did Eastern Europe and the Baltic States overcome the post-Soviet frontier of Modernity by creating democratic nation-states, and Russia failed to do so? And what role did the sixtiers play in setting up and developing events as the conceptual, creative and political potential of society?

Keywords: the sixtiers, political thaw, state-organization, partocracy, counter-hegemony, prefiguration, parallel society.

Rats M.V., Sleptsov B.G. The Activity Approach: From the 1960s to the 2020s and Onward

Summary: The version of the activity approach that has been developed since the 1960s in the Moscow Methodological Circle is briefly considerated in the article. The activity approach is opposed to the actually prevailing naturalistic one. The new approach brings a new idea of ontology and a special way of organization of thinking and activity (thought-activity systems). The distinction between the application prospects of naturalistic and activity approaches in the realm of organizing the human society and of developing the corresponding systems of rule (i. e., in the sphere of polis) is under scrutiny. The authors believe that the activity approach is adequate to eliminate the contradiction between the rapidly developing economic activity and the stagnant political practice in the to-date world.

Keywords: Moscow Methodological Circle, thinking, activity, activity approach, naturalistic approach, economic practice, political practice.

Voronin A.A. The Era of Enlightenment Illusions

Summary: The article uses the example of the history of the journal “Philosophical Studies” to discuss the rise, flourishing and fading of educational sentiments in the 80s – 90s of the last century associated with the activities of the “Sixtiers” in our country.

Keywords: philosophy, the philosophical generation, the sixtiers, the journal “Philosophical research”.

Mininkov N.A. Schoolboy's Perception of the News About the Arrested Uncle (According to His Own Memories)

Summary: Modern humanitarian research suggests the need for active heuristic work aimed at searching for personal memories. It pays special attention to the subjective perception of historical events, phenomena and processes. In particular, this applies to the memories of children whose consciousness was beginning to form, and who perceived historical events in their own way. The article contains a fragment of the author's memoirs of the news about his uncle, the famous Soviet and Russian historian N.N. Pokrovsky, who served 6 years in the case of the Krasnopevtsev-Rendel group.

Keywords: memoiristics, childhood memories, L.N. Krasnopevtsev-L.A. Rendel group, historian N.N. Pokrovsky.

Rubtsov A.I. Ideology in Russia of the Time of Postmodernity and Special Operation

Summary: Meanings in the rhetoric of “past and present” are determined by the historical size of events and intervals. If modernity was a time of ideologies, then Russia turned out to be the chosen place for the implementation of total projects, and the triumph of Marxism as a state worldview with absolute criticism of the ideological. Like the constitution of politics by Carl Schmitt through the binary opposition “friend – enemy”, ideology is constituted in the opposition “faith – knowledge”, in the spectrum between “almost religion” and ”near philosophy”. The task of philosophy is to reveal the non-obviousness of the supposedly obvious; the mission of ideology is the mass production of “obviousness”. Overcoming narrowly political reductionism reveals ideology in its ex-

treme expansion and thus distinguishes difference between systems of ideas and systems of institutions, along with shadow, latent, diffuse, penetrating and other formats of ideology.

Keywords: ideology, historical size, postmodern, obvious/non-obvious, system of ideas and system of institutions, shadow, latent, diffuse, "penetrating" ideology.

Kara-Murza A.A. Criticism of the "Russian Northerners" in the Emigrant Works of Vasily Shulgin

Summary: The article examines the question of the evolution of the ideological and political views of the famous Russian politician and writer Vasily Vitalievich Shulgin (1888–1976). Being a convinced "Russian Southerner" by his identity, Shulgin actively criticized the unilateral manifestations of "Russian Northerners" (in the "Moscow" and then "Petersburg" periods), which, in his opinion, eventually led to the degradation of the Russian ruling class and the collapse of traditional Russian statehood.

Keywords: the history of Russia, national identity, nationalism, "Russian Northerners", morevizm, emigration, White movement.

Chernikov M.V. Marxism as a Psychoconceptual Weapon

Summary: In this article, a hypothesis is put forward according to which Marxism owes its popularity and influence in the European revolutionary labor movement (at least in the late XIX – early XX centuries) not so much to its value as a scientific theory as to other circumstances.

It is discussed that the Marxist socio-political theory, not being true from a scientific point of view, is a conceptual formation successfully camouflaged under a true scientific theory, which being indoctrinated into mass public consciousness could act as a kind of "psychoconceptual weapon" capable of directing mass collective action towards achieving the goals that the managers of this "psychoconceptual weapon" set for themselves.

Keywords: ideology, Marxism, politics, indoctrination, mass consciousness, psychoconceptual weapons.

Makarenko V.P. Social Structure: Explicit and Hidden Elements

Summary: The published text is a lecture that was read by the author in 1992 for students of the Institute for Advanced Training of Teachers of Social Sciences at the Rostov State University, and then published as a separate brochure. The problems of the social structure, its explicit and hidden elements, elites and pressure groups, cliques, mafias and kinship and compatriot ties are considered. Two facts serve as the basis for the republication: the ideas presented in the 1992 lecture were developed by colleagues and led to the qualification of the modern political order in Russia as a clickocratic one; the author is still being asked to send material from thirty years ago.

Keywords: the social structure, its explicit and hidden elements, elites and pressure groups, cliques, mafias, kinship and compatriot ties.

Andresky S. Chapters from the book "Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint"

Summary: The journal "The Political Conceptology" publishes a translation of the third, fourth and fifth chapters of Stanislav Andreski's book "Wars, Revolutions and Dictatorships: Analysis of Historical and Modern Problems from a Comparative point of View" (Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint) published in 1992 in the publishing house Frank Cass.

Keywords: Stanislav Andreski, theoretical inheritance, comparative studies of wars, revolutions and dictatorships.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
State Interest as a System of Dissent:
Michel Foucault's Military-Diplomatic Model..... 6

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Sukharev M.V.
Ideomaterial Polysystems and Politics..... 15

RUSSIAN THOUGHT AND POLITICS

From the Editor..... 34

Lektorskiy V.A.
About The Philosophical "Sixtiers"..... 34

Porus V.N.
Doomed Renaissance..... 42

Neretina S.S.
Turning Time..... 45

Rosin V.M.
Polemical Dispositives of The Philosophers of The Sixtiers
(Theory of Activity and Phenomenology)..... 57

Neklessa A.I.
The Sixtiers as a Potential Subject of Social Prefiguration..... 65

Rats M.V., Sleptsov B.G.
The Activity Approach: From the 1960s to the 2020s and Onward..... 70

Voronin A.A.
The Era of Enlightenment Illusions..... 77

Mininkov N.A.
Schoolboy's Perception of the News About the Arrested Uncle
(According to His Own Memories)..... 85

Sineokaja J.V., Kuznetsova N.I., Tulchinskii G.L.
Speeches in the Discussion..... 90

ANALYSIS OF IDEOLOGIES

Rubtsov A.I.
Ideology in Russia of the Time of Postmodernity and Special Operation..... 95

Kara-Murza A.A.
Criticism of the "Russian Northerners" in the Emigrant Works of Vasily Shulgin..... 100

Chernikov M.V.
Marxism as a Psychoconceptual Weapon..... 107

DEPARTMENT

Makarenko V.P.
Social Structure: Explicit and Hidden Elements..... 123

TRANSLATIONS & COMMENTS

Andresky St.
Chapters from the book "Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint"..... 134

Authors..... 142

Summaries and keywords..... 144

Contents..... 150

Notes for contributors..... 152

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и её условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объёмом не более 1,5 а. л. — 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, учёные степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу — 2 см, справа и слева — 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски даются в тексте, в квадратных скобках: [Фамилия год: страница].

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: http://URListochnika/ . – Проверено: Дата.